

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Цзян Синьхао

Цзян Синьхао

**ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА НА
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ: НА МАТЕРИАЛЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор В. И. Супрун

Волгоград

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Российско-китайское пограничье в истории и современности ...	12
1.1 Понятие российско-китайского пограничья: топография, население, языки и культурные центры.....	12
1.1.1. Топография и населения российско-китайского пограничья	14
1.1.2. Языки и культурные центры российско-китайского пограничья.....	18
1.2. Современные процессы в русском языке пограничья, региолект	22
1.2.1. Фронтир как филологическая категория: теория, методология и российско-китайский контекст	23
1.2.2. Понятие российско-китайского фронта и фронтального пространства	26
1.2.3. Ключевые этапы этнокультурного взаимодействия между Россией и Китаем: языковая трансформация в условиях российско-китайского пограничья	30
1.2.4. Язык фронта: языковая трансформация и пиджинизация под влиянием русско-китайского взаимодействия.....	32
1.3. Китайцы в Приморье в начале XX века: антропонимический анализ	38
1.3.1. История китайских фамилий и их использование в Приморье в начале XX века	41
1.3.2. Семантика китайских личных имён	47
1.3.3. Гендерные особенности семантики китайских личных имён	52
Выводы по главе I.....	59
Глава II. Язык произведений В. К. Арсеньева	61
2.1. Биография и творческий путь В. К. Арсеньева.....	61
2.1.1. Биография В. К. Арсеньева	61
2.1.2. Творческий путь В. К. Арсеньева	66
2.2. Лексические китаизмы в произведениях В. К. Арсеньева.....	73
2.3. Русская ономастическая лексика в текстах В. К. Арсеньева	94
2.4. Китаизмы В. К. Арсеньева в современных словарях и текстах	106

2.4.1. Включение китаизмов В. К. Арсеньева в современные словари	106
2.4.2. Использование китаизмов В. К. Арсеньева в художественных текстах других авторов	111
Выводы по главе II	115
Глава III. Китаизмы в текстах писателей русской диаспоры в Харбине	116
3.1. Русская диаспора в Харбине	117
3.1.1. История русской диаспоры в Харбине	117
3.1.2. Влияние русской диаспоры на развитие Харбина	122
3.2. Художественные тексты писателей русской диаспоры в Харбине	125
3.2.1. Исторический контекст и литературное развитие русской эмиграции в Харбине	126
3.2.2. Культурное взаимодействие и его отражение в русской эмигрантской литературе	127
3.3. Лексические китаизмы в произведениях писателей русской диаспоры в Харбине	131
3.4. Русская ономастическая лексика в текстах русской диаспоры в Харбине	149
Выводы по главе III	165
Глава IV. Современные произведения о российско-китайском пограничье	167
4.1. Современные писатели, пишущие о Приамурье и Приморье	168
4.2. Лексика, отражающая жизнь людей Дальнего Востока	172
4.3. Этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта...	178
4.3.1. Российско-китайское фронтное пространство в художественных произведениях Е. М. Анташкевича «Харбин» и Н. П. Задорнова «Амур-батюшка»	178
Выводы по главе IV	190
Заключение	191
Список литературы	197
Приложение	225

ВВЕДЕНИЕ

Язык – это живой, динамичный организм, который постоянно развивается под влиянием исторических, социальных и культурных изменений. Он адаптируется к новым условиям и новым местам использования, обогащается заимствованиями, рождает неологизмы и исключает устаревшие формы, сохраняя при этом свою основу и идентичность.

В условиях развития регионального сотрудничества и глобализации расширяются торговые, культурные и гуманитарные контакты между русскими и китайцами в российско-китайском пограничье, изучение которого привлекает внимание многих лингвистов обоих государств. За 400 лет российско-китайских отношений и долговременных торговых и культурных контактов в пограничье возникло множество факторов, влияющих на особенности русского языка данного региона. В языке местного населения появились многие заимствованные слова из китайского языка, дальневосточные регионализмы и специфическая ономастическая лексика. Все эти заимствования отражают как специфику их адаптации в русском языке и принятие русскими культуры другой нации, так и процесс контактов между двумя народами.

Актуальной остаётся разработка теоретических положений о китаизмах, встречающихся в художественных произведениях писателей Дальнего Востока и русской диаспоры в Харбине. На основе лексики, отражающей жизнь населения российско-китайского пограничья, можно описать процесс адаптации китаизмов и этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта.

Актуальность диссертационного исследования заключается в том, что в условиях повышения уровня международных, межкультурных и межъязыковых контактов между Россией и Китаем существует необходимость определить особенности русского языка в российско-китайском пограничье и выявить их отражение в художественных

произведениях русских авторов разных этапов развития литературного процесса в России и русской диаспоре в Китае.

Объект исследования – лексико-фразеологические и ономастические единицы, отражающие специфику российско-китайского пограничья в художественных произведениях разных авторов.

Предмет исследования заключается в определении семантических и функциональных особенностей китаизмов и ономастической лексики в художественных произведениях о российско-китайском пограничье, в выявлении этнолингвокультурных особенностей лексики, отражающихся в текстах о российско-китайском фронтире.

Источниками настоящего исследования являются художественные и публицистические произведения В. К. Арсеньева, писателей русской диаспоре в Харбине В. П. Петрова, Н. А. Байкова, Е. П. Таскиной, современных представителей литературы Дальнего Востока В. О. Авченко, Е. М. Анташкевича, Н. П. Задорнова и др., а также справочник жителей Владивостока 1924 года.

Материалом диссертации послужила авторская картотека, содержащая более двух тысяч лексических единиц, включающая китайские заимствования и единицы различных разрядов ономастической лексики, зафиксированные в художественных текстах анализированных авторов.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей русского языка российско-китайского пограничья на основе художественных произведений разного времени написания и обнаружение этнолингвокультурных особенностей современного российско-китайского фронта на материале произведений писателей литературы Дальнего Востока и русской диаспоре в Китае.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) представить реальную лингвальную ситуацию на российско-китайском пограничье, описать историю взаимодействия между

русскими и китайцами и важные события в данном регионе;

2) представить биографию и творческий путь В. К. Арсеньева, выявить китаизмы и онимы китайского происхождения, встречающиеся в его произведениях, отметить фиксацию использованных В. К. Арсеньевым китаизмов в авторитетных русских и русско-китайских словарях и их влияние на творчество других русских авторов;

3) описать историю развития русской эмигрантской литературы в Харбине и главные факторы, повлиявшие на выбор писателями тем для творчества;

4) выявить китаизмы и ономастическую лексику в произведениях В. П. Петрова, Н. А. Байкова, Е. П. Таскиной и др.;

5) проанализировать лексику, включая китаизмы, отражающую жизнь людей Дальнего Востока в произведениях современных писателей России;

6) определить этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта на материале произведений писателей Дальнего Востока и русской диаспоры в Китае;

7) выявить количественные характеристики и особенности транскрипции китайских имён в списке жителей Владивостока 1924 года, а также семантику антропонимов китайцев Владивостока.

Методологическую основу диссертации составляют общелингвистические положения об историческом развитии языка, межъязыковых контактах, труды классиков и современных исследователей о заимствованиях в русском литературном и народном языке, позволяющие всесторонне выявить и проанализировать китаизмы, китайские онимы и процесс их адаптации в русском языке, а также обнаружить этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта.

Теоретическую базу исследования составили труды российских, китайских и западных учёных в следующих областях:

– теория фронта (А. А. Андреева, О. Н. Александрова-Осокина, Т. В.

Воробьева, Д. В. Сень, А. А. Забияко, Д. С. Панарин, Н. А. Коноплева, Ф. Дж. Тёрнер, Л. Февр, Э. Фурнисс и др.);

– теория текста (Ю. М. Лотман, Н. В. Киреева, Н. С. Милянчук, В. И. Супрун, Л. С. Лопаткина, С. И. Красовская и др.);

– проблемы лексических заимствований и пиджинизации (В. А. Виноградов, И. Г. Добродомов, Е. А. Оглезнева, Е. В. Перехвальская, Н. А. Жданова, Е. В. Касимова, Н. В. Михайлюкова, О. Т. Хужанова, Ли Иньфэн, Ма На, Цянь Цзюнь и др.);

– вопросы китаеведения и русско-китайского взаимодействия (В. Г. Дацышен, В. С. Мясников, Т. В. Кит, В. Г. Шаронова, Гэн Ицзинь, Дин Сян, Мяо Хуэй, Мэйвэй Янь, Пэй Цзяминь, Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун и др.);

– теория ономастики (О. А. Гусева, Д. С. Козлова, И. Ю. Зуенко, Г. Б. Мадиева, В. В. Дашеева, В. И. Супрун, Е. А. Хамаева, Чжан Юй, Цянь Цзысинь и др.).

Основным методом исследования является описательный, представленный приемами классификации, количественных подсчетов и др. Кроме того, используется фронтальный и типологический методы, а также элементы сравнительно-исторического и социолингвистического методов при анализе функционирования единиц в русском и китайском языках. Фронтальный метод используется впервые для описания особенностей функционирования языков в российско-китайском пограничье.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проанализированы китаизмы и онимы в художественных произведениях, отражающих культурное и языковое взаимодействие между русскими и китайцами на российско-китайском пограничье, выявлен уровень фиксации китаизмов в авторитетных словарях и определена эволюция некоторых

китаизмов в русском языке; рассмотрена ономастическая лексика, связанная с Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД) и русской диаспорой в Харбине, а также с жизнью китайских торговцев и рабочих во Владивостоке. Впервые определены особенности русского языка российско-китайского пограничья с точки зрения функционирования китаизмов и онимов и процесса их адаптации, выявлены этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта на материале произведений представителей литературы Дальнего Востока.

Теоретическая ценность диссертации определяется вкладом исследования в историческую лексикологию русского языка, в изучение заимствованной лексики в русском языке, в лексикографию русского языка и русскую ономастику, лингвокультурологию, этнолингвистику и лингвофронтологию.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут найти применение в практике преподавания русского языка в школе и вузе, а также при изучении русского языка как иностранного китайскими студентами, при изучении российско-китайского фронта и русской эмигрантской литературы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Особенности жизни на российско-китайском пограничье создают благоприятные условия для развития обширных экономических, политических, культурных связей между русскими и китайцами, что приводит к этнолингвокультурному взаимодействию народов, осуществляемому уже более четырёх веков. В рассматриваемом пограничье появились важные культурные центры с обеих сторон границы (Харбин, Владивосток, Благовещенск и др.), в которых это взаимодействие проявляется наиболее интенсивно. В этих городах и их окрестностях в русскоязычную коммуникацию активно включаются китаизмы, отражающие китайские реалии и позволяющие с их помощью экономно и целесообразно организовать процесс общения представителей двух народов.

2. В русском языке пограничья активно используются онимы китайского происхождения. Они подвергаются фонетической адаптации, включаются в тексты, склоняются по правилам русской морфологии. Правила записи китайских онимов по-русски были выработаны китаеведом архимандритом Иакинфом (Бичуриным) в 1839 году, а затем в 1888 году уточнены архимандритом Палладием (Кафаровым), в честь которого система получила название *палладица*. Однако в реальном использовании обнаруживаются отступления от неё, неточности, запись с учётом диалектных особенностей китайского языка, что затрудняет восстановление исконного звучания и иероглифической записи китайского онима. Знание особенностей функционирования китайских онимов позволяет с большой долей вероятности восстановить китайские имена собственные, включённые в русские тексты.

3. Одним из первых русских писателей, кто включил китайскую апеллятивную и ономастическую лексику в свои произведения, был Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930). В диссертации проанализированы используемые им заимствованные слова, отражающие повседневную жизнь населения Маньчжурии: *да-янь* 大烟 [dà yān], *ян-чжень* 洋人 [yáng rén], *даба* 大布 [dà bù], *цзян-цзюнь* 将军 [jiāng jūn], *му-эр* 木耳 [mù ěr], *хай-шень* 海参 [hǎi shēn], *хуан-ци* 黄芪 [huáng qí], *мань-тоу* 馒头 [mán tóu], *куай-цзы* 筷子 [kuài zi] и др. Выявлены некоторые устаревшие топонимы в произведениях В. К. Арсеньева и указаны современные названия географических объектов (гора Чанбошань, реки Суйфун, Нингута, Сансин и др.). Рассмотрена фиксация использованных В. К. Арсеньевым китаизмов в авторитетных русских и русско-китайских словарях. Отмечено влияние творчества писателя на труды других русских литераторов.

4. Особенно частотны китаизмы и китайские онимы в речи русской диаспоры Харбина, поскольку без них была невозможной полноценная

коммуникация. Появление русскоязычной диаспоры, в которую входили не только русские, но и представители других народов России, в этом китайском городе связано со строительством и эксплуатацией Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В Харбине, а затем в Шанхае существовали объединения писателей русской эмигрантской литературы, включающие в свои произведения апеллятивные китаизмы и онимы разных разрядов китайского происхождения: *гаолян* 高粱 [gāo liáng], *жемчуг* 珍珠 [zhēn zhū], *женьшень* 人參 [rén shēn], *кан* 炕 [kàng], *фанза* 房子 [fáng zi] и др.

5. Традиции, заложенные В. К. Арсеньевым и представителями русской эмигрантской литературы Харбина, по включению в текст слов, описывающих китайские реалии, были продолжены и развиты в современной литературе Дальнего Востока. Выявлены этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта на материале произведений современных русских писателей.

6. Проведенный анализ мужских и женских личных имён китайских иммигрантов Владивостока четко отражает гендерную модель, представленную в китайской антропонимической системе. В мужских именах наблюдаются ассоциации с мужественностью, конфуцианской культурой, патриархальной концепцией, положительными качествами, благословением, в женских именах подчеркиваются качества, связанные с внешней привлекательностью и внутренней добродетелью. Имена владивостокских китайцев не только отражают глубокую связь с китайской культурой, но и свидетельствуют о стремлении к стабильной жизни, процветанию своего дела и сохранению традиционной идентичности в инокультурном окружении.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в качестве докладов на конференциях различного уровня: Всероссийская студенческая научная конференция «Молодёжь за русский язык» (Волгоград, 2023); VII Международная научная конференция «Сталинградская гвоздика» (Волгоград, 2024); XXII Международная

конференция «Ономастика Поволжья» (Саратов, 2024); Всероссийская научно-практическая конференция «Сталинградская битва в историко-культурной памяти народов» (Волгоград, 2024); XI Международная научная конференция студентов и молодых учёных «Новые горизонты русистики» (Донецк, 2024); V научная конференция студентов и аспирантов «Славянские филологические школы» с международным участием (Волгоград, 2024); 35-е Волгоградские областные краеведческие чтения: посвященные 80-летию победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 2025); VIII Международная научная конференция и II Студенческая научно-практическая конференция «Сталинградская гвоздика» (2025); XXIII городской с международным участием фестиваль славянских языков и культур, посвященный деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Волгоград, 2025); XXXVI Волгоградские областные краеведческие чтения (Волгоград, 2026).

Основные положения работы обсуждались на кафедре русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Содержание работы раскрыто в 7 научных публикациях (общий объём – 6,9 п. л.), из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, и 4 статьи в изданиях, включенных в базу РИНЦ..

Структура диссертации. Диссертационное исследование (общий объём – 227 страниц) состоит из введения, четырех глав, заключения, списков использованной литературы (241 позиция), словарей и энциклопедией (20 позиций), печатных и электронных источников (54 позиции) и шести приложений.

ГЛАВА I. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

1.1. Понятие российско-китайского пограничья: топография, население, языки, культурные центры

В Большом академическом словаре *пограничье* определяется как ‘территория, расположенная у границы чего-либо, между чем-то’, причем все иллюстрации в словарной статье относятся к границам между государствами [БАС-3, т. 17, с. 370]. Это слово образовано конфиксальным способом от слова *граница*, которое означает ‘условная линия раздела между территориями; рубеж’ [БТС, с. 226]. Согласно Ю. М. Лотману, «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее (“свое”) пространство и внешнее (“чужое”)». Как это бинарное разбиение интерпретируется, зависит от типологии культуры. Однако само такое разбиение является универсальным. Граница может отделять живых от мертвых, оседлых от кочевых, город от степи, иметь государственный, социальный, национальный, конфессиональный или какой-либо иной характер» [Лотман, 1996, с. 191].

Итак, пограничье – это территория, расположенная у границы чего-либо, между чем-то. В контексте международных отношений пограничье часто становится местом интенсивных культурных, языковых и экономических контактов. Это связано с тем, что пограничье является зоной пересечения различных культурных, языковых и экономических систем, что способствует обмену идеями, товарами и традициями.

Россия и Китай, будучи сопредельными странами, имеют более чем четырехсотлетнюю историю взаимодействия, в котором российско-китайское пограничье сыграло важную роль в культурных и языковых контактах между двумя странами. С точки зрения некоторых китайских ученых, первые контакты Руси и Китая произошли в династии Юань (元朝 [Yuán cháo], 1271–1368), когда Китай и Русь были подчинены Монгольской империи и между ними существовали только кратковременные сношения [张维华, 1997].

В начальном периоде правления династии Мин (明朝 [míng cháo], 1368–1644) правительство Чжу Юаньчжана (朱元璋, 1328–1398) обращало больше внимание на внутреннюю ситуацию, укрепление своей власти, создание армии, подавление восстаний и др., поэтому северный сосед не вызывал у него большого интереса [Бокшанин, 2000]. Но по мере сближения территориальных владений России и Китая начались попытки установления дипломатических и торговых связей между странами. При императоре Чжу Чанпо (朱常洛, 1585–1620) был осуществлен первый официальный контакт между русскими и китайцами. В 1618 году первое русское посольство, которое возглавил томский казак Иван Петлин, в составе более 10 человек было направлено из Тобольска в Пекин [Супрун, 2021, с. 15].

В XVII веке в России начали направлять географические экспедиции и проводить исследования Дальнего Востока, по результатам которых были изучены Забайкалье и Приамурье, Охотское море, реки Амур, Сунгари, Уссури и др. Россия становилась не только европейским государством, но и азиатским, тем самым Москва начала интересоваться своим восточным соседом [Захаренко, 2009, с. 49].

В 1636 году начала править династия Цин (清朝 [qīng cháo], 1636–1912), контакты между русскими и китайцами продолжились. В 1649–1689 годах произошла серия столкновений между русскими и цинскими войсками на реке Амур, что завершилось подписанием 27 августа (6 сентября) 1689 года Нерчинского договора. Это был первый мирный договор между Россией и Китаем, определивший границу и отношения между двумя государствами [Беспрозванных, 1986, с. 79–89]. Одновременно в Нерчинске постепенно развивалась приграничная торговля, которая сыграла важную роль в экономическом сближении и культурном взаимопонимании народов двух стран [Мясников, 1980, с. 261].

Большое влияние на формировании российско-китайского пограничья оказали опиумные войны в Китае, после которых в 1858 и 1860 годы были

подписаны Айгунский и Пекинский договоры соответственно. Так окончательно сложилась территория российско-китайского пограничья, которое существует поныне [Цзян Синьхао, 2024, с. 61].

1.1.1. Топография и население российско-китайского пограничья

Современная российско-китайская граница составляет 4209,3 км, она разделяется на два участка: основной восточный и небольшой западный (около 50 км). На западном участке Республика Алтай граничит с Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая. На восточном участке Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край и Приморский край России находятся на границе с китайскими провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь и автономным районом Внутренняя Монголия. Именно эти пять субъектов РФ, две провинции и один автономный район КНР и составляют российско-китайское пограничье [Цзян Синьхао, 2024, с. 58].

Этот регион расположен на северо-востоке Евразии, примыкая к Японскому и Охотскому морям. Площадь данного региона составляет около 3,6 млн км² [Петухов, 2021, с. 147, 151]. Здесь средневысотные горы и низкогорья занимают значительную площадь, к ним относятся *хребет Сихотэ-Алиня, Большой Хинган, Малый Хинган, Монгольское плато, гора Чанбайшань*. Равнины уступают им по площади, они разделяются на два типа: 1) речные аллювиальные, 2) озерные аллювиальные. К первому типу относятся *равнина Саньцзян, равнина Суннэнь, равнина Сунляо*, ко второму – *Уссурийско-Ханкайско-Суйфунская равнина* [Рихтер, 1961, с. 90–91; Петухов, 2021, с. 147].

Климат большей части российского Дальнего Востока и северо-восточной части Китая характеризуется умеренными муссонными чертами, российско-китайское пограничье имеет одинаковые климатические особенности. Под влиянием этих климатических условий в этом регионе появились обширные речные системы, основным источником которых являются атмосферные осадки. Реки данного региона в основном

принадлежат к бассейнам двух морей Тихого океана: Охотского и Японского. В российско-китайском пограничье существуют крупные реки и их притоки. Главной рекой Дальнего Востока и российско-китайского пограничья является Амур, по-китайски он называется Хэйлунцзян (黑龙江 [hēi lóng jiāng] ‘река Чёрного дракона’), его длина 4354 км, площадь бассейна – 2129260 км². Река Амур берет начало на склонах хребта Большого Хингана, впадает в Татарский пролив, соединяющий Охотское море с Японским. Эта река играет важную роль в российско-китайское пограничье, потому что она выступает естественной границей между Россией и Китаем, позволяя осуществлять контакты между двумя народами и государствами.

Амур имеет крупные притоки: *Сунгари, Уссури, Зея, Бурея, Амгунь* и др., среди них особо выделяются *Уссури и Сунгари*. Река Уссури берет начало на восточных склонах хребта Сихотэ-Алинь, её длина 897 км, площадь бассейна – 187000 км². К ее основным притокам относятся реки Иман, Бикин, Хор и др. В бассейне реки Уссури имеется озеро Ханка. Основной правый приток Амура – река Сунгари, китайское название Сунхуацзян (松花江 [sōng huā jiāng]), ее протяженность – 1925 км. Она начинается на горе Чанбайшань, пересекает Восточно-Маньчжурские горы, равнину Сунляо и Амуро-Сунгарскую низменность. Ее основные притоки – реки Муданьцзян, Нэньцзян, Хуланьхэ и др. Она впадает в реку Амур у города Тунцзян (同江市 [tóng jiāng shì]) [Рихтер, 1961, с. 120–121].

В этих климатических и природных условиях на российско-китайском пограничье имеется разнообразный растительный и животный мир. По видам растительности здесь выделяются чернопихтово-широколиственные, кедрово-широколиственные, нагорные дубово-широколиственные, длинные широколиственные, горные кедрово-еловые и др. растения. Чернопихтово-широколиственный район расположен в южной части Приморья, где фауна отличается разнообразием, здесь распространены пятнистый олень, красный волк и др. Кедрово-широколиственный район

занимает более обширные территории, он включает бассейн реки Уссури и среднее Приамурье. Здесь живут маньчжурский тигр, дикий кабан, черный медведь, барсук и др. Животный мир нагорных дубово-широколиственных лесов беднее первых двух регионов, здесь можно встретить косуль, волков, лисиц и изюбрей. Обитателями горных кедрово-еловых лесов являются животные, генетически близкие к представителям горной фауны Китая и других южных стран. В озере Ханка, низовьях реки Уссури, долине Амура можно встретиться с уссурийским журавлем, лебедем-шипунем, многими видами уток и др. [Рихтер, 1961, с. 256, 258, 262; Петухов, 2021, с. 147, 151]. Все эти представители флоры и фауны имеют особые наименования в литературных языках и диалектах проживающих здесь народов.

Население, проживающее на российско-китайском пограничье, можно разделить на две группы: 1) местные жители; 2) переселенцы. К коренным народам Приамурья и Приморья относятся удэгейцы, нанайцы, тазы, эвенки (тунгусы), дауры, дючеры, гиляки, натки, эвенки и др. [Старцев, 2012, с. 92; Оглезнева, 2011, с. 8], коренное население Северо-Восточного Китая – ханьцы, маньчжуры, ороочоны, монголы, буряты, эвенки и др. [Петухов, 2021, с. 147, 151; 唐戈, 2004, с. 21–23].

После подписания Айгунского и Пекинского договоров граница между Россией и Китаем была окончательно определена, Приамурье и Уссурийский край были присоединены к Российской империи. Чтобы контролировать и развивать эти малолюдные территории, правительство России в конце XIX века осуществляло переселение жителей центральных регионов страны в Приамурье. В 1859 году здесь появилась первая партия славянских переселенцев, в основном крестьян. Это были выходцы из центрально-черноземных и украинских губерний.

По мере строительства Сибирской железной дороги сюда прибывало всё больше переселенцев из губерний Европейской России [Блохинская, 2011, с. 25, 26]. Среди переселенцев было немало поляков из Царства Польского, находившегося в составе Российской империи. Кроме славянского

переселения, в Сибирь и на Дальний Восток переезжали представители других народов России: татары, представители народов Поволжья, Прибалтики и пр.

В это же время в российско-китайском пограничье появились японцы и корейцы. В середине XIX века в Японии количество населения значительно увеличилось, а посевная площадь осталась неизменной. Японцы впервые прибыли в Приморье в конце 60-х XIX века, большинство из них были лесорубами и моряками. С установлением регулярной морской навигации между Японией и Владивостоком в конце XIX – начале XX века количество японских переселенцев во Владивостоке непрерывно повышалось и в 1902 году достигло 2996 человек. Японские торговцы привозили из Японии предметы первой необходимости, продукты, включая соевый соус, рис и др., чтобы удовлетворять потребности своих сограждан и местного населения. Строя далекоидущие планы, японское правительство основывало библиотеки, храмы, школы и др., что играло важную роль в процессе развития культурных контактов между японскими переселенцами и русскими жителями Владивостока. С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. эти контакты прервались. Но после окончания войны и нормализации российско-японских отношений отношения между русскими и японцами продолжились, количество японских переселенцев выросло, к 1917 году оно составило 5527 человек [白景虹, 2024, с. 113–117].

Во второй половине XIX века жизнь корейцев была весьма тяжелой. В 50–60-е годы XIX века политика самоизоляции достигла пика в Корее. После подписания Пекинского договора и присоединения Южно-Уссурийского края к России возникла граница между Россией и Кореей, расположенная по реке Тюмень-ула. Это вызвало усиление корейской политики самоизоляции. Население северных провинций Кореи не раз испытывало неурожай и голод из-за плохих погодных условий, при этом люди должны были платить налоги и подвергаться гнету со стороны чиновников. Российское правительство охотно принимало корейских

переселенцев, выделяло им земли для сельскохозяйственных работ. 27 апреля 1861 года были утверждены Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях, что создало улучшение условий для переселения в Приамурье корейцев. За 1862–1882 годы количество корейских переселенцев в Приморье достигло 10137 человек. В 1867 году тайком перебежали через границу около 1000 человек. В 1906 году наступил второй пик переселения корейцев на Дальний Восток, их количество составило более 45 тысяч человек [Шрейдер, 1897, с. 176; Пак, 2013, с. 20–22; 南惠英, 2013, с. 34–36]. Таким образом, русские, украинцы, белорусы, поляки, другие народы России, а также корейцы и японцы вошли в состав этнической семьи этого региона.

1.1.2. Языки и культурные центры российско-китайского пограничья

К языкам автохтонных народов Приамурья и Приморья относятся эвенкийский (тунгусский), ороцкий, удэгейский, нанайский и др., некоторые из них являются бесписьменным и не имеют литературной формы [Блохинская, 2014, с. 18]. С другой стороны российско-китайского пограничья распространены китайский и маньчжурский языки. Вслед за определением границ между Россией и Китаем появилась китайская эмиграция в Приамурье, китайский и маньчжурский языки появляются здесь вместе с эмигрантами [Блохинская, 2014, с. 24].

По мере прибывания славянского населения на Дальний Восток постепенно здесь получает распространение русский язык, а также белорусский, украинский и польский. В связи с тем, что большинство переселенцев с Украины и из Белоруссии были крестьянами, свои языки они чаще использовали в диалектно-разговорной форме. После Октябрьской революции и появления Украины в составе СССР как отдельной республики, в которой уделяли внимание развитию литературного языка, в российско-китайском пограничье украинский язык короткое время использовался его носителями в литературной форме, но в дальнейшем этот

процесс распространения не получил. Ещё в меньшей степени в речи переселенцев из Белоруссии использовался белорусский литературный язык.

Русский язык стал основным коммуникативным идиомом в жизни населения Дальнего Востока, на нём осуществлялись административное управление, образование, культура, печатная деятельность и др. [Блохинская, 2014, с. 21]. Кроме славянских языков, на российско-китайском пограничье отмечены также корейский, японский, татарский языки и др. По причине малочисленности состава их носителей они употреблялись только в пределах семейного и диаспорного общения [Блохинская, 2014, с. 25].

В 400-летней истории взаимоотношений между Россией и Китаем мы можем выделить три хронологических периода, в каждом из них отмечаются особенности взаимодействия языков и культур.

Первый период: XVII – первая половина XIX века

После подписания Нерчинского договора в городе Нерчинске начала развиваться приграничная торговля между Россией и Китаем, купцы привозили сюда свои товары, продавали их или обменялись ими. Одновременно происходили языковые контакты этносов двух государств и взаимодействие во многих областях. Экономические и культурные контакты между народами России и Китая стали более интенсивными после подписания Кяхтинского договора, по которому центры пограничной торговли были перемещены в Кяхту и Цирухайту и была официально определена русская караванная торговля, которая привозила свои товары в Китай, включая пушнину [Залесская, 2024, с. 136; Дацышен, 2004, с. 65]. Чтобы отвечать возрастающим потребностям населения Кяхты в изучении китайского языка, в 1830 году было открыто Кяхтинское училище китайского языка, первым преподавателем которого был Н. Я. Бичурин. С 1831 г. бессменным руководителем и преподавателем китайского языка в Кяхте был К. Г. Крымский [Дацышен, 2004, с. 79]. Нерчинск и Кяхта стали важными культурными и экономическими центрами на российско-китайском пограничье в истории взаимоотношений двух стран.

Второй период: вторая половина XIX века – первая половина XX века

С подписанием Айгунского и Пекинского договоров российско-китайское пограничье было окончательно сформировано, условия пограничной сухопутной торговли между двумя странами значительно улучшились. Айгунский договор определил, что государства позволяют проживающим по рекам Уссури, Амуру, Сунгари вести взаимную торговлю. По этим рекам разрешалось плавать только русским и дацинским судам, «начальствующие должны взаимно покровительствовать на обеих берегах торгующим людям двух государств» [Пещуров, 1889, с. 111]. Города Айгунь (нынешний район Айхуэй города Хэйхэ) и Благовещенск становятся важными центрами российско-китайского взаимодействия. На фоне бурного развития пограничной торговли во второй половине XIX века и с увеличением населения в Благовещенске и с развитием золотопромышленности в Амурской области требования к условиям жизни значительно повышаются. Дацинское правительство приняло решение организовать ярмарки в Айгуне и в Благовещенске ежемесячно по 7 дней в каждом городе. Губернатор Амурской области разрешил строить деревянные лавки и складские магазины в Благовещенске [Кит, 2011, с. 32]. Китайские купцы стали привозить на ярмарки продукты: масло, соль, фрукты и др.; русские купцы продавали мануфактурные изделия, мех и др. В Благовещенске появились магазины одежды, парикмахерские, универсальные магазины русских и китайских торговцев. Наиболее крупными из них были магазины фирмы «Цюаньсинфу» китайского купца Цзян Жунцяя [Залеская, 2024, с. 139]. Всё это создавало хорошие условия для культурных и языковых контактов между народами на российско-китайском пограничье.

Подписание Айгунского и Пекинского договоров не только заложило основы развития пограничной торговли, но и стимулировало развитие экономической деятельности на Дальнем Востоке. С 70-х годов XIX века китайцы начали прибывать сюда на заработки, они участвовали в строительстве Владивостокской крепости и порта, Уссурийской железной

дороги, строили магазины и вели торговлю. Благодаря энергии, трудолюбию и настойчивости китайцев доля их магазинов занимает всё большую часть в малой и средней розничной торговли в Приамурье и Приморье. Во Владивостоке были сосредоточены многие китайские фирмы, которые кредитовались Русско-китайским банком. В 90-е годы XIX века в городе уже было 127 китайских магазинов, их торговый оборот превышал 19 млн рублей. По инициативе китайской торговой буржуазии в 1907 году было учреждено Владивостокское общество взаимопомощи, которое являлось филиалом Главного владивостокского китайского торгового общества и не только выступало не только в качестве административной и судебной организации, но и подчинялось китайскому правительству, выполняя указание Министерства торговли, труда и земледелия Китая. Китайские купцы во всех городах и населенных пунктах Уссурийского края имели свои общества, с помощью которых они продавали *ханшин, чай, гаолян* и другие товары, привезенные из Маньчжурии, и покупали у русских пушнину, морскую капусту и др.

В связи с прибыванием китайских эмигрантов и развитием торговли народы лучше узнавали традиции и обычаи друг друга. Некоторые китайские традиционные продукты стали популярными у русских. Местные жители интересовались празднованием китайцами Нового года, узнавали о пользе женьшеня и некоторых инструментов, удобных для обработки пахотной земли [Залеская, 2024, с. 138; Романова, 2009, с. 143, 145, 147]. В результате расширения контактов между русскими и китайцами во Владивостоке были открыты Восточный институт в 1899 г. и русско-китайская школа в 1896 г. [Залеская, 2024, с. 139].

В первой половине XX века крупнейшим городом русской эмиграции в Китае стал Харбин, появление которого тесно связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги в северо-восточном Китае. Его роль в развитии российско-китайского взаимодействия в пограничье и появлении китаизмов в русском языке будет подробно рассмотрена в третьей главе.

Третий период: вторая половина XX века – настоящее время

Новый период развития российско-китайских взаимоотношений начинается после создания Китайской Народной Республики. На следующий день после её учреждения 2 октября 1949 года Советский Союз первым из стран мира признаёт КНР. 14 февраля 1950 года был подписан «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» (中苏友好同盟互助条约) между СССР и КНР. После некоторого охлаждения отношений в 1960-е годы в конце XX – начале XXI века было возобновлено добрососедское партнёрство, 16 июля 2001 года был подписан Российско-китайский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (中俄睦邻友好合作条约). Месяцем ранее была создана Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) (上海合作组织), в которую вошли Россия, КНР, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан. Всё это создавало благоприятные условия для укрепления и развития отношений на всех уровнях в российско-китайском пограничье.

1.2. Современные процессы в русском языке пограничья, региолект

Взаимодействие между народами в разных областях их деятельности неизбежно, поскольку в современном мире происходят постоянные контакты между государствами в экономической, политической, культурной сферах, устанавливаются связи между правительствами, общественными организациями, отдельными людьми. Но особенно интенсивно это взаимодействие происходит в пограничных областях, где такие контакты являются легко достижимыми, естественными, имеющими длительную историю.

Если в географических, политических, экономических науках для описания отношений между контактирующими народами и государствами используются термины *граница*, *порубежье* и *пограничье*, то в исследованиях специалистов по гуманитарным наукам в последнее время можно встретить термин *фронтир*. Рассмотрим его в филологическом преломлении.

1.2.1. Фронтир как филологическая категория: теория, методология и российско-китайский контекст

Термин фронтир (англ. frontier) используется для обозначения контактной зоны встречи и взаимодействия различных культур и цивилизаций. Он был впервые использован в конце XIX века американским историком Фредериком Джексоном Тёрнером (1861–1932) в лекции «Значение границы (frontier) в американской истории», прочитанной в Чикаго 12 июля 1893 года на заседании Американской исторической ассоциации (American Historical Association) [Turner 1920, p. 1]. Учёный полагал, что социальные институты, существующие в Соединённых Штатах Америки, не были заимствованы из Европы, а появились в результате экспансии новых земель – взаимодействия с фронтиром [Тёрнер 2009].

Ещё при жизни Ф. Дж. Тёрнера его теория фронта была опровергнута другими американскими историками как многофакторная, не учитывающая многие аспекты развития общества. К исследованию различных аспектов фронта подключились учёные из разных стран [Febvre 1973; Slotkin 2000; Furniss 2005]. В наши дни термин Ф. Дж. Тёрнера был наполнен новым содержанием и активно используется в исследованиях российских учёных. Главным различием между термином *фронтир* и его русскими эквивалентами *граница*, *рубеж* заключаются в том, что в последние включены конкретные пространственные значения и коннотации, тогда как *фронтир* – термин политологии, истории, этнологии, культурологии и ряда других гуманитарных наук. Он представляет собой не просто географическую границу между странами, а комплексный феномен, включающий экономические, социальные, культурные, исторические, языковые аспекты взаимодействия народов в пограничных территориях.

По мере роста экономических, политических, межкультурных, лингвальных контактов многогранность понятия фронта стала всё более актуальной. В России данный термин чаще употребляется в исследованиях регионов, где наблюдаются активные межъязыковые и межкультурные

контакты, таких как Сибирь, Алтай, Дальний Восток и др. В научных исследованиях термин *фронтир* стал регулярным и постоянно повышает частотность своего употребления [Андреева, 2025, с. 141; Иванова, 2016, с. 72; Воробьева, 2012, с. 8].

В конце XX века концепцию фронта начали активно употреблять в научных трудах для изучения Сибири. Фронтирные исследования в России в основном подразделяется на три направления: социально-географическое, цивилизационное и альтернативное. М. В. Шиловский, А. Д. Агдеев, А. С. Хромых, Н. Ю. Замятина, В. В. Согрин, Л. М. Троицкая и другие русские учёные внесли свой вклад в развитие этих исследований [Андреева, 2014, с. 12].

В XXI веке к исследованию филологических характеристик фронта подключились лингвисты, которые основное внимание уделяют исследованию взаимодействия языка и культуры на определённой территории, что создаёт необходимые условия для изучения языковых изменений пограничья [Забияко, 2010, с. 5]. В рамках цивилизационного направления фронтирных исследований в последние годы стал всё более популярным филологический подход, ему посвятили свои труды русские учёные А. А. Андреева, Д. С. Панарин и др.

Филологическое направление развивает теории фронтирного дискурса, городского фронта, языкового пограничья и др. Исследователи отмечают, что содержание фронтирного дискурса выражается с помощью текстов художественной литературы, фронтир рассматривается не только как граница, но и как историко-культурный процесс, осуществленный на пограничных территориях. Характеристиками фронтирного дискурса являются диффузность, открытость и нестабильность, под влиянием которых часто наблюдается нарушение нормы и стиля текста и употребление нестандартных языковых средств.

По второй теории город рассматривает в качестве иллюстрации движущейся границы, в которой происходит передвижение между центром и

окрестностями, новыми и старыми микрорайонами города, что приводит к сильным изменениям в социальной, природной и экономической жизни города, в то же время это способствует контактам культур и языков в городе. С учётом фактора фронтальной территории в поликультурном городском пространстве и в связи с соприкосновением культуры и языка возникает зона интеграции, в которой существует официальный язык и нестандартные идиомы, возникающие в результате языкового контакта, что и определяет языковую картину пограничья.

Третья теория изучает процессы соприкосновения, столкновения и адаптации языков в пограничных условиях. Во фронтальном регионе нестандартные жанровые образования и соприкосновение языков способствует появлению новых форм выражения [Синельникова, 2020, с. 470–471, 474, 484].

К методам в филологическом направлении фронтальных исследований относятся дескриптивно-аналитический (толкование социально-значимых процессов, анализ языковых явлений в пограничных условиях, исследования трансформации языковых норм); когнитивно-дискурсивный (взаимодействие текста и контекста); социокультурных наблюдений (определение смыслов и значений фронтального характера, исследование культурных феноменов, изучение языкового поведения в различных контекстах); историко-культурный (соотнесение языка изучаемых текстов с некоторыми философско-эстетическими теориями их времени); целостного литературоведческого анализа и т. д. [Синельникова, 2020, с. 471; Ван Юцзюань, 2024, с. 3661].

Интерес к исследованию особенностей взаимодействия людей и народов на контактных территориях привёл к созданию в Астрахани общества «Генезис. Фронт. Наука», которое с 2016 года издаёт «Журнал фронтальных исследований». В программе журнала заявлялось, что он будет публиковать статьи по исследованию культурных контактов и проблем встраивания человека в новые природные ландшафты, взаимодействия в

системах «человек – человек», «человек – природа», «человек – природа – человек», «природа – человек – природа». С точки зрения редакции журнала, фронтир – это не столько пространство, сколько культурная парадигма, возникающая как реакция на «встречу-с-чужим»: новыми субъектами, новой природной средой, новой культурной или научной парадигмой и т. д.

Таким образом, концепция фронта в филологическом осмыслении позволяет глубже изучить процесс культурных и языковых контактов между разными этносами в пограничье, в российско-китайском контексте это проявляется в виде культурной и языковой гибридизации, пиджинизации и др.

1.2.2. Понятие российско-китайского фронта и фронтального пространства

А. А. Забияко так определяет термин *дальневосточный фронтир*: «Понятие “дальневосточный фронтир” обозначает контактную зону в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В этой контактной зоне в атмосфере тесного межэтнического взаимодействия с середины XIX в. соединились судьбы русского и китайского, корейского, тунгусо-маньчжурского населения; сформировались психологические, языковые и культурные границы совместимости этносов» [Забияко, 2016, с. 11].

На основании исследований российских учёных можно определить российско-китайский фронтир следующим образом: это динамичная контактная зона на российско-китайском пограничье, в которой благодаря таким факторам, как географическая близость, инфраструктурные коридоры (КВЖД, Транссиб), активное развитие приграничной торговли (Кятха, Нерчинск, Маймайчэн) двухсторонних миграционных потоков, начиная со второй половины XIX века, сформировались устойчивые экономические, демографические, культурные, языковые контакты и взаимодействия между русскими, китайцами и аборигенами Приамурья [Янченко, 2024, с. 521–523, 525; Цзян Синьхао, 2024, с. 60; Забияко, 2010, с. 6].

Д. С. Панарин, А. Т. Урушадзе, Л. Н. Синельникова и др. дают

определение *фронтирного пространства*: это территория контакта и взаимодействия представителей различных культур и социальных традиций, на которой в процессе адаптации и частичной ассимиляции формируется новая общность и соответственно новое общество под влиянием природно-климатических, политических, экономических, культурных и религиозно-идеологических факторов [Панарин, 2015, с. 22; Урушадзе, 2020, с. 85; Синельникова, 2020, с. 470]. В связи с этим представляется продуктивным выявить этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта через категорию российско-китайского фронтирного пространства, отражающую последствия межкультурных контактов между русскими, китайцами и коренными народами Приамурья.

При изучении Сибири, Дальнего Востока, Алтая и других регионов России фронтирный подход применяется достаточно часто, при его помощи анализируется взаимопроникновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик на трансграничных территориях, встреч и контактов различных культур и цивилизаций, некоторые характерные черты фронтирного пространства: символическая граница между «своим» и «чужим», особое отношение к категории «время», основанное на редукции исторического прошлого, столкновение разных культурных ценностей и стремление к их симбиозу, воплощение культурных, исторических, языковых факторов в научных, публицистических и художественных произведениях [Васильева, 2025, с. 43; Александрова-Осокина, 2023, с. 3623; Ден, 2021, с. 175; Шебзухова, 2023, с. 55].

В дальневосточном фронтирном пространстве был сформирован особый текст, характеризующий специфической семантической и коммуникативно-грамматической структурой, которая отражает идею освоения обширных пространств, преодоления трудностей, идею выживания в борьбе со стихией, с враждебными силами.

Фронтирный подход предоставляет исследователю инструментарий для

выявлений ключевых черт фронтального пространства в художественных произведениях. На взгляд Ю. М. Лотмана, фронтальное пространство выступает в качестве внелитературного источника, который может оказывать влияние на художественный мир произведений и создавать уникальный и новый образ героя – «человек фронта» [Лотман, 1994, с. 215]. А. П. Забияко термин *человек фронта* определяет так: «Человек фронта – это индивид, в-первых, живущий в условиях особого пограничного состояния и статуса, во-вторых, являющийся носителем фронтальной ментальности» [Забияко, 2010, с. 11].

В русской литературе XIX века *людьми фронта* были казаки, офицеры, служащие на границе, торговцы, купцы-предприниматели, а в советской литературе фронтальный тип личности меняется на охотника-промысловика, ученого-исследователя, геолога-разведчика, геодезиста, топографа, проводника и др., приобретших мудрость, мужество и способность к адаптации [Александрова-Осокина, 2023, с. 3623; Милянчук, с. 185; Васильева, 2025, с. 21; Лопаткина, 2022, с. 61]. В условиях российско-китайского фронтального пространства *людьми фронта* являются представители русского и китайского народов и аборигенов Приамурья [Забияко, 2015, с. 111].

К факторам формирования российско-китайского фронта относятся следующие: а) географический: около 4200 км восточного участка сухопутной границы между двумя странами; б) экономический: развитие пограничной торговли в Кяхте и в Нерчинске в XIX – начале XX веков и развитие новых торгово-экономических центров после строительства Транссибирской магистрали, КВЖД; в) демографический: появление, развитие и ослабление в разное время эмиграционных и иммиграционных факторов взаимодействия между русскими и китайцами; г) культурный: культура России и Китая значительно отличается, но благодаря эмигрантам и иммигрантам возникают культурные контакты и элементы интеграции [Янченко, 2024, с. 521–523, 525].

При таких условиях российско-китайский фронтир обладает следующими характеристиками: а) культурная гибридность: контакты разных этносов в пограничье вызывают межкультурный диалог, кросс-культурное взаимодействие и т. п., которые отражаются и в материальной стороне жизни, в образе жизни, стиле архитектуры, и в нематериальной стороне жизни, в религии, традициях и обычаях [Мещеряков, 2018, с. 151, 154]; б) межкультурная коммуникация: развитие пограничной торговли между Россией и Китаем и строительство КВЖД способствуют появлению рынков и районов заселения эмигрантов, превращающихся в важные места встречи культур и их сближения и даже частичного смешения в пограничье; в результате взаимодействия между Россией и Китаем, между русским и китайским народами появились некоторые города, которые можно назвать фронтирными: Харбин, Хэйхэ, Далянь, Благовещенск, Нерчинск, Владивосток и др.; в них бурно развивалась торговля и взаимодействие между населением двух государств [Мещеряков, 2018, с. 155]; в) мультилингвальная среда: на территории российско-китайского фронта встречались не только аборигены Приморья и Приамурья, русские и китайцы, но и немецкие и американские купцы из Калифорнии, что расширяло число контактирующих языков и придавало оригинальность и многообразность культурным и языковым контактам фронта [Мещеряков, 2018, с. 154]; г) языковая гибридизация: по мере расширения контактов между русскими и китайцами в фронтирных городах была сформирована особая языковая ситуация, которая выражается смешением в некоторой степени двух неродственных языков – русского и китайского, появляются наименования улиц и магазинов на русском и китайском языках, русско-китайский пиджин и др.; отмечается функционирование русско-китайского пиджина не только в устной, но и письменной форме [Мещеряков, 2018, с. 153].

Особой формой межэтнического взаимодействия русских и китайцев стал смешанный русско-китайский брак. В результате межрасовых, смешанных, интернациональных браков появлялось поколение детей-метисов

– носителей новой культуры [Мещеряков, Антропов, 2017], которая находит своё отражение в жизни контактирующих народов фронта.

1.2.3. Ключевые этапы этнокультурного взаимодействия между Россией и Китаем: языковая трансформация в условиях российско-китайского пограничья

Ранние контакты между Россией и Китаем были эпизодическими, поэтому не оказали значительного влияния на язык и культуру двух народов. После территориального и политико-экономического сближения двух государств этнокультурные связи между населением двух стран усилились, в городах появляются здания в смешанном стиле, в домах встречаются бытовые предметы, мебель и пр., сочетающие русский и китайский образ жизни. В контактной зоне возникает кяхтинский пиджин, который является уникальным языковым явлением, созданным на основе русского языка с включением элементов китайского языка. Чтобы отвечать на возрастающие потребности в изучении китайского и русского языков, были открыты Школа русского языка при Дворцовой канцелярии в 1708 году в Пекине и Кяхтинское училище китайского языка в 1830 году [Дацышен, 2004, с. 79; Супрун, 2021, с. 18; Ли Иньфэн, 2017, с. 34].

По мере развития отношений между странами, появления сухопутной границы между Россией и Китаем, расширения пограничной торговой деятельности на Дальнем Востоке в контактирующих языках появляются заимствования: *чай, женьшень, ханшин* в русском языке, 卢布 [lú bù] ‘рубль’ в китайском и др. [РККРС, 2001, с. 582]. С 70-х годов XIX века китайцы начали прибывать в Приамурье для поиска работы, они участвовали в строительстве Владивостокской крепости и порта, Уссурийской железной дороги и активно вели торговлю. В результате расширения контактов между русскими и китайцами во Владивостоке были открыты Восточный институт в 1899 году и русско-китайская школа в 1896 году [Залесская, 2024, с. 139].

Важным фактором этнокультурного взаимодействия между народами

стало строительство КВЖД, договор о строительстве которой был подписан министром финансов царского правительства Сергеем Юльевичем Витте (1849–1915) и дипломатом маньчжурского правительства Ли Хунчжаном (李鴻章 [lǐ hóng zhāng], 1823–1901) в 1896 году. Для успешного строительства КВЖД многие русские инженеры, техники и железнодорожные рабочие прибыли в Харбин. Управление железной дороги нанимало китайских рабочих из провинций Шаньдун и Хэбэй. В 1903 году началась эксплуатация КВЖД.

После Октябрьской революции 1917 года многие русские дворяне, крестьяне, военные, художники, писатели решили поселиться в Харбине, что придало городу ярко выраженный фронтальный характер с культурной и лингвальной гибридностью. На улицах в Харбине появились церкви и здания в русском стиле, названия улиц и вывески на русском языке, возник харбинский пиджин и др. [Мещеряков, 2018, с. 151; Цзян Синьхао, 2024, с. 61–62; 刘昱洁, 2019, с. 103–104]. В дальнейшем большинство русского населения Харбина покинуло город, однако следы его пребывания сохранились в архитектуре и некоторых традициях бытовой жизни.

В настоящее время с развитием российско-китайских всесторонних стратегических отношений сотрудничества и партнёрства и выдвижением инициативы «Один пояс – один путь» Россия и Китай существенно увеличили культурные контакты: в 2006–2007 годах были проведены Год России в Китае и Год Китая в России, в 2009–2010 годах – Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России, в 2014–2015 годах – Годы дружественных молодёжных обменов между Россией и Китаем, в 2024–2025 годах – Годы культуры России и Китая [况雨霞, 2010, с. 45], в 2025 году было принято решение о безвизовом посещении россиянами Китая и китайцами России.

Под влиянием инициативы «Один пояс – один путь» обе страны осознали важность языка в процессе межкультурного общения, поэтому в

России начали работать многие Институты Конфуция и классы китайского языка [田君, 2020, с. 189]. Интерес к изучению русского языка постепенно повышается в Китае, в стране обращают внимание на подготовку педагогических кадров по специальности «русский язык». Всё это создаёт необходимые условия для лингвокультурных контактов между народами двух стран [张松玲, 2018, с. 161].

1.2.4. Язык фронта: языковая трансформация и пиджинизация под влиянием русско-китайского взаимодействия

Под влиянием таких социально-культурных факторов, как взаимодействие культур и языков, смешивание переселенцев различных народностей, формирование новых сообществ, периферийный характер существования этноса и т. п., происходит языковая трансформация фронта [Синельникова, 2020, с. 473; Алиев, 2017, с. 66]. Крайней точкой этой трансформации является пиджинизация идиома. В. А. Виноградов так определяет этот языковой феномен: пиджин – «структурно-функциональный тип языков, не имеющих коллектива исконных носителей и развившихся путём существенного упрощения структуры языка-источника; используется как средство межэтнического общения в среде смешанного населения» [Виноградов, 1990, с. 374]. Е. В. Перехвальская уточняет это определение, по её мнению, пиджин – «редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как язык; он служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях» [Перехвальская, 2006, с. 6].

Любой язык в мире может подвергаться пиджинизации при удовлетворении следующих условий: 1) неравноправность контактирующих языков (язык-источник занимает более высокий социальный статус, чем субстраты); 2) спорадичность контактов и узость сферы коммуникации, осуществляемой посредством только устной речи; 3) пренебрежительное

отношение носителей языка-источника к носителям субстратов; 4) отсутствие социальной потребности у носителей языков-субстратов правильно и полностью изучить язык-источник; 5) отсутствие контактного языка-посредника, который мог бы выступить в качестве средства коммуникации; 6) отсутствие взаимопонимания между носителями языка-источника и субстрата [Дьячков, 1988, с. 123]. Это определение в большей степени подходит для лингвокультурных ситуаций в колониальных странах Африки и созданием пиджинов на базе европейских и местных языков, русский и китайский языки на российско-китайском пограничье не отвечают этим условиям. Китайско-русский и русско-китайский пиджины появились здесь в результате равноправного взаимодействия двух лингвокультур для удовлетворения коммуникативных потребностей.

Е. А. Оглезнева выделяет разные территориально-хронологические варианты русско-китайского пиджина:

1. Маймачинское (Кяхтинское) наречие в XVIII–XIX веках. В 1729 году был подписан Кяхтинский договор, который упорядочивал русско-китайскую торговлю в Кяхте и Маймачене. По мере развития пограничной торговли и обеспечения потребностей коммуникации между русскими и китайскими купцами появился кяхтинский пиджин, который был создан на основе русского языка, но одновременно отражал особенности китайского языка;

2. Русско-китайский пиджин на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX веков. Его характерными языковыми особенностями было тяготение предиката к концу предложения, отсутствие словоизменения глагольных словоформ, а также редуцированные словоформы, представляющие собой соединение двух одинаковых слов для усиления семантики (мало-мало) или двух разных слов (фанза-ловушка) [Ли Иньфэн, 2017, с. 34];

3. Русско-китайский пиджин 20–30-х годов XX века. После Гражданской войны в России многие русские эмигранты прибыли в Харбин, Шанхай и другие города Китая, что создало условия развития русско-китайского пиджина.

3а. Харбинский вариант русско-китайского пиджина в первой половине XX века. Его появление тесно связано со строительством КВЖД и появлением русской эмиграции в Харбине, лексика его в основном была русской, грамматический строй – отчасти китайским;

4. Современный русско-китайский пиджин, развивающийся с 90-х годов XX века. Благодаря развитию отношений между Китаем и Россией с начала 90-х годов XX века, пограничная торговля в российском Забайкалье, китайской провинции Хэйлуцзян и в других пограничных регионах была расширена, это создало благоприятные условия для активного функционирования пиджина в сфере контактов коммерсантов и населения пограничья двух государств. Этот вид пиджина имеет низкий общепринятый стандарт, который располагает упрощенным составом фонем и правилами их применения в разговорном общении, слабо выраженной морфологией, неглубоким синтаксисом [Оглезнева, 2017, с. 167; Жданова, 2014, с. 85].

К фонетическим особенностям пиджина пограничья относятся: а) замена специфических русских фонем близкими китайскими. В китайском языке нет звука [p], в пиджине происходит замена его звуком [l] или [er] китайского языка; б) наблюдается произношение каждого слога русского слова по правилам китайского тона; в) в словах происходит добавление гласного после согласных, поскольку в китайском языке они чаще оканчиваются гласными звуками; г) происходит сокращение количества звуков в русских словах: *помогать – помога*. Носители русско-китайского пиджина часто употребляют предикативные наречия с модальным значением и отрицательный глагол в форме *нету: надо, не надо, можно, нету* и др.: *Ключ нету, Половина надо* и др. В общении между носителями русско-китайского пиджина наблюдается смешение прилагательных и наречий: *Катя очень холошо* (хорошая). К лексическим особенностям русско-китайского пиджина относится использование общеупотребительной китайской лексики в русском контексте: *куня* ‘девушка, молодая женщина’, *хао* ‘хорошо’ и др. В синтаксисе русско-китайского пиджина обнаруживаются

следующие черты: а) тенденция к расположению предиката (часто в форме инфинитива) в конце предложения: *ты потом закlyть*; б) функционирование сложных предикатов, представляющих собой сочетание двух предикативных наречий с модальным значением: *это можно не надо?* [Ma Ha, 2015, с. 348–349; Жданова, 2016, с. 63–81].

Из пиджина лексемы могут войти в общенародный китайский язык, сохраняя в семантике особенности исходного значения русского слова. При этом, учитывая значительное несходство русской и китайской фонетических систем, преобразования единиц могут быть столь существенными, что необходим специальный анализ для установления родства слов: 伏特加 [fú tè jiā] ‘водка’ [PKKPC, 2001, с. 20], 布拉吉 [bù lā jí] ‘платье’ [PKKPC, 2001, с. 94], 卢布 [lú bù] ‘рубль’ [KPC, 2004, с. 582], 格瓦斯 [gé wǎ sī] ‘квас’ [张建华, 2021, с. 614], 笆篱子 [bā lí zi] ‘полиция’. В некоторых случаях к русской основе добавляются семантические морфемы китайского языка, что уточняет значение слова: 马林果 [mǎ lín guǒ] ‘малина’ < 马林 [mǎ lín] + 果 < 水果 [shuǐ guǒ], 果 [guǒ] ‘фрукты’ [PKKPC, 2001, с. 62]; 苏泊汤 [sū bó tāng] < 苏泊 [sū bó] + 汤 [tāng] ‘суп’; 卡宾枪 [kǎ bīn qiāng] < 卡宾 [kǎ bīn] + 枪 [qiāng] ‘оружие’; 八杂市 [bā zá shì] < 八杂 [bā zá] + 市 [shì] ‘базар’ [PKKPC, 2001, с. 496]. В сложных словах один из компонентов может переводиться на китайский язык, что видно на примере: 嘎斯匠 [gǎ sī jiàng] ‘газосварщик’ < 嘎斯 [gǎ sī] ‘газ, газовый’ + 匠 [jiàng] ‘мастер’. Кроме того, некоторые русские слова записываются с использованием традиционных китайских иероглифов, которые отображают культурные особенности и качество предмета: машина > 马神 [mǎ shén] < 马 [mǎ] ‘лошадь’ + 神 [shén] ‘волшебный, божественный’ [Ma Ha, 2015, с. 350; 柳成栋, 2008, с. 25].

Следует отметить, что из-за ухудшения дипломатических отношений между Китаем и Россией в конце 1950-х годов, а также отъезда русской эмиграции и роста популярности английского языка в стране харбинский

русско-китайский пиджин утратил свою коммуникативную функцию в Китае [Ли Иньфэн, 2017, с. 37]. Однако с улучшением отношений между двумя государствами сходный пиджин вновь начал использоваться в пограничье, и некоторые лексемы из него вошли в активный запас китайского языка. Теперь эти слова активно используются в повседневном общении населения северо-восточного Китая и Забайкалья [Цзян Синьхао, 2025, с. 20].

Кроме русско-китайского и китайско-русского пиджинов, под влиянием взаимодействия двух народов на российско-китайском пограничье появились разные типы регионализмов: регионализмы-апеллятивы (названия предметов и явлений окружающего мира) и неофициальные региональные топонимы (народные наименования населенных пунктов и объектов городского пространства), которые выступают в качестве составных частей региолекта на лексическом уровне [Матвеева, 2021, с. 9].

В лингвистике термин *регионализм* не получил однозначной дефиниции, в Словаре социолингвистических терминов он определяется так: «Регионализм – это местное слово или выражение, бытующее на определенной территории; лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определённой территории – в зоне контактирования языков» [ССТ, с. 181]; а в Лингвистическом энциклопедическом словаре под регионализмом понимаются слова иноязычного происхождения, обозначающие реалии, распространенные на ограниченной территории [ЛЭС, с. 158].

В современных лингвистических исследованиях можно встретить термин *локализм*, который употребляется в качестве синонима слова *регионализм*. В Словаре лингвистических терминов зафиксировано определение термина *локализм*: «слово или выражение, употребление которого ограничено такой-то областью, таким-то городом и т. п. и которое неизвестно в литературном образце данного языка» [СЛТ, с. 222]. По мнению Е. А. Тороховой, различие между регионализмом и локализмом заключается в том, что региональный тип лексем характерен для отдельного региона,

локальные лексемы – это слова, которые фиксируются только в речи коренных жителей того и иного города, области, республики или живут особой жизнью на той или иной территории [Торохова, 2005, с. 11].

На российско-китайском пограничье регионализмы китайского происхождения можно разделить на следующие группы:

1. Заимствования, вошедшие в литературный язык, что связано с появлением китайских переселенцев и развитием пограничной торговли. Эти слова заимствованы из китайского языка, большинство из них обозначают название товаров и бытовых предметов: *чай* 茶 [chá] ‘1. Вечнозелёное дерево или кустарник семейства чайных, листья которого используются для приготовления питья. 2. Особо обработанные и высушенные листья этого растения, служащие для приготовления ароматного тонизирующего напитка’ [БТС, с. 1466]; *женьшень* 人參 [rén shēn] ‘дальневосточное многолетнее травянистое растение семейства аралиевых, корень которого используется в медицине’ [БТС, с. 303]; *гаолян* 高粱 [gāo liáng] ‘хлебный злак с высоким стеблем и широкими листьями, разновидность сорго’ [БТС, с. 194]; *ханшун* 烧酒 [shāo jiǔ] ‘китайская хлебная водка’ [БТС, с. 1439]; *тофу* 豆腐 [dòu fu] ‘пищевой продукт из бобов сои, напоминающий творог’ [БТС, с. 1389]; *маньтоу* 馒头 [mán tóu] ‘пышка’ [王维国, 2011, с. 472]; *фанза* 房子 [fáng zi] ‘китайское или корейское жилище сельского типа’ [БАС-1, т. 16, с. 1243]; *кан* 炕 [kàng] ‘в деревенских домах китайцев и корейцев расположенный вдоль стены невысокий каменный или глиняный выступ, используемый как лежанка, под которым проходят печные трубы’ [БАС-3, т. 7, с. 596]; *куайцзы* 筷子 [kuài zi] ‘китайские палочки для еды’ [БТС, с. 494]; *хунвейбин* 红卫兵 [hóng wèi bīng] ‘члены молодежных отрядов в 1966–1967 гг., активные участники культурной революции’ [БТС, с. 1456]; *кули* 苦力 [kǔ lì] ‘в некоторых странах Азии: носильщик’ [БТС, с. 497]; *Гоби* 戈壁 [gē bì] – общее название пустынных областей в Центральной Азии, Китае и Монголии др. [Цзян Синьхао, 2025, с. 21; 王维国, 2011, с. 235].

2. Регионализмы, заимствованные из китайского языка и преобразованные по правилам русского языка. Они не вошли в литературный язык и используются только в пределах российско-китайского пограничья: *куня* ‘девушка, молодая женщина’, *ни хао* ‘китайское приветствие: здравствуйте’, *гунзо* ‘работать’, *минбай* ‘понятно / понимать’ *сесе* ‘китайское выражение благодарности: спасибо’, *камбэй* ‘предложение выпить до дна алкогольный напиток’, *фуюань / фувуюань* ‘обслуживающий персонал в гостинице, ресторане’, *хао* ‘китайское оценочное слово: хорошо’, *пухао* ‘китайское оценочное слово: плохо’, *чисанчи, тисанчи* ‘название блюда китайской кухни из баклажанов, картофеля и зелёного перца’, *чифан* ‘китайская еда, блюда китайской кухни’, *чифанить* ‘есть китайскую еду, блюда китайской кухни’ и др. [Оглезнева, 2013, с. 25].

3. Регионализмы, возникшие на основе русских лексем в результате контактов русского и китайского языков при формировании русско-китайского пиджина: *друга* ‘обращение к лицу китайской национальности на рынке или в сфере услуг’, *капитана* ‘обращение к начальнику’, *мадама* ‘обращение к женщине’, *хулиганка* ‘обращение к хулигану’ и др. [Оглезнева, 2013, с. 26].

1.3. Китайцы в Приморье в начале XX века: антропонимический анализ

Освоение Россией Дальнего Востока требовало большого количества рабочих рук, поэтому началась массовая иммиграция жителей сопредельных территорий в Приморье и Приамурье. Увеличение количества китайских иммигрантов тесно связано со строительством крепости и порта во Владивостоке, Уссурийской железной дороги и особенно Китайско-Восточной железной дороги [Скоркина, 2008, с. 45–47; Граве, 1912, с. 5–7].

Представители китайской иммиграции разделялись на три группы. К первой относились земледельцы, промышленники и торговцы, которые вели оседлый образ жизни, ко второй – сезонные рабочие, приезжающие на Дальний Восток на короткий срок, к третьей – бродячий элемент.

Представители первой группы охотно вступали в контакт с русским населением, изучали язык, стремились стать частью экономической и социальной жизни городов Дальнего Востока. Китайцы из второй и третьей групп большую часть времени проводили с соотечественниками, по-русски практически не говорили. Подавляющее большинство китайских иммигрантов составляли мужчины. До 1878 года женщинам запрещалось покидать пределы Китая, поэтому китаянок среди иммигрантов было крайне мало: в 1881 году во Владивостокском губернаторстве насчитывалось 1508 китайских мужчин и 4 китаянки. В 1910 году на 100 китайцев приходилось 3 китаянки [Васильченко, 2012, с. 53].

Если китайские торговцы и промышленники проживали в регионе стабильно и их количество мало изменялось, то сезонные рабочие и бродяги по разным причинам могли резко нарастить своё присутствие и так же резко уменьшить его. Так, в Амурской области в 1893 году было 20272 китайца, а в 1900 году их число сократилось до 15106, что связано, видимо, с восстанием ихэтуаней, когда иммигранты вернулись отсюда в Китай [Сорокина, 1999, с. 13–23]. В Приморской области с 1910 по 1914 год количество китайцев уменьшилось почти вдвое и составило 38779 человек [там же].

Большая часть проживающих в Приморье китайцев осталась безымянной. Документы об их пребывании здесь не сохранились, поэтому невозможно установить их антропонимы. Однако в 1924 году во Владивостоке был издан справочник «Весь деловой и торговый Владивосток на 1924 г.», в котором упомянуты фамилии и имена многих китайцев, живущих и работавших в торгово-промышленных отраслях этого города. Его подготовил заведующий рекламным агентством Приморской губернской комиссией по улучшению жизни детей (Примгубдеткомиссии) Иван Степанович Кларк. Он и раньше составлял подобные справочники: с 1907 по 1914 год вышло 10 выпусков объёмного адрес-календаря и торгово-промышленного указателя Дальнего Востока и Сибири.

Благодаря владивостокскому справочнику мы можем установить антропонимикон китайских иммигрантов начала XX века в этом городе. Следует, конечно, учитывать, что записи китайских имён и фамилий велись без чёткого соблюдения правил транскрипции, китайские звуки передавались русскими буквами некорректно, поэтому не всегда можно восстановить исходное звучание антропонима. В справочнике по традициям того времени китайские фамилии и имена записывались через дефис: *Юй-шун-чжао*, *Ли-ван-тан*, *Дзи-хун-сян* и т. п., при этом фамилии сотрудников китайского консульства написаны отдельно от имён, которые написаны слитно подобно тому, как китайские антропонимы записываются сейчас: *Дуан Цитан*, *Лу Цзинпэн*, *Чжан Цзинцзянь*, однако и здесь встречается дефисное написание: *Фан-Ци-Гуан*, *Цяо-Юнь-ю*. Обратим внимание на то, что у некоторых официальных лиц после дефиса встречается прописная буква, в то время как в остальных случаях записи китайских антропонимов в середине стоит только строчная буква.

Представители китайцев вошли в состав Владивостокского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов (в справочнике написано: *от китрабочих*): *Ван-ин-зун*, *Хо-цзын-лян*, *Лю-пей-та*, *Ли-хен-гын*. Среди китайцев было много домовладельцев, что указывало на их стабильное и постоянное проживание во Владивостоке. Основным видом деятельности местных китайцев была торговля, некоторые товары в основном продавались ими (фрукты, овощи, зелень, дрова, яйца, рыба, вино, гастрономия), китайцы охотно занимались мелкой торговлей. Китайские ремесленники шили обувь и одежду (портняжные мастерские), вязали чулки, занимались столярным делом, содержали прачечные (так отмечено в книге) и т. д.

Справочник насыщен китайскими антропонимами. Попытаемся восстановить их исходный фонетико-иероглифический вид и проанализируем частоту употребления фамилий и семантику личных имён китайских иммигрантов в Приморье.

1.3.1. История китайских фамилий и их использование в Приморье в начале XX века

Наука, изучающая имена людей, называется *антропонимикой*. Для совокупности антропонимов используется термин *антропонимия*, а упорядоченная совокупность, представленной в виде словаря или реестра, именуется *антропонимикон* [Подольская, 1988, с. 33–34]. В антропонимию включают разные формы личных имен (официальные, домашние, уменьшительно-ласкательные, увеличительно-уничижительные), фамилии, отчества, прозвища и др. [Мадиева, Супрун, 2010, с. 96]. Они функционируют по определенным правилам в определенное время и на определенной территории.

В китайском языкознании антропонимы изучает наука 人名学 [rén míng xué], которая анализирует фамилии, личные имена, прозвища и псевдонимы [Хамаева, 2009, с. 150]. Основным объектом изучения данной науки является общепринятая китайская антропонимическая модель, состоящая из двух частей: 姓 [xìng] ‘фамилия, наследственное имя’ и 名 [míng] ‘личное имя’.

Считается, что китайские фамилии возникли приблизительно во времена династии Шан (XVI–XI вв. до н. э.). Тогда устройство китайского социума было матриархальным: детям, рождённым одной матерью, давалась её фамилия. Браки между носителями одинаковых фамилий были запрещены. Со сменой матриархального строя патриархальным в обществе сформировалась система клановых имен – 氏 [shì], которые получали только лица мужского пола. Эти антропонимы выполняли функцию индикаторов социального статуса человека. Долгое время фамилии 姓 и клановые имена 氏 использовались параллельно. После объединения страны Цинь Шихуаном (221 г. до н. э.) различие между ними постепенно исчезло [Кобелева, 2018, с. 35]. В современной китайской антропонимике чаще используется термин 姓 [Дашеева, 2016, с. 91].

Для понимания происхождения и развития китайских фамилий следует упомянуть книгу 百家姓 «Сто китайских фамилий (Байцзянсин)». Она представляет собой рифмованный список китайских фамилий. Её составил один из неизвестных конфуцианских кабинетных учёных в первые годы правления династии Северная Сун (966–1127). В названии иероглиф 百 ‘сто’ использовалось для обозначения большого количества, а не в конкретном цифровом значении, поскольку изначально в список было включено 411 фамилий, затем он был дополнен до 504, среди них состоящие из одного иероглифа – 444, из двух – 60. В настоящее время в книгу внесено 438 фамилий, 408 состоят из одного иероглифа, 30 фамилий – из двух.

«Байцзянсин» занимает важное место в жизни китайцев, поскольку эта книга вместе с 三字经 «Троесловием» и 千字文 «Тысячесловием» используется при обучении грамоте и пониманию иероглифов. Кроме того, она представляет собой ключевой элемент китайской культуры [Гусева, 2018, с. 97]. Изучение и применение данной книги также способствует развитию и распространению китайской культуры. В книге представлены первые восемь китайских фамилий: 赵 [zhào] Чжао, 钱 [qián] Цянь, 孙 [sūn] Сунь, 李 [lǐ] Ли, 周 [zhōu] Чжоу, 吴 [wú] У, 郑 [zhèng] Чжэн, 王 [wáng] Ван.

В настоящее время у китайцев насчитывается около 4000 фамилий, наиболее распространены следующие: 李 [lǐ] Ли, 王 [wáng] Ван, 张 [zhāng] Чжан, 刘 [liú] Лю, 陈 [chén] Чэнь, 杨 [yáng] Ян, 赵 [zhào] Чжао, 黄 [huáng] Хуан, 周 [zhōu] Чжоу и 吴 [wú] У; около 44% населения Китая носят эти фамилии. Следует учитывать также территориальный фактор. На севере Китая самыми распространенными являются 张 Чжан, 王 Ван, 李 Ли, 赵 Чжао и 刘 Лю, в южных провинциях – 陈 Чэнь, 黄 Хуан, 杨 Ян, 周 Чжоу и 吴 У [李南, 2013, с. 56].

Рассмотрим фамилии китайцев Приморья, упомянутые в справочнике, составленной И. С. Кларком. При дальнейшем анализе фамилии и имена мы

будем записывать по современным правилам их оформления в русском языке. Попробуем также восстановить иероглифическую форму китайских фамилий и имён.

- 王 Ван

Эта фамилия повторяется в тексте 115 раз, его носят китайские торговцы во Владивостоке 王魁 [wáng kuí] Ван Куй, 王杰诚 [wáng jié chéng] Ван Цзечэн, 王静思 [wáng jìng sī] Ван Цзинсы и др. [ВДТВ, 1924, с. 153, 146, 147]. Этимон фамилии 王 Ван восходит ко слову со значением ‘монарх, император, принц’. Эту прибавку к имени имели потомки династии рода 姬 [jī] Цзи, правившие в эпоху Чжоу (1045–221 г. до н. э.): 周文王 [zhōu wén wáng] Чжоу Вэньван, 周灵王 [zhōu líng wáng] Чжоу Линван и 周平王 [zhōu píng wáng] Чжоу Пинван [Деревянко, 2013, с. 671–672]. Имеются и другие версии о происхождении фамилии [Дашеева, 2014, с. 101].

- 李 Ли

Фамилия 李 [lǐ] Ли встречается в справочнике 63 раза: 李凯 [lǐ kǎi] Ли Кай, 李勇发 [lǐ yǒng fā] Ли Юнфа и др. [ВДТВ, 1924, с. 148, 150]. Её этимон связан со словом, имеющим значение ‘слива’. Эту фамилию носили три разных рода. Потомки рода 嬴 [yíng] Ин приняли эту фамилию. В период Троецарствия (220–280) китайский полководец 诸葛亮 [zhū gě liàng] Чжугэ Лян после подчинения местной этнической группы присвоил её представителям фамилию Ли. В эпоху династии Тан (618–907) многие заслуженные чиновники были награждены присвоением им фамилии Ли [Дашеева, 2014, с. 99].

- 刘 Лю

Фамилия 刘 [liú] Лю встретилась у китайцев Приморья 49 раз: 刘大吉 [liú dà jí] Лю Дацзи, 刘利福 [liú lì fú] Лю Лифу, 刘德武 [liú dé wǔ] Лю Дэву и др. [ВДТВ, 1924, с. 144, 145, 151]. Фамилия Лю имеет две основные истории происхождения. Среди потомков легендарного императора 尧 [yáo]

Яо был 刘累 [liú lěi] Лю Лэй, который выращивал драконов для императора династии Ся 孔甲 [kǒng jiǎ] Кун Цзя. Затем он был изгнан в Хэнань за проступки. Его потомки стали использовать Лю в качестве своей фамилии. Эту же фамилию стали носить потомки 刘邑 [liú yì] Лю И, сына императора 季 [jì] Цзи династии Западная Чжоу [Дашеева, 2014, с. 125].

- 宋 Сун

Фамилия 宋 [sòng] Сун встречается у 34 проживающих во Владивостоке китайцев: 宋泰 [sòng tài] Сун Тай, 宋福霍 [sòng fú huò] Сун Фухо, 宋吉旺 [sòng jí wàng] Сун Цзиван и др. [ВДТВ, 1924, с. 144, 146]. Она ведёт свое происхождение от рода 子 [zǐ] Цзы, который восходит к императорской семье династии 商 [shāng] Шан. После того, как династия Чжоу свергла династию Шан, император 周武王 [zhōu wǔ wáng] Чжоу Уван разрешил здесь основать государство Сун. В эпоху Сражающихся царств царство Сун было разрушено, потомки правителей взяли себе топоним в качестве фамилии [Дашеева, 2014, с. 116].

- 杨 Ян

Пятое место среди китайских фамилий Приморья занимает антропоним Ян, который в тексте упоминается 30 раз: 杨子昌 [yáng zǐ chāng] Ян Цзычан, 杨勇宁 [yáng yǒng níng] Ян Юннин и др. [ВДТВ, 1924, с. 133, 138]. Американский учёный В. Эбергард полагает, что тотемом рода Ян была обезьяна, ссылаясь на миф, зафиксированный в буддийской энциклопедии «Фаюань чжулинь», составленной Даоши в 668 году н. э., и в других источниках [Eberhard, 1968, p. 52]. Фамилия соотносится с фитонимом 杨树 [yáng shù] 'тополь'. По преданию, эту фамилию выбрали себе сыновья и внуки древнего мифического государя Юя Великого.

Таблица 1

Частотные фамилии китайцев Владивостока

№ п/п	Китайские фамилии	Частотность	%
1.	王 Ван	115	12,2
2.	李 Ли	64	6,9
3.	刘 Лю	49	5,3
4.	宋 Сун	34	3,6
5.	杨 Ян	30	3,2
6.	张 Чжан	29	3,1
7.	付 Фу	22	2,4
8.	常 Чан	19	2,0
9.	于 Юй	18	1,9
Итого		380	40,8

Образование китайских личных имён и их семантика

В отличие от фамилий, которых в Китае насчитывается относительно небольшое количество, а наиболее популярные охватывают почти половину населения страны, личные имена уникальны, повторяются крайне редко, всегда при их выборе большую роль играют смыслы, отражаемые в иероглифах.

Являясь вторым обязательным компонентом современной китайской антропонимической формулы, личные имена в процессе развития лингвокультуры подвергались эволюции. В разное время в их систему входили следующие единицы: 1) 小名 [xiǎo míng], детское имя, которое присваивалось при рождении, использовалось в первые сто дней жизни и, как правило, было известно только близким родственникам; 2) 大名 [dà míng], официальное имя, оно давалось родителями после трёх первых месяцев жизни ребёнка (в соответствии с современным законодательством – в течение первого месяца со дня рождения); 3) 字 [zì], второе имя цзы, в

прошлом, начиная с эпохи Чжоу, по достижении совершеннолетия (в возрасте 20 лет) юношам присваивалось второе имя, которое обычно было двусложным, а его семантика, как правило, была обусловлена значением первого официального имени; 4) 号 [hào], второе имя хао, псевдоним, его называют также 自号 [zì hào] «имя, выбранное самостоятельно»; его придумывали себе философы, поэты, деятели искусств и др.; это имя семантически не было связано ни с первым, ни со вторым именем, его форма и содержание отличаются свободой выбора. В настоящее время цзы и хао не используются [Кобелева, 2018, с. 46–48].

Имя человека в любой культуре выступает как социальный знак. Личные имена являются важным источником не только лингвистических, но и национально-культурных и исторических знаний [Цянь Цзысинь, 2022, с. 137; Ян Хуэй, 2017, с. 136]. В китайской антропонимической системе отсутствует единый список личных имён. Каждое имя создаётся как новая единица, при этом нарицательные слова, входящие в состав имени, как правило, не утрачивают своей семантики. При выборе имени, прежде всего, учитывается первичное сигнификативное и коннотативное значение знака [Хамаева, 2015, с. 107]. В Китае родители, давая ребёнку имя, могут выбирать любое сочетание иероглифов, но в первую очередь обращают внимание на семантику отдельных элементов. Кроме того, китайские личные имена тоже носят отпечаток своей эпохи, оказываются под влиянием как китайской традиционной культуры, так и актуальных культурных веяний. Например, в эпохи Вэй, Цзинь, Южных и Северных династий (220–589 гг.) в именах чаще можно обнаружить иероглиф 之, как у известного каллиграфа данной эпохи 王羲之 Ван Сичжи, а в конце династии Цин (1636–1912 гг.) по мере роста контактов со внешним миром в именах появилась тенденция к европеизации, появились антропонимы 玛丽 Мари и др. [郭燕, 1989, с. 32–34].

Рассмотрим имена китайцев, проживающих во Владивостоке в 1924 году, распределив их на группы в зависимости от семантики входящих в них

слов. Поскольку почти все личные имена состоят из двух слогомorfем, выбор иероглифа для включения его в имя ребёнка не всегда основывается на каком-то одном прочтении, в каждом имени могут быть два разных положительно коннотируемых смысла. Дополнительным фактором в пользу выбора того или иного слова для включения его в имя для китайцев может стать не только его семантика, но и красота иероглифа. Наконец, следует учитывать, что положительные коннотации у слов русского и китайского языков часто не совпадают, поэтому простой перевод компонентов китайского имени мало что даёт для понимания восприятия того или иного антропонима в китайской лингвокультуре. Как и в случае с фамилиями, личные имена мы запишем не так, как они указаны в справочнике, а в соответствии с современными правилами транскрипции китайских имён собственных.

1.3.2. Семантика китайских личных имён

Объективно данная физическая действительность, не зависящая от деятельности людей:

– ландшафт: 山 [shān] ‘гора’, 峰 [fēng] ‘пик или горная вершина’, 海 [hǎi] ‘море’, 岭 [lǐng] ‘перевал’, 川 [chuān] ‘река’, 地 [dì] ‘земля’, 陆 [lù] ‘материк’, 江 [jiāng] ‘большая река’ и т. д. [Дашеева, 2014, с. 20–21; 王维国, 2011, с. 452, 101, 145, 459, 347]. В личных именах эти слова нередко обозначают место рождения ребёнка [李紫嫣, 2017, с. 45]. Во Владивостоке проживали китайцы: 孔川宏 Кун Чуанхун (река, огромный), 刘地庆 Лю Дицин (земля, праздновать), 付江洋 Фу Цзянян (большая река, море), 常峰泰 Чан Фэнтай (горный пик, спокойствие), 赵昂山 Чжао Аншань (бодрый, гора), 王都海 Ван Духай (изящный, море), 尤顺岭 Ю Шунлин (благоприятный, перевал), 佟舒陆 Тун Шулу (спокойный, материк) [ВДТВ, 1924, с. 133, 142, 144, 147, 148, 156];

– время года: 秋 [qiū] ‘осень’, 冬 [dōng] ‘зима’ и др. [Дашеева, 2014, с. 25]. По лингвистическим значениям этих иероглифов можно предполагать

время рождения ребенка. В Приморье проживали 宋冬政 Сун Дунчжэн (зима, политика), 李书秋 Ли Шуцю (книга, осень) [ВДТВ, 1924, с. 145, 156; 李紫嫣, 2017, с. 45];

– название животного или растения: 虎 [hǔ] ‘тигр’, 牛 [niú] ‘бык’, 马 [mǎ] ‘лошадь’, 龙 [lóng] ‘дракон’, 鹏 [péng] ‘гигантская птица Пэн’, 鸿 [hóng] ‘дикий гусь’, 松 [sōng] ‘сосна’, 梅 [méi] ‘дикая слива’, 桑 [sāng] ‘тутовник’, 莎 [shā] ‘сыть зонтичная’, 莉 [lì] ‘жасмин’, 苏 [sū] ‘масличная культура перилла’, 萍 [píng] ‘ряска’ и др. [Дашеева, 2014, с. 21–23; 王维国, 2011, с. 456, 531, 292, 608, 670; БРКС, s.v. 莉, s.v. 莎]. Китайцы охотно выбирали эти слова для имён, поскольку за каждым из них скрывались положительные коннотации, отражённые в китайской лингвокультуре. В традиционной культуре китайцев иероглифы 虎 и 龙 обозначают мужественность, а 梅 и 松 – чистоту и устойчивость [Цянь Цзысинь, 2022, с. 242; 泓俊, 2022, с. 105]. Во Владивостоке отмечены китайские жители 隋方虎 Суй Фанху (искренний, тигр), 王牛 Ван Нью (бык), 杨松马 Ян Сунма (сосна, лошадь), 顾阳龙 Гу Янлун (солнце, дракон), 郑鹏志 Чжен Пэнчжи (гигантская птица Пэн, воля), 郭旭松 Го Сюйсон (ясный, сосна), 郭川梅 Го Чуанмэй (река, дикая слива), 刘桑 Лю Сан (тутовник), 修莉莎 Сю Лиша (жасмин, сыть зонтичная), 朱萍丽 Чжу Пинли (ряска, красивая), 张志苏 Чжан Чжису (воля, растение перилла) [ВДТВ, 1924, с. 137, 141, 144–147, 150, 158];

– небо, небесные явления и их состояние: 天 [tiān] ‘небеса’, 穹 [qióng] ‘небосвод’, 月 [yuè] луна, 阳 [yáng] ‘солнце’, 魁 [kuí] ‘созвездие Большой Медведицы’, 星 [xīng] ‘звезда’, 霞 [xiá] ‘заря’, 云 [yún] ‘облако’, 亮 [liàng] ‘светлый’, 明 [míng] ‘светлый’, 昭 [zhāo] ‘ясность’ и др. [Дашеева, 2014, с. 24–25; 王维国, 2011, с. 846, 580, 418, 770, 918, 945]. Китайцы Приморья носили такие имена: 宋阳昂 Сун Янан (солнце, бодрый), 王魁 Ван Куй

(Большая Медведица), 乔云友 Цяо Юнью (облако, дружба), 王九天 Ван Дзютянь (девять, небеса), 宋亮 Сун Лян (светлый), 王吉月 Ван Цзююэ (добро, луна), 王明武 Ван Минву (светлый, боец), 蔡松穹 Цай Сунцюн (сосна, небосвод), 黄地星 Хуан Дисин (земля, звезда), 谭昭 Тань Чжао (ясность) [ВДТВ, 1924, с. 133, 135, 136, 144, 146, 150, 153, 156, 194];

– природные явления: 风 [fēng] ‘ветер’, 雨 [yǔ] ‘дождь’, 霆 [tíng] ‘гром’, 冰 [bīng] ‘лед’, 涛 [tāo] ‘волна’ и др. [Дашеева, 2014, с. 25; 王维国, 2011, с. 905, 40; БРКС, s.v. 霆]. У китайцев Владивостока встретились такие имена: 王风堂 Ван Фэнтан (ветер, зал), 林霆 Лин Тин (гром), 刘福雨 Лю Фуьюй (счастье, дождь), 李冰娜 Ли Бинна (лед, нежный), 王涛皇 Ван Таохуан (волна, император) [ВДТВ, 1924, с. 133, 139, 146, 148];

– часть света, местоположение и качества места: 西 [xī] ‘запад’, 南 [nán] ‘юг’, 东 [dōng] ‘восток’, 州 [zhōu] ‘область’, 广 [guǎng] ‘широкий’, 远 [yuǎn] ‘далёкий’ и др. [Дашеева, 2014, с. 27–28; 王维国, 2011, с. 761, 507, 987]. Имена китайцев Приморья: 佟西发 Тун Сифа (запад, начинание), 刘屯南 Лю Туньнань (накопление, юг), 李东福 Ли Дунфу (восток, счастье), 吕章远 Люй Чжанюань (статья, далёкий), 王明州 Ван Минчжоу (светлый, область), 许广松 Сюй Гуансун (широкий, сосна) [ВДТВ, 1924, с. 147, 148, 151, 152];

Связь с деятельностью человека: различные элементы материального мира и культуры; артефакты, созданные человеком:

– материалы, предметы быта и роскоши: 宝 [bǎo] ‘драгоценность’, 金 [jīn] ‘золото’, 银 [yín] ‘серебро’, 铜 [tóng] ‘медь’, 书 [shū] ‘книга’, 玉 [yù] ‘нефрит’, 墨 [mò] ‘чернила’ и др. [Дашеева, 2014, с. 31; 王维国, 2011, с. 20, 878, 706, 652, 499]. В Приморье у китайских иммигрантов были имена: 叶金山 Е Цзиньшань (золото, гора), 刘银发 Лю Инфа (серебро, всходить), 苗铜德 Мао Тундэ (медь, добродетель), 王玉杰 Ван Юйцзе (нефрит, герой), 周宝书

Чжоу Баошу (драгоценность, книга), 屈墨祥 Цюй Мосян (чернила, счастье) [ВДТВ, 1924, с. 133, 137, 147, 148, 156];

– сооружения, постройки: 寺 [sì] ‘буддийский храм’, 亭 [tíng] ‘китайский павильон’, 堂 [táng] ‘зал’ и др. [Дашеева, 2014, с. 32; 王维国, 2011, с. 700, 683]. Имена приморских китайцев: 王吉寺 Ван Цзисы (счастье, буддийский храм), 王阔亭 Ван Котин (широкий, китайский павильон), 宋松堂 Сун Сунтан (сосна, зал) [ВДТВ, 1924, с. 140, 148, 158];

– музыкальные инструменты: 鼓 [gǔ] ‘барабан’, 笛 [dí] ‘китайская флейта’, 笙 [shēng] ‘китайский язычковый музыкальный инструмент’ и др. [Дашеева, 2014, с. 32–33; 王维国, 2011, с. 254]. Во Владивостоке жили торговцы: 程崇鼓 Чен Чунгу (почитать, барабан), 刘笛庆 Лю Дицин (китайская флейта, праздновать), 常旺笙 Чан Ваншэн (цветущий, китайский язычковый музыкальный инструмент) [ВДТВ, 1924, с. 148, 154, 156];

– явления социальной жизни и культуры: 国 [guó] ‘государство’, 政 [zhèng] ‘политика’, 华 [huá] ‘китайский, цветущий’, 唐 [táng] ‘династия Тан’, 昌 [chāng] ‘процветание’, 商 [shāng] ‘торговля’, 武 [wǔ] ‘военное искусство’, 军 [jūn] ‘армия’, 兵 [bīng] ‘солдат’, 魁 [kuí] ‘шеф, лидер’, 科 [kē] ‘наука’, 凯 [kǎi] ‘победная песня’, 诗 [shī] ‘стихотворение’, 章 [zhāng] ‘статья’ и др. [Дашеева, 2014, с. 34–36; 王维国, 2011, с. 963, 683, 614, 403]. У китайцев Владивостока были следующие имена: 付定国 Фу Динго (стабильный, государство), 李昌 Ли Чан (процветание), 宋英兵 Сун Инбин (герой, солдат), 吴利商 У Лишан (выгода, торговля), 张华霆 Чжан Хуатин (китайский, гром), 凌军旺 Лин Цзюньван (армия, бодрый), 刘福唐 Лю Футан (счастье, династия Тан), 屈政鸿 Цюй Чжэнхун (политика, дикий гусь); 李凯 Ли Кай (победная песня), 唐宝诗 Тан Баоши (драгоценность, стихотворение), 王明武 Ван Минву (светлый, военное искусство), 吕章远

Люй Чжанюань (статья, далекий), 王科明 Ван Кэмин (наука, светлый) [ВДТВ, 1924, с. 132, 133, 136, 137, 147, 148, 151, 152, 153, 180];

– положительно оцениваемое действие: 庆 [qìng] ‘праздновать’, 兴 [xīng] ‘радоваться’, 通 [tōng] ‘общаться’, 冲 [chōng] ‘стремиться’, 崇 [chóng] ‘почитать’, 成 [chéng] ‘завершаться успехом’, 发 [fā] ‘развиваться’, 思 [sī] ‘скучать’ и др. [Дашеева, 2014, с. 36; 王维国, 2011, с. 814, 701, 91, 183, 665]. Имена китайских иммигрантов: 董宝兴 Дун Баосин (драгоценность, радоваться), 张吉通 Чжан Цзитун (счастье, общаться), 李福冲 Ли Фучун (счастье, стремиться), 张毅崇 Чжан Ичун (настойчивый, почитать), 王杰成 Ван Цзечэн (выдающийся, завершаться успехом), 李发华 Ли Фахуа (развиваться, китайский), 王思月 Ван Сыюэ (скучать, луна) [ВДТВ, 1924, с. 137, 140, 142, 147, 156];

Связь с духовной жизнью человека: психологические, нравственные, интеллектуальные, эстетические поведенческие характеристики и понятия:

– 福 [fú] ‘счастье’, 祥 [xiáng] ‘счастье, добро’, 吉 [jí] ‘счастье, удача’, 德 [dé] ‘добродетель’, 英 [yīng] ‘герой’, 力 [lì] ‘сила’, 良 [liáng] ‘добрый, прекрасный’, 杰 [jié] ‘выдающийся’, 志 [zhì] ‘воля, желание’, 忠 [zhōng] ‘верность, преданность’, 强 [qiáng] ‘сильный’, 诚 [chéng] ‘честный’, 秀 [xiù] ‘цветущий’, 毅 [yì] ‘настойчивый’, 勇 [yǒng] ‘отважный’, 康 [kāng] ‘спокойный’, 平 [píng] ‘ровный’, 畅 [chàng] ‘довольный’, 荣 [róng] ‘славный’, 泰 [tài] ‘спокойный’, 宁 [níng] ‘спокойный’ и др. [Дашеева, 2014, с. 37–40; 王维国, 2011, с. 82, 875, 599, 679]. Исходя из значений этих иероглифов, можно отметить, что китайские родители проявляют всестороннюю заботу, любовь и благопожелания по отношению к своим детям [史鑫, 2015, с. 21]. Имена китайских иммигрантов: 王政福 Ван Чжэнфу (политика, счастье), 刘英婷 Лю Интин (мудрая, грациозная), 王吉

良 Ван Цзилян (счастье, добрый), 王勇祥 Ван Юнсян (облако, добро), 于杰 Юй Цзе (выдающийся), 佟顺忠 Тун Шунчжун (благоприятный, преданность), 蒲世强 Пу Шицян (предок, сильный), 郑鹏志 Чжен Пэнчжи (гигантская птица Пэн, воля), 楼荣康 Лоу Жункан (славный, благополучие), 王阔平 Ван Копин (просторный, спокойствие), 王毅庆 Ван Ицин (настойчивый, праздновать), 许秀诚 Сюй Сючэн (цветущий, честный), 付畅 Фу Чан (довольный), 王西泰 Ван Ситай (запад, спокойный), 杨勇宁 Ян Юннин (отважный, спокойный) [ВДТВ, 1924, с. 131, 133, 140–143, 147, 149, 151, 156].

1.3.3. Гендерные особенности семантики китайских личных имён

Как и в любом национальном сообществе, в Китае мужчины и женщины выполняют разные социальные роли, имеют особенности своей экономической, культурной и бытовой жизни. В науке для определения различий членов общества по полу используется понятие гендера, который определяется как «совокупность социальных и культурных норм, следующих по предписанию выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [Кобелева, 2018, с. 8]. Он формирует в общественном сознании особые гендерные стереотипы, которые затрагивают также языковое сознание, функционирование языка, включая китайские антропимы. Под влиянием традиционной гендерной культуры, общественных обычаев, а также гендерных характеристик самих иероглифов и их лексических значений, в китайском обществе сформировалась культурная дифференциация личных имён по признаку пола [谢玉娥, 2000, с. 106–107]. Так как в китайском языке отсутствует формальный знак, отличающий мужское имя от женского, гендерная специфика антропима выражается при помощи семантики входящих в него слов (слогоморфем). Рассмотрим значения единиц, выбираемых для китайских мужских и женских имён.

Лексические значения, характерные для китайского мужского имени:

– крупные природные объекты: 江 [jiāng] ‘река’, 山 [shān] ‘гора’, 海 [hǎi] ‘море’, 峰 [fēng] ‘горный пик’, 宇 [yǔ] ‘простор’, 魁 [kuí] ‘Большая Медведица’, 岱 [dài] ‘другое название горы Тайшань’ и др. [Кобелева, 2018, с. 68; 吕继祥, 1995, с. 32]. В списках китайцев Приморья обнаружены следующие мужские имена: 叶深山 Е Шэньшань (глубокий, гора), 张靖江 Чжан Цзинцзян (умиротворять, большая река), 王都海 Ван Духай (изящный, море), 常峰泰 Чан Фэнтай (горный пик, спокойствие), 宋宇松 Сун Юйсун (простор, сосна), 刘魁祥 Лю Куйсян (Большая Медведица, счастливое знамение), 尤昌岱 Ю Чандай (процветание, другое название горы Тайшань) [ВДТВ, 1924, с. 135, 144, 145, 147, 149, 194];

– понятия, традиционно ассоциирующиеся с мужественностью: 强 [qiáng] ‘сильный’, 力 [lì] ‘сила’, 勇 [yǒng] ‘отважный’, 伟 [wěi] ‘внушительный’, 闯 [chuǎng] ‘бесстрашный’ и др. [Кобелева, 2018, с. 68; 王维国, 2011, с. 104]. Имена китайцев Владивостока: 周诗明 Чжоу Шимин (стихотворение, мудрый), 宋力兵 Сун Либин (сила, солдат), 蒲世强 Пу Шицян (предок, сильный), 修大勇 Сю Даюн (большой, отважный), 郑伟财 Чжен Вэйцай (внушительный, богатство), 程地闯 Чен Дичуан (земля, бесстрашный) [ВДТВ, 1924, с. 133, 144, 152, 156];

– черты характера, положительные качества: 诚 [chéng] ‘честный’, 良 [liáng] ‘добрый’, 明 [míng] ‘мудрый’, 昂 [áng] ‘бодрый’, 毅 [yì] ‘настойчивый’, 杰 [jié] ‘выдающийся’, 宏 [hóng] ‘огромный’, 大 [dà] ‘большой’, 博 [bó] ‘обильный’, 贵 [guì] ‘благородный’ и др. [Кобелева, 2018, с. 69; 王维国, 2011, с. 6, 360, 291, 121, 44, 267]. Китайские иммигранты во Владивостоке носили следующие имена: 宋诚德 Сун Чэндэ (честный, добродетель), 许明 Сюй Мин (мудрый), 王国昂 Ван Гоан (государство, бодрый), 王毅庆 Ван Ицин (настойчивый, праздновать), 王玉杰 Ван Юйцзе (нефрит, выдающийся), 刘毅宏 Лю Ихун (настойчивый, огромный), 刘大吉

Лю Дацзи (большой, удача), 付西博 Фу Сибо (запад, обильный), 王贵 Ван Гуй (благородный), 宋良 Сун Лян (добрый) [ВДТВ, 1924, с. 136, 140, 144, 147, 148, 151, 152, 153, 156];

– конфуцианская культура и благопожелания: 德 [dé] ‘добродетель’, 忠 [zhōng] ‘преданность’, 礼 [lǐ] ‘этикет’, 伦 [lún] ‘мораль’, 义 [yì] ‘долг’, 福 [fú] ‘счастье, успех’, 禧 [xǐ] ‘восторг’, 泰 [tài] ‘спокойствие’, 祥 [xiáng] ‘счастлирое знамение’, 吉 [jí] ‘удача’, 寿 [shòu] ‘долголетие’, 财 [cái] ‘богатство’, 康 [kāng] ‘благополучие’, 平 [píng] ‘спокойствие’ и др. [Кобелева, 2018, с. 69; 王维国, 2011, с. 679, 54]. Конфуцианская культура – это идеология и культура школы мысли, созданной Конфуцием и Мэнцзы, которые сформировали культурную систему с 仁 [rén] гуманностью в качестве ядра и такими руководящими принципами, как 孝 [xiào] сыновней почтительностью, 悌 [tì] братским долгом, 礼 [lǐ] ритуалом, 义 [yì] праведностью, 廉 [lián] честностью, 耻 [chǐ] стыдом, 忠 [zhōng] преданностью, 信 [xìn] доверием и 智 [zhì] мудростью». Со временем конфуцианская культура стала основным направлением китайской культуры, укоренившись в сознании людей. Поэтому эта культура сильно влияет на именование китайцев, и в китайских личных именах чаще встречаются эти иероглифы [宗洋, 2024, с. 41].

У китайцев, занимающихся торговлей во Владивостоке, были такие имена: 王正福 Ван Чжэнфу (настоящий, счастье), 潘庆祥 Пан Цинсян (праздновать, счастлирое знамение), 刘大吉 Лю Дацзи (большой, удача), 安寿义 Ань Шоуи (долголетие, долг), 王世财 Ван Шицай (предок, богатство), 楼荣康 Лоу Жункан (славный, благополучие), 王阔平 Ван Копин (просторный, спокойствие), 常禧澈 Чан Сичэ (счастье, прозрачный), 许德 Сюй Дэ (добродетель), 杨友忠 Ян Ючжун (дружественный, преданность),

杨川礼 Ян Чуанли (река, этикет), 王勇伦 Ван Юнлун (отважный, мораль) [ВДТВ, 1924, с. 131, 133, 143, 145, 147, 149–151, 156, 157, 194];

– социальные отношения, род деятельности: 国 [guó] ‘государство’, 军 [jūn] ‘армия’, 兵 [bīng] ‘солдат’, 商 [shāng] ‘торговля’ и др. [Кобелева, 2018, с. 69; 王维国, 2011, с. 679, 41, 614]. Имена китайцев: 李泰国 Ли Тайго (спокойствие, государство), 凌军旺 Лин Цзюньван (армия, бодрый), 宋英兵 Сун Инбин (герой, солдат), 吴利商 У Лишан (благоприятный, торговля) [ВДТВ, 1924, с. 131, 148, 153];

– память предков – проявление патриархальной концепции: 祖 [zǔ] ‘предок, наследование’, 世 [shì] ‘мир, наследование, предок’ и др. [Кобелева, 2018, с. 69]. Патриархальная концепция является идеологическим воплощением системы мировоззрения династии Западная Чжоу (104 – 71 гг. до н. э.), которая обозначает строгую иерархическую систему, основанную на кровных отношениях и подчеркивающую наследственный статус власти в зависимости от старшинства и младшинства людей. Хотя патриархальная концепция уже исчезла в истории Китая, культура и мышление, сформированные на ее основе, оказывают влияние на многие сферы жизни китайцев, включая способ мышления и нравственные ценности. Поэтому при выборе иероглифов для личных имен обращается внимание на память предков и поддержания семейного клана [宗洋, 2024, с. 42]. В Приморье китайцы носили имена: 王吉祖 Ван Цзицзу (удача, предок), 吕世霆 Люй Шитин (предок, гром) [ВДТВ, 1924, с. 141, 148];

– крупные животные: 虎 [hǔ] ‘тигр’, 龙 [lóng] ‘дракон’, 鸿 [hóng] ‘дикий гусь’, 鹏 [péng] ‘гигантская птица Пэн’ и др. [Кобелева, 2018, с. 70; 王维国, 2011, с. 272, 531]. Имена китайских мужчин: 程荣虎 Чен Жунху (славный, тигр), 顾阳龙 Гу Янлун (солнце, дракон), 李鸿昌 Ли Хунчан (дикий гусь, процветание), 郑鹏志 Чжен Пэнчжи (гигантская птица Пэн, воля) [ВДТВ, 1924, с. 131, 141, 144].

Лексические значения китайского женского имени:

– качества, чувства и эмоции, традиционно ассоциирующиеся с женственностью: 丽 [lì] ‘красивая’, 秀 [xiù] ‘цветущая’, 淑 [shū] ‘чистая’, 英 [yīng] ‘мудрая’, 喜 [xǐ] ‘радость’, 思 [sī] ‘воспоминание’, 芳 [fāng] ‘благоухание’ [Кобелева, 2018, с. 71; 王维国, 2011, с. 665]. У китаянок во Владивостоке обнаружены следующие имена: 常喜雨 Чан Сиюй (радость, дождь), 常思婷 Чан Сытин (вспоминание, грациозная), 朱萍丽 Чжу Пинли (ряска, красивая), 谭淑婷 Тань Шутин (чистая, грациозная), 刘英婷 Лю Интин (мудрая, грациозная), 叶阿芳 Е Афан (благоухание) [ВДТВ, 1924, с. 131, 133, 137, 143–145];

– названия цветов и растений: 梅 [méi] ‘дикая слива’, 莎 [shā] ‘сыть зонтичная’, 莉 [lì] ‘жасмин’, 萍 [píng] ‘ряска’ и др. [Кобелева, 2018, с. 71; 王维国, 2011, с. 542; БРКС, s.v. 莎, s.v. 莉]. Имена китаянок: 郭川梅 Го Чуанмэй (река, дикая слива), 修莉莎 Сю Лиша (жасмин, сыть зонтичная), 朱萍丽 Чжу Пинли (ряска, красивая) [ВДТВ, 1924, с. 145, 147, 150];

– названия драгоценных камней: 玉 [yù] ‘нефрит’, 宝 [bǎo] ‘драгоценность’ и др. [Кобелева, 2018, с. 71–72]. Эти слова встречаются в именах китаянок: 唐宝诗 Тан Баоши (драгоценность, стихи), 王玉婷 Ван Юйтин (нефрит, грациозная) [ВДТВ, 1924, с. 147, 152];

– времена года и природные явления: 雨 [yǔ] ‘дождь’, 冰 [bīng] ‘лёд’, 霞 [xiá] ‘заря’ и др. [Кобелева, 2018, с. 72]. Имена китайских иммигранток: 李冰娜 Ли Бинна (лёд, нежная), 霍长霞 Хо Чанся (продолжительный, заря), 常喜雨 Чан Сиюй (радость, дождь) [ВДТВ, 1924, с. 133, 137, 148];

– цветообозначения: 翠 [cuì] ‘изумрудный’, 红 [hóng] ‘красный’ [Кобелева, 2018, с. 72]. Имена китаянок Владивостока: 尤红秀 Ю Хунсю (красная, цветущая), 程翠玲 Чен Чуйлин (изумрудная, звон) [ВДТВ, 1924, с. 149, 152].

Как отмечалось в исследованиях, посвящённых анализу китайской иммиграции, женщины редко переезжали в другую страну, в том числе и в российское Приморье. В проанализированном справочнике отмечено только 17 китайских женских имён, что составляет 1,8% от общего количества антропонимов местных китайцев. В их именах 5 раз повторяется слово 婷 ‘грациозная’, однако незначительное общее число единиц не позволяет сделать вывод о частоте использования лексем и иероглифов в именах китаянок.

Наше исследование подтверждает, что у китайцев практически нет повторяющихся личных имён. Каждый раз при выборе имени ребёнку оно составляется заново из различных слов (слогоморфем), создаётся уникальный антропоним. Однако некоторые слова и их иероглифы в личных именах повторяются и пользуются некоторой популярностью у номинаторов, но и они составляют всего лишь незначительный процент от общего числа имён китайцев, функционирующих в Приморье в начале XX века. Отметим, что наши данные не совпадают с 18 частотными иероглифами, выделенными в китайских именах по данным переписи [Дашеева, 2014, с. 42–43] и со списком популярных иероглифов в другой работе [Гусева, 2018, с. 45]. Это связано с разными временными срезами анализа антропонимов, местами их функционирования и относительной ограниченностью количества имён китайцев Приморья.

Таблица 2

Популярные слова (слогоморфемы), повторяющиеся в личных именах китайцев Приморья

№ п/п	Слово (слогоморфема)	Количество употреблений	%
1.	福 [fú] фу	41	4,4
2.	勇 [yǒng] юн	26	2,8
3.	吉 [jí] цзи	20	2,1

4.	昌 [chāng] чан	20	2,1
5.	祥 [xiáng] сян	15	1,6

Некоторые слова и их иероглифы встречаются в личных именах обоих полов: 秀 ‘цветущий’, 玉 ‘нефрит’, 英 ‘мудрый’, 宝 ‘драгоценность’, 诗 ‘стихотворение’ и др.

Всего в справочнике употреблено 931 китайское полное имя представителей делового и торгового мира Владивостока в 1924 году. Они записаны по-русски с дефисом между отдельными компонентами, что отчасти соответствовало тогдашними правилами их транскрипции, но порой запись антропонима существенно искажалась. Нам не удалось восстановить исходную форму 28 китайских полных имён (3%): Ван Сицзик, Вян Кин, Гя Отун, Ео Фукай, Зын Тунлун, Иоа Моуфын, Изун Сишан, Кян Ичоу, Кян Сючжу, Кю Мели, Лы Винсы, Лю Дзакин, Ля Янсян, Лэ Ченюй, Мав Сянгуй, Ны Сын, Пак Нинчи, Пак Хизюми, Сун Янтсин, Сяй Сушин, Сяон Тин, Ткен Шочжу, Тих Хюнун, Тхын Юнчан, Фы Е, Чую Юнтан, Шао Сынфу, Ян Сюскуан.

По структуре китайские антропонимы подразделяются на двусложные, трёхсложные и четырёхсложные, причём первые и последние встречаются редко, наиболее типичное китайское полное имя состоит из трёх слогоморфем. В справочнике отмечено 86 двусложных китайских имён (9,2%), все остальные – трёхсложные (90,8%).

Более 40% китайских жителей Приморья имеют всего 9 фамилий: 王 Ван, 李 Ли, 刘 Лю, 宋 Сун, 杨 Ян, 张 Чжан, 付 Фу, 常 Чан и 于 Юй. Эти антропонимы характерны для северной части Китая, поэтому мы можем сделать вывод о том, что в Приморье в начале XX века китайские иммигранты прибывали в основном с северных районов Кита: Маньчжурия, провинции Шаньдун, Чжили (ныне Хэбэй) и др.

Каждое китайское личное имя обладает уникальным составом слогоморфем. При выборе имени ребёнку родители стремятся выразить

пожелания успешной и благополучной жизни, в именах отражаются национальные стереотипы, традиционные компоненты китайской лингвокультуры.

Проведенный анализ показывает, что мужские и женские личные имена китайских иммигрантов Владивостока четко отражают гендерную модель. В мужских именах наблюдаются ассоциации с мужественностью, конфуцианской культурой, патриархальной концепцией, положительными качествами, благословением и т. п.: 福 фу ‘счастье’, 勇 юн ‘отважный’, 吉 цзи ‘добро, счастье’, 昌 чан ‘процветание’, 祥 сян ‘счастлирое знамение’ и др. В то же время в женских именах подчеркиваются качества, связанные с внешней привлекательностью и внутренней добродетелью: 婷 тин ‘грациозная’.

Учитывая сложную историческую обстановку китайской иммиграции того времени, выбор таких имен был неслучайным. Он не только отражал глубокую связь с китайской культурой, но и свидетельствовал о стремлении к стабильной жизни, процветанию своего дела и сохранению традиционной идентичности в инокультурном окружении. При этом небольшое число слогоморфем, таких как 秀 сю ‘цветущий’, 玉 юй ‘нефрит’, 英 ин ‘мудрый’, 宝 бао ‘драгоценность’, 诗 ши ‘стихотворение’, могло использоваться в именах обоих полов, что свидетельствует о гибкости китайской антропонимики.

Выводы по главе I

Российско-китайское пограничье расположено на границе между двумя странами, составляющей около 4200 км, которое с российской стороны включает в себя Республику Алтай, Забайкальский край, Амурскую область, Еврейскую автономную область, Хабаровский край и Приморский край, а с китайской стороны – провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и автономный район Внутреннюю Монголию и Синьцзян-Уйгурский автономный район.

Коренными народами, проживающими на российско-китайском пограничье, являются удэгейцы, нанайцы, тазы, эвенки (тунгусы), дауры, дючеры, гиляки, натки, эвены, монголы, буряты. Здесь издавна проживают также ханьцы, маньчжуры, русские, украинцы, белорусы, татары, корейцы и японцы.

В четырехсотлетней истории взаимоотношений России и Китая отмечались культурные, торговые и языковые контакты между народами двух государств в разные периоды, что не только способствовало появлению таких культурных центров на российско-китайском пограничье, как Кяхта, Айгун, Харбин, Благовещенск и Владивосток, но и привело к распространению и использованию в данном регионе русского, китайского, корейского языков и языков коренных народов.

Благодаря богатой истории, многообразной культуре, географическим и природным условиям, а также активным этнокультурным контактам между двумя народами на российско-китайском пограничье, данный регион превратился в платформу для культурных и лингвальных контактов, что способствовало появлению и распространению языковой трансформации и пиджинизации. В таких условиях возникли многочисленные русско-китайские регионализмы: 伏特加 ‘водка’, 布拉吉 ‘платье’ в китайском пиджине, *куня*, *ни хао*, *чифан* в русскоязычном пиджине и др. Они не только помогают осваивать культуру другой страны, но и употребляются в повседневном общении между жителями в данном регионе.

Анализ антропонимов китайских иммигрантов Владивостока отражают гендерную модель, поскольку в мужские имена включаются словоморфемы 福 фу ‘счастье’, 勇 юн ‘отважный’, 吉 цзи ‘добро, счастье’, 昌 чан ‘процветание’, 祥 сян ‘счастлирое знамение’, в женских именах подчеркиваются качества, связанные с внешней привлекательностью и внутренней добродетелью (婷 тин ‘грациозная’). Учитывая сложную историческую обстановку китайской иммиграции того времени, выбор таких имен был неслучайным. Он не только отражал глубокую связь с китайской

культурой, но и свидетельствовал о стремлении к стабильной жизни, процветанию своего дела и сохранению традиционной идентичности в инокультурном окружении.

ГЛАВА II. ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. К. АРСЕНЬЕВА

Под влиянием фронта наблюдаются значительные изменения как в жизни людей на российско-китайском пограничье, так и в их культуре и языке. Последнее чаще отражается в художественных произведениях, описывающих жизнь пограничья. И прежде всего следует упомянуть о книгах известного русского географа, этнографа, исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева. Его произведения были написаны на основе опыта географических экспедиций на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, поэтому в них содержатся китаизмы, описывающие жизнь людей на российско-китайском пограничье, а также ономастическая лексика китайского происхождения или преобразованная в китайском языке.

2.1. Биография и творческий путь В. К. Арсеньева

Имя Владимира Клавдиевича Арсеньева тесно связано с Дальним Востоком. Он был известным русским географом, этнографом, путешественником, военным востоковедом. Большая часть его жизни была связана с исследованием Дальнего Востока. Его труды, рассказывающие об экспедициях, показали россиянам и всему миру географическую, историческую и этнографическую ситуации в данном регионе. Долгое время произведения В. К. Арсеньева были для россиян главным источником информации о Дальнем Востоке.

2.1.1. Биография В. К. Арсеньева

Владимир Клавдиевич Арсеньев родился 10 сентября 1872 года в Санкт-Петербурге в семье бывшего начальника Московской окружной железной дороги и потомственного гражданина города Санкт-Петербурга Клавдия Федоровича Арсеньева. Одной из главных черт бытовой жизни

семьи Арсеньевых была постоянная тяга к чтению. По вечерам родители собирали детей за столом и читали с ними книги, тем самым воспитывая у них навыки чтения и повышая их уровень знаний. С детства Володе нравились книги с рассказами о географических открытиях, удивительных приключениях во время путешествий по Азии, Африке, Австралии и Северной и Южной Америках. Благодаря этим книгам, он узнал о деятельности русских путешественников Г. И. Невельского, М. И. Венюкова, Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова и др. [Бакланов, 2022, с. 82]. Клавдий Фёдорович часто рассматривал с детьми географические карты и атласы, и Володя запоминал расположение стран и городов. Дядя В. К. Арсеньева по материнской линии Иоиль Егорович Кашлачѳв, более 40 лет проработавший на железной дороге, был любителем и знатоком природы, летом по субботам он часто собирал детей и проводил с ними короткие или длительные пешие путешествия в окрестностях города [Кузьмичѳв, 1977, с. 16]. Так в семейном кругу у Володи был заложен интерес к путешествиям и природе, что и определило его дальнейший жизненный путь.

В 1893 году В. К. Арсеньев поступил Петербургское пехотное юнкерское училище, где преподавал географию известный русский военный, изобретатель, специалист по армейскому снаряжению и путешественник Михаил Ефимович Грум-Гржимайло (1861–1921). Он оказал огромное влияние на дальнейшее развитие В. К. Арсеньева. На уроках он рассказывал ученикам о своих походах и о книгах о Центральной Азии и Сибири, проводил беседы о деятельности Н. М. Пржевальского и других исследователей, поэтому В. К. Арсеньев начал интересоваться Сибирью и Дальним Востоком [Кузьмичѳв, 1977, с. 28; Тарасова, 1985, с. 107].

После окончания пехотного юнкерского училища выпускники были обязаны отслужить в армии полтора года, поэтому В. К. Арсеньев в 1896 году прибыл в 14-й пехотный Олонецкий полк [Кузьмичѳв, 1977, с. 33]. Во время службы он встретился со своей первой женой Анной Константиновной, свадьба состоялась в 1897 году. В свободное от службы время В. К. Арсеньев

продолжал изучать произведения о Сибири и Дальнем Востоке, читал книги «История русской этнографии», «Наш Дальний Восток» и др.

В августе 1900 года В. К. Арсеньев прибыл на службу в 1-й Владивостокский крепостной пехотный полк. Он добросовестно выполнял задания по службе, но при этом максимально использовал время отдыха для того, чтобы читать краеведческую литературу о Владивостоке и его окрестностях. В 1901 году В. К. Арсеньев стал официальным членом Владивостокского общества любителей охоты. В 1902 году он был назначен руководителем охотничьей команды, в 1903 году – начальником Владивостокской крепостной конно-охотничьей команды, задачи которой заключались в проведении поездок по региону и коротких военных экспедиций [Тарасова, 1985, с. 109]. В 1902 году В. К. Арсеньев с охотничьей командой отправлялся в экспедиции по разным направлениям в юго-восточной части Уссурийского края до залива Святой Ольги и собирал географические и этнографические сведения о данной территории.

После окончания Русско-японской войны В. К. Арсеньев был переведён в штаб Приамурского военного округа в Хабаровске. Здесь он принял решение подробно исследовать Уссурийский край. В 1906–1910 годах В. К. Арсеньев провёл три экспедиции в данном регионе, постоянно фиксируя в дневниках всё, что с ним случилось и какую информацию он получил [Тарасова, 1985, с. 110]. Путешественник разделил свои дневники на части: геологический, этнографический, метеорологический и др., что в дальнейшем облегчило его работу над собранным материалом [Малов, 1986, с. 30].

В 1906 году В. К. Арсеньев в тайге встретил нанайского охотника Дерсу Узала, который был включён в состав экспедиционной группы и стал проводником. Во время экспедиций Дерсу и Арсеньев помогали друг другу, благодаря нанайцу экспедиции удалось более 10 раз пересечь хребет Сихотэ-Алиня – главный естественный барьер на исследуемой территории. Эти экспедиции и их материалы сделали В. К. Арсеньева известным в

научных кругах. В июле 1910 года Владимир Клавдиевич Арсеньев стал директором Хабаровского краеведческого музея. В ноябре 1910 года он привёз в Санкт-Петербург свою коллекцию экспонатов. Здесь учёный неоднократно выступал с докладами о своих путешествиях и исследованиях. Свои этнографические коллекции он передал в дар Русскому музею, за что его наградили серебряной медалью этого музея.

В 1911 году в Хабаровске вступил в должность новый приамурский генерал-губернатор Николай Львович Гондатти (1861–1946), учёной-антрополог, путешественник и талантливый администратор. Он пригласил В. К. Арсеньева вернуться на Дальний Восток, назначил его на должность офицера для особых поручений и возложил на него работу по борьбе с хунхузами, местными бандитами, нелегальными эмигрантами и лесными браконьерами в Уссурийском крае [Тарасов, 1985, с. 134; Егорчев, 2016, с. 51]. Эта деятельность была актуальной для Уссурийского края того времени. В. К. Арсеньев предпринял несколько секретных экспедиций в Уссурийском крае, параллельно продолжая собирать материал для своих исследований [Тарасова, 1985, с. 136, 137]. В экспедициях он познакомился с положением тазов и удэгейцев в Уссурийском крае [Тарасова, 1985, с. 145]. Новые экспонаты, собранные в ходе экспедиций, учёный отправил в Хабаровский музей [Тарасова, 1985, с. 150].

Осенью 1913 года состоялась встреча В. К. Арсеньева со всемирно известным норвежским путешественником и полярным исследователем Фритъофом Нансеном. Они подружились и в дальнейшем поддерживали переписку вплоть до смерти Нансена 13 мая 1930 года. Весной 1914 года В. К. Арсеньев планировал поездку к удэгейцам, однако из-за начавшейся войны генерал-губернатор Гондатти не дал на неё разрешения. Вплоть до 1917 года учёному не удалось совершить ни одной полноценной экспедиции, было только несколько кратковременных служебных поездок по краю. Он вернулся на армейскую службу в военное ведомство, был вскоре переведен в 13-й Сибирский стрелковый запасный полк, отправлен на фронт, но затем его

возвратили в Хабаровск, где В. К. Арсеньев был прикомандирован к штабу Приамурского военного округа и снова стал директором музея [Тарасова, 1985, с. 152–153].

В 1919 году путешественник встретил со своей второй женой – Маргаритой Николаевной Соловьёвой, которая занялась финансами мужа, перепиской с заграницей (она знала несколько языков), вычиткой и правкой его текстов [Кузьмичёв, 1977, с. 142]. В 1920-х годы В. К. Арсеньев провёл несколько экспедиций, собрал большой материал о географии, экономике, истории, культуре региона, даже составил сравнительные словарики названий животных на русском, якутском, нанайском, удэгейском и других местных языках [Тарасова, 1985, с. 163].

В. К. Арсеньев был одним из первых исследователей топонимики Дальнего Востока, во время экспедиции он записывал многие названия географических объектов на удэгейском, орочком и других местных языках. Его соратник синолог и востоковед П. В. Шкуркин помог ему сделать вывод о том, что дальневосточная топонимия обладает тунгусо-маньчжурским характером, но по мере проникновения сюда китайских охотников некоторые старые географические названия были заменены китайскими [Тарасова, 1985, с. 130–131].

В. К. Арсеньев занимался педагогической деятельностью. Он преподавал археологию, антропологию и этнографию в педагогическом институте, Дальневосточном государственном университете, народных университетах, педагогических техникумах во Владивостоке и Хабаровске [Тарасова, 1985, с. 279]. Вместе со студентами он проводил краткие экспедиции в окрестностях городов.

По-прежнему В. К. Арсеньев большое внимание уделял музейной работе. Благодаря ему были существенно пополнены коллекции Хабаровского и Владивостокского музеев, установлены отношения с музеями Москвы, Ленинграда, а также Токио, Вашингтона и других зарубежных городов [Тарасова, 1985, с. 268]. Учёный внёс большой вклад в охрану

природы. По его инициативе были открыты природные заповедники на Командорских островах, на Камчатке и в Приамурском крае [Тарасова, 1985, с. 278].

4 сентября 1930 года В. К. Арсеньев скончался от крупозного воспаления лёгких. В честь великого русского учёного были названы левый приток Усури, гора на Курильских островах, ледник на северном склоне Авачинской сопки, перевалы в горном массиве Хибины, город, посёлок, улицы и переулки, музеи во Владивостоке и Хабаровске, пароход, самолёт, аэропорт, всероссийская литературная премия и др. За 30 лет исследований Дальнего Востока В. К. Арсеньев не только издал новые карты региона, но и собрал много ценного географического, исторического и этнографического материала о жизни народов Приамурья и Дальнего Востока. Этот материал был положен в основу его научного и литературного творчества.

2.1.2. Творческий путь В. К. Арсеньева

Первым произведением В. К. Арсеньева стал «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг.». Это было первое в русской науке естественнонаучное и историческое описание Уссурийского края. Автор работал над этим объёмным текстом (324 с.) в апреле-июне и ноябре-декабре 1911 года, систематизируя собранный в экспедициях 1901–1911 годов материал. Очерк был издан штабом Приморского военного округа в 1912 году, к нему прилагалось несколько цветных карт.

Находясь в экспедициях, В. К. Арсеньев отправлял путевые письма в хабаровскую газету «Приамурье», в которых рассказывал о флоре, фауне, геологии, состоянии путей сообщения на Дальнем Востоке. Газета публиковала эти заметки, которые вошли в некоторые главы его книги. В «Кратком военно-географическом и военно-статистическом очерке Уссурийского края 1901–1911 гг.» показаны особенности горного рельефа, климатических зон, речных режимов Сихотэ-Алиня, состояние маньчжурской флоры, фауны и уссурийского леса и др., что не только отражает

универсализм В. К. Арсеньева, но и сохраняет ценность его книги и в наши дни [Тарасова, 1985, с. 134; Кузьмичёв, 1977, с. 116–119].

В том же году были изданы «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края» (без указания города и издательства), в которых содержались результаты археологических исследований, дополненные топонимическими преданиями и другими произведениями местного фольклора. В 1913 году эта работа была вновь опубликована в первом выпуске «Записок Приамурского отдела Императорского общества востоковедения» (с. 15–66).

Параллельно с этими трудами В. К. Арсеньев работал над другой большой по объёму работой – своим первым этнографическим исследованием «Китайцы в Уссурийском крае: очерк историко-этнографический». Она была опубликована в 1914 году. В книге подробно описываются история проникновения китайских охотников в Уссурийский край, их численность, организация, промыслы, контакты с местным населением – орочами, нанайцами и др. Материал был собран во время экспедиций 1906–1912 годов. В конце января 1910 года, вернувшись из третьей экспедиции, В. К. Арсеньев в Хабаровске начал обрабатывать собранный материал. В ноябре 1910 года он подготовил служебные отчеты об экспедиции и написал доклады «Китайцы в Уссурийском крае», «Орочи-удэхе» и др., с которыми выступил в Москве и Петербурге. Дополнительный материал, включённый в новую книгу, был собран учёным во время экспедиции 1912 года [Тарасова, 1985, с. 135, 150, 260; Кузьмичёв, 1977, с. 116–117].

Издав первые книги, В. К. Арсеньев решил подготовить обстоятельный труд об Уссурийском крае, составив его из двух частей: первую написать в литературном ключе, а вторую – в научном. Как и предыдущие работы, эта книга опиралась на дневники экспедиций 1902–1906 годов. Труд «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала). Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» был завершён в 1917 году. Параллельно автор работал над

литературным произведением, в котором главным героем стал Дерсу Узала, именем которого была озаглавлена книга. В неё был включён материал исследовательской экспедиции по Уссурийскому краю 1907–1908 годов.

Третьей книгой, которую В. К. Арсеньев тоже закончил в 1917 году, была «В горах Сихотэ-Алиня», в которую вошло описание экспедиции 1908–1910 годов. Автор в дальнейшем дорабатывал её, однако при его жизни она не вышла, книгу напечатало в 1937 года издательство «Молодая гвардия» с примечанием: «Работа В. К. Арсеньева “В горах Сихотэ-Алиня” выходит в свет впервые. Работа эта представляет собой дневник В. К. Арсеньева, переработанный им незадолго до его смерти для печати, но ещё окончательно автором не отредактированный» [АВГСА, с. 2]. Некоторые главы этой книги были опубликованы ранее в виде писем из экспедиции, отправленных автором в хабаровскую газету «Приамурье» [Тарасова, 1985, с. 125].

Книга «По Уссурийскому краю» вышла в 1921 году. В ней В. К. Арсеньев выступает и географом, и этнографом, и писателем. Он на основе многолетних наблюдений над таежными аборигенами зафиксировал обычаи, традиции, образ жизни народов Дальнего Востока. В произведении появляется образ Дерсу Узалы (его настоящее имя – Дэрчу Оджал, Дэрчу из рода Оджал), отмечаются его объёмные знания про тайгу и охоту, человеческая доброта, гостеприимство, понимание о месте человека в природе и о взаимоотношениях между людьми.

В. К. Арсеньев более подробно описал своего главного героя в повести «Дерсу Узала: из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 году», изданной в 1923 году. В обеих книгах рассказывается о трёх этапах взаимоотношений писателя и проводника: знакомство в 1902 году; вторая встреча в 1906 году; третья встреча и гибель Дерсу весной 1908 года. За время многолетних совместных экспедиций у них сложились дружеские отношения, они оказывают помощь друг другу при появлении трудностей и опасностей. Увлекательный сюжет, развёртывающийся на фоне великолепных картин природы и жизни народов Дальнего Востока, хороший литературный

язык поставили эту книгу в ряд лучших произведений России среди географической и приключенческой литературы.

Тем временем жена В. К. Арсеньева Маргарита Константиновна занялась изданием произведений писателя за рубежом. В 1924–1925 годах две его книги были переведены на немецкий язык и были изданы в Германии в виде двухтомника под общим названием «In der Wildnis Ostsibiriens: Forschungsreisen in Ussurigebiet» («В джунглях Восточной Сибири: Экспедиции в Уссурийский край») с предисловием Ф. Нансена и другого известного шведского путешественника С. Гедина. Книга вышла в издательстве «Август Шерль» (к тому времени его владелец скончался, но фирма продолжала процветать). Перевод сделал Франц Даниель [AWO].

В издании произведений В. К. Арсеньева в Германии участвовал известный издатель и деятель коммунистического движения Ойген (Евгений Иванович) Пёппель (1877–1937). Он писал в марте 1925 года: «Могу вам с гордостью сообщить, что первые изданные мною за границей труды В. К. Арсеньева были чрезвычайно тепло приняты немецкими читателями, а также и в научных кругах. Газетные рецензии о сочинении В. К. Арсеньева и о нем как об ученом человеке блестящи. Известные ученые, как профессор Нансен, доктор Свен Гедин и Нестор немецких исследователей профессор Швейнфурт, в вопросах о Сибири постоянно ссылаются на сочинения В. К. Арсеньева. Я счастлив, что, приняв на себя издательство бессмертного труда В. К. Арсеньева за границей, мог приложить хоть долю своего труда к тому, чтобы показать всему свету великого русского исследователя, чьи труды уже теперь приобрели для русского народа много новых заграничных друзей и, безусловно, имеют великую будущность» [ХЧИ-45].

В 1926 году в том же издательстве и с работой того же переводчика вышла в свет книга В. К. Арсеньева «*Russen und Chinesen in Ostsibirien*» («Русские и китайцы в Восточной Сибири») [ARCH].

В. К. Арсеньев продолжал работать над своими книгами. Для повышения уровня доступности своих трудов он сократил некоторые

научные описания, заменил латинские термины растений русскими названиями, объединил два произведения и в 1926 году во Владивостоке опубликовал книгу под названием «В дебрях Уссурийского края» [Кузьмичёв, 1977, с. 130, 150; Малов, 1986, с. 36, 40; Тарасова, 1985, с. 195]. Возможно, на выбор нового названия повлиял библионим немецкого перевода.

О роли творчества В. К. Арсеньева в истории русской литературы говорит его оценка А. М. Горьким и М. М. Пришвиным. Писатель М. М. Пришвин познакомился с творчеством В. К. Арсеньева, видимо, в 1927 году. 2–3 ноября 1927 года он спрашивает А. М. Горького, когда тот собирается приехать в СССР, и пишет: «Не хотелось бы во время Вашего приезда очутиться где-нибудь в Уссурийском краю в гостях у Арсеньева», добавляя, что его «так и тянет <...> на Уссури» [ГП, с. 536]. Вскоре он отправляет книгу В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» Алексею Максимовичу. Прочитав эту книгу, Горький пишет письмо В. К. Арсеньеву. Приведём его полностью: «Уважаемый Владимир Клавдиевич, книгу вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, – конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, – это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан вами отлично, для меня он более живая фигура, чем “Следопыт”, более “художественная”. Искренно поздравляю вас. Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но, кроме того, я вас прошу сказать “Книжному делу”, чтоб мне выслали еще два экземпляра. Это – для знакомых, которые брали у меня первое издание и так же влюбились в книгу, как и я. Почему вы не предложите Госиздату издать этот ваш труд? Важность его так же неоспорима, как и красота. У вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно было бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну. Посылаю вам свою книгу. Будьте здоровы. А. ПЕШКОВ. 24.1.28. Sorrento» [ГП, с. 171].

А. М. Горький имеет в виду книги А. Э. Брэма «Жизнь животных» и

цикл романов Ф. Купера о Натаниэле Бумпо и Чингачгуке «Зверобой, или Первая тропа войны», «Последний из могикан», «Следопыт, или Озеро-море», «Пионеры, или Истоки Сусквеганны» и «Прерия». Историк литературы и переводчик Пётр Семёнович Коган (1971–1932), побывавший в 1927 году в гостях у А. М. Горького в Сорренто, в статье «Письма из-за границы: Встречи и впечатления у Горького», опубликованной 1 и 3 июня 1927 года в газете «Вечерняя Москва», писал: «Заговорив о современной русской литературе, он начал с книги некоего Арсеньева, называется она, кажется, “По Уссурийским степям”. Он говорил долго и с увлечением об этом “сочетании Брэма и Купера”, говорил, что необходимо ее переиздать» [ГП, с. 560].

А. М. Горький послал В. К. Арсеньеву первую часть «Жизни Клим Самгина», изданную в Берлине, с дарственной надписью: «Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву, автору прекрасной книги “В дебрях Уссурийского края” на добрую память и с искренним пожеланием здоровья, бодрости духа. М. Горький. 25.1.28. Sorrento» [ГП, с. 560].

А. М. Горький переписывается с В. К. Арсеньевым, узнаёт о его творческих планах и пишет М. М. Пришвину 5 февраля 1928 года: «Арсеньев выпускает II-е издание “Дебрей”, дополненное, и ещё новую книгу. Пришлёт Вам» [ГП, с. 188]. Переписка Горького с Арсеньевым продолжалась до сентября 1930 года и была связана с проблемами изучения Дальнего Востока. Сохранилось 10 писем Горького Арсеньеву и 14 писем Арсеньева Горькому.

М. М. Пришвин лично познакомился с В. К. Арсеньевым. 9 октября 1928 года он записал в дневнике: «Были у меня зав. Серг. музеем Свирин и с ним Арсеньев (Владим. Клавдиев.), автор “В дебрях Уссурийского края”, чрезвычайно подвижный, энергичный человек (57 л.) Быстро и много говорит. <...> Арсеньев, между прочим, рассказал мне, как он написал свою книгу. Она вышла из дневников, которые вел он в экспедициях. Это книга, можно сказать, первобытного литератора, своего рода тоже реликт. Ее движение есть движение самой природы, и она снова наводит меня на мысль, что поэзия рождается в ритмическом движении природы, вращении солнц и земель и

является на свет тем же самым чутьем, которым животные и люди в тайге определяют без компаса, в какой стороне находится дом» [ПД, с. 277–278].

В 1928 году В. К. Арсеньев вместе с Е. И. Титовым издали книгу «Быт и характер народностей Дальневосточного края». Она вышла в издательстве «Книжное дело», которое находилось в Хабаровске и Владивостоке. Об этой книге он пишет А. М. Горькому, обещая на днях выслать её ему.

Последняя книга В. К. Арсеньева «Сквозь тайгу» вышла в 1930 году. Она была основана на материалах экспедиции 1927 года по маршруту Советская Гавань – Хабаровск, в этой экспедиции путешественник не только осуществлял маршрутные съёмки, изучал регион в естественно-историческом плане, но и проводил этнографические наблюдения и зарисовки. Данная книга отличается от книг, связанных с Дерсу, своей монологичностью. Автор стремился точнее передать читателям переживания экспедиционного похода и воссоздать картину изучаемого края. В тексте несколько раз упомянуто о встречах со старыми друзьями-аборигенами, знакомыми по экспедиции 1908 года, и с новыми проводниками: ими были Намука, Геонка, Мулинка, Хутынка. В книге подчёркивалась крепкая дружба между путешественником и его старыми друзьями, дружеские беседы с ними, подробно описана внешность новых проводников и т. п. Это придаёт произведению художественность и эмоциональность. Читатель получает возможность познакомиться с мирозерцанием, национальной психологией, особенностями поведения представителей коренных народов Приамурья. Благодаря новым проводникам, В. К. Арсеньев получил новый этнографический материал, содержащий описание верований, различных предметов и обычаев, используемых во время праздников и ритуалов, в особенности при камлании шаманов. Описания местной флоры и фауны, легенд, фольклорные и этнографические зарисовки в этом произведении отражают способы подачи научного и познавательного материала, сформированные у В. К. Арсеньева за долгие годы писательства [Кузьмичёв, 1977, с. 186–192].

Кроме этих опубликованных произведений, в творческом наследии В. К. Арсеньева остались рукописи: «Население Владивостокского округа», «Список тазов и удэгейцев, проживающих в Зауссурийском крае», «Местные пословицы и предметы относительно погоды и хозяйственных явлений», «Словарь русско-орочский» и др. [Тарасова, 1985, с. 267].

Материалы, полученные и описанные учёным в ходе 30-летней экспедиционной работы на Дальнем Востоке, вносят значительный вклад в развитие географии, истории, этнографии и отчасти лингвистики. Его произведения открыли новое направление в русской научно-популярной литературе – краеведческое. Произведения В. К. Арсеньева характеризуются сочетанием научной обстоятельности с увлекательным изложением, наблюдательностью, точным воссозданием деталей, лаконизмом, но при этом и красочностью языка, что оказало значительное влияние на новые поколения писателей Дальнего Востока.

2.2. Лексические китаизмы в произведениях В. К. Арсеньева

За более чем 400-летнюю историю взаимоотношений между русскими и китайцами происходило взаимодействие языков и лингвокультур во фронтальном регионе. Наблюдаются тесные лингвокультурные контакты, топонимическое освоение обоими народами пограничной территории. Это отразилось в появлении в повседневном общении гибридных названий, которые употреблялись местными поселенцами и могли от них переходить на географические карты. В. К. Арсеньев проводил экспедиции в этом фронтальном регионе [Зуенко, 2021, с. 83], поэтому в его трудах не только упоминаются китайские антропонимы, названия географических объектов на русском языке, но и название исторических государств, наименований правления китайских императоров и другие китайские онимы, а также некоторые заимствованные слова, отражающие быт и традиции, характеристики окружающей среды местных жителей. Таким образом, его произведения являются ценным источником для изучения лексических китаизмов и китайских онимов и их роли в описании лингвокультурного

пространства Дальнего Востока.

Антропонимы

Самым частотным китайским антропонимом в произведениях В. К. Арсеньева является имя охотничьего старшины Чжан Бао, по-китайски 张宝 [zhāng bǎo] ‘драгоценность’ [王维国, 2011, с. 20], повторяющееся 88 раз в книге «В дебрях Уссурийского края». Из этого произведения можно узнать о том, что Чжан Бао часто оказывает помощь В. К. Арсеньеву в работе экспедиции и обладает высоким авторитетом среди местного населения в этом регионе: *Через три дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан Бао несколько раз навещал меня. Наблюдая за китайцами, я убедился, какой популярностью среди них пользовался Чжан Бао* [ВДУК, 1928, с. 156].

По частотности вторым китайским антропонимом является Чжан Цзолинь (1875–1928), по-китайски 张作霖 [zhāng zuò lín] ‘изготавливать, затяжной дождь’. В 1917 году он стал известным политиком и генерал-губернатором провинции Фэнтянь, к 1920-х годам ему уже подчинялись значительные территории на Северо-Востоке Китая и фактически управлял Маньчжурией. Во время проведения географических экспедиций В. К. Арсеньевым Маньчжурия находилась именно под управлением и контролем военного губернатора Чжан Цзолиня. Его должность связана с принятием решений по важным делам и с обеспечением стабильности данного региона, поэтому его имя встречается в произведениях В. К. Арсеньева: *Последнее обязательство заставило хунчунского Цзолина, являющегося ответчиком перед своим правительством за численность знаменного войска, принимать меры к розыску беглецов, но беглецы эти уходили еще дальше вглубь страны, и нередки были случаи, когда посланные на розыски их не возвращались тоже.* В. К. Арсеньев по прежним правилам транскрипции эти антропонимы записывает через дефис [Петрунина, 2018, с. 109; КВУК, 1914, с. 106, Цзян Синьхао, 2025, с. 44–45; Цзян Синьхао, 2024, с.

342; 王维国, 2011, с. 448, 1030]. В приведённых отрывках, извлечённых из современных изданий произведений В. К. Арсеньева, имена китайцев записаны в соответствии с новыми правилами транскрипции.

Оронимы

Все произведения В. К. Арсеньева были посвящены описанию географии и природы Дальнего Востока и Маньчжурии, поэтому в них значительное место занимают топонимы, как русские, так и китайские. Поскольку российско-китайское пограничье представляет собой фронтирную зону, в ней встречаются некоторые географические объекты, имеющие параллельные названия на русском и китайском языках, что находит отражение в произведениях В. К. Арсеньева.

Особое внимание во время экспедиций В. К. Арсеньев уделял исследованию горных областей, что ярко отражено в описаниях экспедиций 1906–1907 годов. Всего в произведениях учёного отмечено 106 оронимов, особенно в книге «Китайцы в Уссурийском крае», в которой зафиксированы не только русские, но и китайские названия. Эти оронимы формируют особую ландшафтную картину Дальнего Востока и Маньчжурии:

1) китайское название горной территории на крайнем юго-востоке материковой части России – хребта Сихотэ-Алиня: Си-хо-да-линь, кит. 西河大岭 [xī hé dà líng] ‘западный, река, большой, хребет’; Лао-линь, кит. 老岭 [lǎo líng] ‘старый’; Да-линь, кит. 大岭 [dà líng] ‘большой’: *Местные китайские охотники называют его Си-хо-да-линь, и по-своему производят его от слов си – запад, хо – река, да – большой, линь – хребет. При таких иероглифах перевод будет: западных больших рек хребет. Иногда китайцы называют Сихотэ-Алинь другим именем, например, Лао-линь, что значит старый перевал, в смысле седой, древний, Да-линь, т. е. большой перевал* [КВУК, 1914, с. 78; 王维国, 2011, с. 121, 285, 427, 452, 761; БСЭ-2, т. 39, с. 190];

2) хребет Лао-сун-линь, кит. 老松岭 [lǎo sōng líng] ‘старый, сосна,

хребет’: *Западная граница этого района проходит от хребту Лао-сун-линь (то есть Старый сосновый хребет)* [КВУК, 1914, с. 8; 王维国, 2011, с. 427, 668];

3) хребет Чан-бо-шань, 长白山 [cháng bái shān] ‘долгий, белый, гора’; плоскогорье в Маньчжуро-Корейских горах, расположено в Китае и Корее: *Другое маньчжурское племя фу-юй жило по обеим сторонам хребта Чан-бо-Шаня, но было истреблено соседями* [КВУК, 1914, с. 52; 王维国, 2011, с. 10, 69, 611; БСЭ-2, т. 47, с. 37];

4) Дун-дзянь-шань, кит. 东尖山 [dōng jiān shān] ‘восток, острый, гора’; *Уссурийский край китайцы называют Дун-дзянь-шань. Буквально перевод китайских иероглифов будет: Восточные острые горы. Иногда вместо дзянь китайцы говорят да (Дун-да-шань), что значит Восточные большие горы»* [КВУК, 1914, с. 78; 王维国, 2011, с. 160, 338];

5) гора Нанган-шань, кит. 南港山 [nán gǎng shān] ‘южная гора’; расположена на водоразделе рек Хайлань и Тумэнь в провинции Хэйлунцзян: *Другая легенда говорит так: в восточной Маньчжурии, в горах Нанган-Шаня жили два знаменитых рода, Си-лянь и Лян-серл, вечно враждующих между собою* [КВУК, 1914, с. 156; 王维国, 2011, с. 507, 230];

6) хребет Да-дзянь-шань, кит. 大尖山 [dà jiān shān] ‘большой, острый’; (ныне гора Пржевальского), горный хребет в стыке Чугуевского, Уссурийского и Надеждинского районов Приморского края: *В настоящее время тигров больше всего в хребте Дадянь-шань (водораздел, отделяющий верховья рек Лефу, Даубихэ и Улахэ от бассейнов рек Майхэ, Цимухэ, Сучана и Судзу-хэ), в истоках Фудзина и Ното, по нижнему течению Имана, Викина и Хора, по рекам Мухеню, Пихце и Анюю* [КВУК, 1914, с. 23; 王维国, 2011, с. 121, 338; СКТТС, 1975, с. 43];

7) гора Лаоелин (Лаолин), кит. 老岭 [lǎo lǐng]; название нескольких горных хребтов в Восточно-Маньчжурских горах на Северо-Востоке Китая:

Китайцы называют эту вершину Лаоелин – "Старая гора". Со склонов её стекают истоки реки Тадуши, где мы не раз встречали следы тигров [ВДУК, 1928, с. 134; 王维国, 2011, с. 427, 452; БСЭ-2, т. 24, с. 287].

Гидронимы

Помимо горных областей, речная система также являлась одним из важных объектов при проведении географических экспедиций В. К. Арсеньева на Дальнем Востоке и в Маньчжурии, поэтому в его произведениях встречаются многие китайские гидронимы, которые не только отражают особенности речной системы данного региона, но и дают возможность читателям воспринять уникальность наименований этих географических объектов:

1) река Уссури – Усули-цзян, 乌苏里江 [wū sū lǐ jiāng]; восточная река в Приморском крае, от впадения реки Сунгача протекает главным образом по границе Приморского края и Хабаровского края России с Китаем; данное название дано по цвету воды в маньчжурском языке usuri bira: *Местные китайцы реку также называют Усули-цзян, то есть Большая река Уссури* [БСЭ-2, т. 44, с. 390; КВУК, 1914, с. 78;];

2) река Тюмень-ула, 图们江 [tú mén jiāng]; река, протекающая на границе Кореи с Китаем и Россией; изначальное название восходит к маньчжурскому, монгольскому и тюркскому словам *тумэнь, тумэн, тюмен* со значением ‘десять тысяч’, то есть войско из 10 тысяч человек и территория, на которой собирается это войско; вторая часть вариативна, она имеет значение ‘река’ в разных языках: маньчжурском – *ула*, корейском – *ган*, китайском – *цзян*: *В начале X века кидани силой оружия уничтожили корейское влияние над Бохаем, и с 912 года владения Бохая простираются от реки Тюмень-Улы к югу до порта Лазарева и к северу узкою полосой по берегу моря до озера Ханка и до реки Сучана* [КВУК, 1914, с. 53; ГНР, 2008, с. 448; 张佳生, 2011, с. 241; 完颜雯洁, 2011, с. 54; БСЭ-2, т. 43, с. 382];

3) река Улахэ, 浯刺河 [wú là hé]; правый приток реки Уссури в

Чугуевском районе Приморского края; китайские источники начала XVIII века именуют эту реку как Нэнтухэ; этот гидроним происходит из маньчжурского языка и означает ‘река’: *К некоторым из этих названий китайцы прибавили свою частицу, например Ула-хэ, ула по-маньчжурски означает нарицательное река, хэ – тоже означает реку по-китайски, и получалось в переводе что-то странное: река-река* [КВУК, 1914, с. 78; СКТТС, 1975, с. 26; 黄锡惠, 1989, с. 63];

4) река Майхэ, 蚂蚁河 [mǎ yǐ hé], она берёт свое начало на западных склонах хребта Чжангуанцайлинь, протекает через уезды Шанчжи, Яньшоу, Фанчжэн и впадает в реку Сунгари в районе уезда Тунхэ; её название происходит из маньчжурского языка и означает ‘локоть’: *Особенно их много по реке Иману, в горах, отделяющих бассейн Улахэ от реки Даубихэ и отделяющих эти реки от южного района (Сучан, Майхэ и Судзухэ), в верховьях реки Лефу и в истоках рек Ольгинского и Заольгинского станов* [КВУК, 1914, с. 117; 黄锡惠, 1991, с. 74–75];

5) река Мурень, 穆棱河 [mù líng hé]; гидроним Мурень образован путём транскрипции маньчжурского слова мулин, обозначающего ‘лошадь’, данный регион славился коневодством; возможно, в маньчжурском языке термин может употребляться и по отношению к другим копытным животным (о реке Даубихэ см. ниже): *О распространении этого животного за районом своего исследования Маак сообщает следующие сведения: Китайцы говорили мне, что лань встречается весьма часто около города Гирина и г. Нингуты, а также в области реки Суифуна, откуда переходит на рр. Мурень и Даубихэ* [СКТТС, 1975, с. 44, с. 72; КВУК, 1914, с. 29; 黄锡惠, 1991, с. 96];

6) река Мудацзян, 牡丹江 [mǔ dān jiāng], река на северо-востоке Китая, правый приток реки Сунгари; название данной реки возникает в маньчжурском языке от слова mudan и обозначает ‘изогнутая река’, что связано с извилистой формой русла: *Отсюда мы видим, что император Дай-цзу при завоевании земель Воцзи, выселил иче-маньчжур не из*

Уссурийского края, а с реки Хурхи, то есть с реки **Мудацзяна** [КВУК, 1914, с. 56; 王岸英, с. 55; 黄锡惠, 1996, с. 74; БСЭ-2, т. 28, с. 490];

7) река Сунгари, 松花江 [sōng huā jiāng], река на северо-востоке Китая, правый приток Амура; название возникло в тунгусо-маньчжурских языках и обозначает ‘молочная’ по мутному цвету воды и ‘небесная’: *В области реки Сунгари действительно мы находим небольшое маньчжурское племя* [КВУК, 1914, с. 55; КТС, 1966, с. 399; 黄锡惠, 1987, с. 85; БСЭ-2, т. 41, с. 287];

8) река Суйфун, 绥芬河 [suí fēn hé], река в Надеждинском районе Приморского края, впадающая в Амурский залив; название этой реки возникло в маньчжурском языке и обозначается ‘шило’: *Первые оперируют в прибрежном районе в заливе Петра Великого, в Посъетском участке, по реке Суйфуну, по всей долине реки Уссури и около железной дороги* [КВУК, 1914, с. 195; СКТТС, 1975, с. 99; 张佳生, 2011, с. 298; 于龙, 2011, с. 45];

9) река Сандагоу, 三达沟 [sān dá gōu], ‘третий, достижение, долина, канал’, правый приток реки Улахэ в Чугуевском районе Приморского края: *С правой стороны в неё впадает много речек: Янмутъхоуза, Тудагоу, Эрлдагоу, Сандагоу, Сыдагоу. Затем дальше идут Фудзин и Нотохе, о которой говорилось выше* [АВДУК, 1928, с. 53; СКТТС, 1975, с. 81; 王维国, 2011, с. 118, 249];

10) река Ушагоу, 乌沙沟 [wū shā gōu], 瑚布图河 [hú bù tú hé] ‘чёрный, песок, долина’; название этой реки возникает в маньчжурском языке и обозначает ‘река, текущая россыпным золотом’; в китайском гидрониме происходит переосмысление отдельных частей слова; правый приток реки Суйфуна в Пограничном и Уссурийском районах Приморского края: *Из путей, идущих по притокам рек Тадушу, есть три: 1) По реке Ушагоу довольно торная тропа* [АКВГ, 1921, с. 72; СКТТС, 1975, с. 122; 王维国, 2011, с. 610, 749; 张太湘, 1979, с. 78];

11) река Нанца, 南岔河 [nán chà hé] ‘юг, ответвление’, левый приток

реки Амур в Красноармейском районе Приморского края; река Бейца, 北岔河 [bèi chà hé] ‘север, ответвление’, правый приток реки Колумба в Красноармейском районе Приморского края: *Километрах в двадцати пяти от Сихотэ-Алиня **Нанца** сливается с рекой **Бейцой**, текущей с севера* [ВДУК, 1928, с. 163; СКТТС, 1975, с. 37, 73; 王维国, 2011, с. 26, 65, 507];

12) река Даубихэ, 刀毕河 [dāo bì hé] ‘нож, окончить, река’, крупный левый исток реки Уссури в Приморском крае; гироним происходит из маньчжурского языка от слова *daubi* и означает ‘лисья река’: *Жемчуг добывается в Уссурийском крае по рекам Викину, Иману, Баку, Ното, Даубихэ, Улахэ, Фудину и в Маньчжурии по рекам Муреню, Нору, Мудадзяну и Сунгари»* [КВУК, 1914, с. 146; СКТТС, 1975, с. 44; 王维国, 2011, с. 32, 135; 黄锡惠, 1995, с. 105];

13) река Хунчунхэ, 琿春河 [hún chūn hé], название данной реки возникло в маньчжурском языке и обозначается ‘пограничная река’; левый приток реки Тюмень-ула в провинции Цзилинь (Гирин): *Западная граница этого района проходит по хребту Лао-сун-линь, отделяющему бассейн реки Хунчунхэ от рек, несущих свои воды в море* [КВУК, 1914, с. 8; БСЭ-2, т. 46, с. 415; 黄锡惠, 1992, с. 83].

Астионимы и хоронимы

Целями экспедиции В. К. Арсеньева было не только изучение природы и географии Дальнего Востока и Маньчжурии, но и проведение этнографических исследований в данных регионах. В процессе сбора материалов учёный сталкивался с информацией о состоянии торговых связей в Маньчжурии, об истории переселения на Дальний Восток и в Маньчжурию из других регионов России и Китая и др. Поэтому в произведениях В. К. Арсеньева упоминаются астионимы и хоронимы, которые помогают понять состояние развития городов Дальнего Востока и Маньчжурии, об их связях с другими регионами:

1) Харбин, 哈尔滨 [hā ěr bīn]; город на северо-востоке Китая,

административный центр провинции Хэйлунцзян; этимология названия данного города имеет два варианта: маньчжурский и чжурчжэньский, в первом случае оно происходит от слова со значением ‘рыболовная сеть’, во втором случае – ‘слава’: *На севере от Сумо находился Бодо – это нынешний район Харбина* [КВУК, 1914, с. 43; БСЭ-2, т. 46, с. 71; 孙中岩, 2010, с. 59];

2) Нингута, 宁古塔 [níng gǔ tǎ]; ныне Нинъань, кит. 宁安 [níng ān] — город на северо-востоке Китая, в южной части провинции Хэйлунцзян, его название происходит из маньчжурского языка: раньше в этом регионе проживало 6 маньчжурских семей, отсюда и такое название;

3) Сансин, 三姓 [sān xìng]; ныне Илань, кит. 依兰 [yī lán], город на северо-востоке Китая, в провинции Хэйлунцзян, расположен у впадения реки Муданьцзян в реку Сунгари; второе название этого города происходит от маньчжурского словосочетания ilan hala, которое означает, что в этом регионе проживали люди с тремя фамилиями: *Подвластны они им, собственно, не были, но, приезжая в Нингуту, приносили маньчжуро-китайскому начальству определенную дань мехами, чтобы через то получить право торговли, как это делали ольчи и гильяки в Сан-Син* [КВУК, 1914, с. 58; БСЭ-2, т. 17, с. 529, БСЭ-2, т. 30, с. 24; 王岸英, 2007, с. 120];

4) Айгунь, 瑯珺 [làng jūn]; город на северо-востоке Китая на реке Амуре, близ русской границы: *После занятия Сахалина, Айгуна и прилегающих к ним окрестностей русскими войсками китайские переселенцы двинулись к юго-западу и расположились между Цицикаром и Бодунэ* [КВУК, 1914, с. 62; БСЭ-2, т. 1, с. 553];

5) Гирин, 吉林 [jí lín]; город на северо-востоке Китая, административный центр провинции Гирин (Цзилинь), название этого города происходит из маньчжурского словосочетания girin ula и означает ‘город на берегу реки Сунгари’; провинция Гирин 吉林省 [jí lín shěng] находится на северо-востоке Китая, на востоке она граничит с Россией и Кореей: *Города Нингута и Гирин, лежащие в самом центре Сунгарийского края, а еще более*

находящийся уже за пределами собственно Маньчжурии, на Амуре, город Айгун издавна упоминаются как места ссылки; Клан Сумо граничил с государством Гао-ли. Это в нынешней **Гиринской провинции** в вершине р. Сунгари [КВУК, 1914, с. 53, с. 67; БСЭ-2, т. 11, с. 427; 林岩, 2013, с. 45];

6) Цицикар, 齐齐哈尔 [qí qí hā ěr]; город на северо-востоке Китая в провинции Хэйлунцзян; Хулань, 呼兰 [hū lán]; город на северо-востоке Китая, в той же провинции; названия этих двух городов происходят из маньчжурского языка и означают ‘пограничье, пастбище’ и ‘труба’ соответственно: *Палладий называет в числе ссылочных мест Хулань, на реке того же имени, Хулунь-Буир и особенно Цицикар, куда высылаются наибольшее число преступников, и притом самых тяжких* [КВУК, 1914, с. 68; БСЭ-2, т. 46, с. 410, с. 664; 孙中岩, 2010, с. 59];

7) Хунчун, 珲春 [hún chūn]; город на северо-востоке Китая, в провинции Гирин (Цзилинь), расположен на реке Хуньчуньхэ близ китайско-корейской границы; название этого города происходит из маньчжурского языка и означает ‘протока’ и ‘пограничье’: *Колонизация Приамурья шла не только сухопутным путем со стороны Сунгари, но и морским путем со стороны Хунчуна* [КВУК, 1914, с. 72; БСЭ-2, т. 46, с. 415; 黄锡惠, 1985, с. 61];

8) Чифу, 芝罘 [zhī fú]; ныне Яньтай, 烟台 [yān tái], город в Китае в провинции Шаньдун, расположен недалеко от острова Чифу, отсюда и название; Циндао 青岛 [qīng dǎo], город в Китае в провинции Шаньдун, расположен в южной части полуострова Шаньдун: *Во главе дела тогда стояли крупные торговые фирмы из ближайших их портов Китая Чифу и Циндао* [КВУК, 1914, с. 73; БСЭ-2, т. 46, с. 622, БСЭ-2, т. 47, с. 413; 邓云, 2009, с. 90];

9) Маньчжурия, 满洲里 [mǎn zhōu lǐ]; историческое географическое наименование северо-восточной части Китая: *Города Нингута и Гирин, лежащие в самом центре Сунгарийского края, а еще более находящийся уже*

за пределами собственно *Маньчжурии*, на Амуре, город Айгун издавна упоминаются как места ссылки [КВУК, 1914, с. 67; БСЭ-2, т. 26, с. 240];

10) Шаньдун, 山东 [shān dōng]; провинция в Китае, занимает полуостров Шаньдун и часть Северо-Китайской равнины: *Много позднее, в шестидесятых годах, в Уссурийском крае появляются китайцы – выходцы из Шаньдуна, чем и можно объяснить такое смешение в наречии тазов* [КВУК, 1914, с. 106; БСЭ-2, т. 47, с. 520];

11) Куанченцзы, 宽城子 [kuān chéng zi]; ныне Чанчунь, 长春 [cháng chūn], город на северо-востоке Китая, административный центр провинции Цзилинь (Гирин): *В эти же годы в Амурскую область через Цицикар китайцев из Харбина и Куанченцзы 70902 человека* [КВУК, 1914, с. 88; БСЭ-2, т. 47, с. 40; 宁凝, 2002, с. 52–53].

Хрононимы и названия исторических государств

Хрононим – собственное имя исторически значимого этапа, отрезка времени [Подольская, 1988, с. 162]. В Китае восприятие истории государства характеризуется распределением ее по эпохам или династиям. Названия одних периодов истории являются полноценными хрононимами: *Эпоха борющихся царств, Троецарствие* и др., а другие – антропонимами, использующимися вместе со словами *династия, империя* и др. в качестве хрононимов [Цзян Синьхао, 2025, с. 46–47]. В связи с проведением экспедиций в Маньчжурии и сбором соответствующих материалов в данном регионе в произведениях В. К. Арсеньева упоминаются многие хрононимы и исторические названия государств. В Маньчжурии обитали многие племена, которые с X по XVII век взаимодействовали с разными китайскими династиями и историческими государствами, что отражало специфику ономастикона:

1) династия Тан (618–907), кит. 唐朝 [táng cháo] – китайская императорская династия; её основателем является крупнейший шаньсийский феодал, военный губернатор при династии Суй Ли Юань, 李渊 [lǐ yuān]

(566–635), его сыну Ли Шимину, 李世民 [lǐ shì mǐn] (598–649), удалось завершить объединение всей страны после войны с военно-феодальными группами: *В Китае опиум известен со времен Танской династии (618–907), куда он был впервые завезен арабами в качестве снотворного средства* [КВУК, 1914, с. 174; БСЭ-2, т. 41, с. 584];

2) Бохайское царство (698–926), 渤海国 [bó hǎi guó] – местное самоуправление, образованное племенем сумо в период правления У Цзэтянь, 武则天 [wǔ zé tiān] (624–705) династии Тан, просуществовавшее до первой четверти X века; территория Бохайского царства включала Приморье и примыкающие к нему юго-восток Маньчжурии и Северную Корею: *В половине VII века в восточной Маньчжурии и на берегах Великого Океана, в том числе и в Южно-Уссурийском крае, возникает культурное царство Бохай под корейским влиянием* [КВУК, 1914, с. 53; БСЭ-2, т. 6, с. 7; 都兴智, 2008, с. 113];

3) государство Гаоли / Когурё (37 г. до н. э. – 668 г.), 高句丽 [gāo gǒu lí]; это древнее царство возникло на северо-востоке Китая; в течение 425 лет, до переноса столицы в Пхеньян в 427 году, город Цзянь, 集安 [jí ān], служил его столицей, здесь сохранилось большое количество объектов культурного наследия, что оказало значительное влияние на весь северо-восток Китая и большую часть Корейского полуострова: *Клан Сумо граничил с государством Гао-ли* [КВУК, 1914, с. 53; 魏存成, 2004, с. 29–31];

4) династия Ляо (916–1125), 辽朝 [liáo cháo] – государство киданей, образовавшееся в X веке на территории современного северо-востока Китая и Монголии; династия Цзинь (1115–1234), 金朝 [jīn cháo] – государство и династия в 1115–1234 гг. чжурчжэней на севере и северо-востоке Китая; династия Цзинь была основана вождем племен чжурчжэней Агудой, она находилась в вассальной зависимости от китайской династии Ляо: *Одновременно с тем царство Ляо силой оружия маньчжурских племен чжурчжэней распалось, и на его землях возникла Маньчжурская Империя*

«Цзинь» (Золотая), с границами почти до Амура [КВУК, 1914, с. 53–54; БСЭ-2, т. 25, с. 580, БСЭ-2, т. 46, с. 589];

5) династия Цин (1636–1912), 清朝 [qīng cháo] – последняя династия в истории Китая, основанная маньчжурами; в 1644 году в связи с падением династии Мин и крестьянским восстанием, руководимым Ли Цзычэном, маньчжуры захватили столицу и установили свою власть; в последние десятилетия династия Цин постепенно способствовала процессу объединения всей страны: *Да-цинской династии, 3 числа 12 месяцев 24 года правления императора Гуан-сюй* [КВУК, 1914, с. 214; БСЭ-2, т. 46, с. 621].

В произведениях В. К. Арсеньева, кроме этих названий династий и исторических государств, еще встречаются некоторые девизы правления – няньхао, 年号 [nián hào], этот термин определяется так: «Няньхао – это система датирования, введенная императором У-ди из династии Западная Хань (156–87 гг. до н. э.), и с тех пор каждый новый император Китая в начале своего правления давал своему правлению». Эта система летоисчисления по девизам правления оказала значительное влияние на государства Восточной Азии, причём Япония сохраняет эту систему до нынешнего дня. Большинство из них состоит из двух иероглифов, а иногда – из трех или четырех иероглифов. Такой девиз правления впоследствии стало антропонимом, но при жизни императора называть его девизом правления считалось недопустимым, а после его смерти девиз используется вместе со титулом император в качестве хрононимов в истории. В процессе 2000-летней истории китайской монархии количество няньхао составило около 900 [辛德勇, 2021, с. 108].

В произведениях В. К. Арсеньева упоминаются следующие девизы правления императоров, которые отражают состояние развития и контакты между Россией и Китаем на Дальнем Востоке:

1) Канси, 康熙 [kāng xī] ‘процветающее, лучезарное и мирное’ – девиз правления четвертого императора династии Цин Айсингёро Сюань, 爱新觉

罗 玄焯 [àì xīn jué luó xuán yuè]: *Была надежда на иезуитов-миссионеров, посетивших в начале XVII столетия Приамурский край по приказанию императора Кан-Си, что у них найдутся сведения об Уссурийском крае более подробные;*

2) Даогуан, 道光 [dào guāng] ‘целенаправленное, блестящее’ – девиз правления восьмого маньчжурского императора династии Цин Айсиньгёро Мяньнин, 爱新觉罗旻宁 [ài xīn jué luó mín níng]: *По Хюку, напротив, до императора Даогуана китайцам запрещено было переселяться в Сунгарийский край и особенно возделывать там землю;*

3) Гуансюй, 光绪 [guāng xù] ‘славная преемственность’ – девиз правления предпоследнего императора династии Цин Айсиньгёро Цзайтянь, 爱新觉罗载湉 [ài xīn jué luó zǎi tián]: *Да-цинская династия, 19 числа 10 месяца 21 года правления императора Гуансюй [КВУК, 1914, с. 61, 65, 214; 朱东根, 2011, с. 75–77; 李嗣, 1998, с. 40; Вэн Цзятун, 2024, с. 111–112; 冯天瑜, 2016, с. 27–29; Ткачёва, 2019, с. 298–300].*

Варваризмы

Варваризм – иноязычное слово или выражение, построенное по образу другого языка, воспринимаемые как чуждые для родной речи [БАС-3, т. 2, с. 325]. «Обычно варваризмы используются при описании чужеземных обычаев, быта, нравов, для создания местного колорита» [РТС, с. 44–45]. На взгляд И. Г. Добродомова, признаки варваризма заключаются в следующем: 1) иностранное происхождение; 2) более или менее регулярное использование, обычно в качестве модного слова [Добродомов, 1998, с. 158].

Являясь одним из результатов межъязыкового взаимодействия и межнациональных контактов, варваризм выступает в качестве яркого свидетеля этих контактов. Варваризмы китайского происхождения в произведениях В. К. Арсеньева помогают передать местный колорит и особенности событий того времени:

1) хай-янь, 海沿 [hǎi yán] ‘море / морской, берег / побережье’: *Земли,*

лежащие к востоку от главного водораздела, то есть прибрежный район Зауссурийского края, китайцы называют **Хай-янь**, что значит «Морское побережье» [КВУК, 1914, с. 78; 王维国, 2011, с. 273, 840];

2) яза ‘утка’, 鸭子 [yā zi] ‘утка’: Мы как-то шли вдвоем с Чжан Бао по берегу реки и о чем-то разговаривали. Вдруг он остановился и сказал: **яза** (т. е. утка) [АВГСА, 1937, с. 175; 王维国, 2011, с. 835];

3) да-янь, 大烟 [dà yān] ‘опиум’: Свеже-собранный маковый сок тогда ценился 5-6 рублей фунт, а вареный т. е. готовый опиум **Да-янь** от 1 р. до 1 р. 20 к. золотник [АКВГ, 1921, с. 178; 王维国, 2011, с. 125];

4) ян-чжень, 洋人 [yáng rén] ‘иностранный, человек’: Имею честь представить на Ваше усмотрение нижеследующее: во этом месяце 3 числа со стороны моря вдруг пришли **иностранцы (ян-чжень)**, пять человек, и остановились в доме Ли-тан-куя [КВУК, 1914, с. 204; 王维国, 2011, с. 595, 847];

5) да-фын ‘тайфун’, 大风 [dà fēng] ‘сильный ветер’: На обратном пути мы разговорились о страшных бурях на море, которые северные китайцы называют «**Да-фын**», а южные – «**Тайфун**» [АВГСА, 1937, с. 125; 王维国, 2011, с. 122];

6) е-мао-цза, 夜猫子 [yè māo zi] ‘вечерний / ночной, кошка’: Чжан Бао остановился и посмотрел на меня с таким видом, как-будто говорил: что за неприятный сюрприз! – В чем дело? – я спросил его. – **Е-мао-цза** (т. е. **ночная кошка**). – ответил он с досадой» [АВГСА, 1937, с. 156; 王维国, 2011, с. 475, 857].

От варваризмов отличаются экзотизмы. Отличия между ними заключаются в семантике и переводимости: варваризмы могут быть переведены на русский язык, переданы средствами русской лексики, а экзотизмы отражают китайские реалии и в тексте могут быть только дополнительно объяснены [Вэн Цзятун, 2023, с. 84].

Экзотизмы

Экзотизм – лексическая единица, заимствованная из иностранных языков для обозначения уникальных реалий иной культуры. Она обладает яркой национальной окраской и не имеет точных эквивалентов в принимающем языке. Этот термин охватывает слова, отражающие специфику материальной и духовной жизни других народов (быт, одежду, обычаи, природу и т. д.), и служат для придания речи инокультурного колорита. Этот термин впервые был употреблен в лингвистике в 1937 году Л. А. Булаховским в целях описания особенностей употребления кавказских заимствований в художественных текстах. Его значение и функционирование может быть размытым, и их понимание определяет контекст [Ряжских, 2016, с. 102; Хужанова, 2020, с. 218; Воронкова, 2006, с. 78]. В произведениях В. К. Арсеньева встречаются большое количество экзотизмов, особенно в труде «Китайцы в Уссурийском крае», с их помощью описывается повседневная жизнь китайцев в регионе, отражается культурный колорит, традиции, быт и занятия китайских поселенцев в Приамурье.

Экзотизмы, отражающая повседневную жизнь людей на Дальнем Востоке:

1) кан, 炕 [kàng]; в деревенских домах китайцев и корейцев – расположенный вдоль стены невысокий каменный или глиняный выступ, используемый как лежанка, под которым проходят печные трубы [БАС-3, т. 7, с. 596]: *Китайцы его накормят, предложат табаку, дадут место на кане, уложат спать, утром вновь накормят и еще дадут продовольствия на дорогу по расчету до следующей фанзы* [КВУК, 1914, с. 94];

2) фанза, 房子 [fáng zi]; в Китае, Корее и некоторых других странах: каменное или саманное жилище (преимущественно в сельской местности) на каркасе из деревянных столбов [БТС, 2000, с. 1416]: *Обыкновенно они живут по несколько человек вместе в одной фанзе* [КВУК, 1914, с. 90];

3) даба, 大布 [dà bù]; китайская бумажная ткань (преимущественно

синего цвета) [БАС-3, т. 4, с. 477]: *После этого Дерсу стал бросать в костер листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские улы, коробок спичек и, наконец, – пустую бутылку* [АДУ, 1928, с. 38];

4) куай-цзы, 筷子 [kuài zi] ‘палочки для еды’ [王维国, 2011, с. 415]: *Тут же лежат позолоченные палочки для еды (куай-цзы), вареный рис, чумиза, кусочек сахара и т. п.* [КВУК, 1914, с. 96];

5) мань-тоу, 馒头 [mán tóu] ‘китайские пампушки на пару’ [王维国, 2011, с. 472]: *Хлеб китайцы пекут пресный (мань-тоу)* [КВУК, 1914, с. 103];

6) сянь-цай, 咸菜 [xián cài] ‘соленые овощи’ [王维国, 2011, с. 775]: *Другим весьма распространенным их блюдом будет чумизная каша в жидком и сухом виде, приправленная квашеными солеными овощами (сянь-цай)* [王维国, 2011, с. 775];

7) цзянь-цзюнь, 将军 [jiāng jūn] ‘генерал, генералитет’ [王维国, 2011, с. 347]: *С этого приблизительно времени или немного позже дальнейшая колонизация вглубь Монголии происходит уже не путем взятия в аренду земель у монголов отдельными переселенцами, а путем покупки земли при посредстве китайского правительства, через цзицикарского цзянь-цзюня* [КВУК, 1914, с. 62].

Экзотизмы, отражающие состояние промышленности того времени:

1) жемчуг, 珍珠 [zhēn zhū] – драгоценное перламутровое вещество в форме зерен белого, желтоватого, розоватого цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков [БТС, 2000, с. 302]: **Жемчуг добывается в Уссурийском крае по рекам Бикину, Иману, Баку, Ното, Даубихэ, Улахэ, Фудину и в Маньчжурии по рекам Муреню, Нору, Муданцзяну и Сунгари** [КВУК, 1914, с. 146];

2) женьшень, 人參 [rén shēn] – дальневосточное многолетнее травянистое растение семейства аралиевых корень, которого используется в

медицине [张建华, 2021, с. 432]: *Женьшень* относится к семейству *Araliaceae*, растет отчасти в северной Корее и в восточной Маньчжурии, но главным образом в южно-Уссурийском крае, в таких местах, где давно не было лесных пожаров [КВУК, 1914, с. 153];

3) шаоцзю, 烧酒 [shāo jiǔ] – китайская неочищенная водка из хлеба (чумизы, гаоляна и др.) желтого цвета, очень крепкая, с сильным сивушным запахом, другое название – ханшин [БАС-1, т. 17, с. 30]: *Китайская водка (шао-цзю)*, называемая русскими *ханшином*, чрезвычайно распространена в Уссурийском крае [КВУК, 1914, с. 165];

4) цзю-ху, 酒壶 [jiǔ hú]; чайник, графин или кувшин для разогревания и подачи вина или водки [王维国, 2011, с. 381]: *Для нагревания водка вливается в небольшой медный сосудик (цзю-ху), который русские называют тиуху* [КВУК, 1914, с. 169];

5) мы-хуалу, 梅花鹿 [méi huā lù] ‘олень’ [王维国, 2011, с. 478, 460]: *Пятнистый олень встречается в истоках Уссури (Даубихэ и Улахэ) в Южно-Уссурийском крае и в прибрежном районе только до мыса Белкина. Китайцы различают два вида этих оленей: мы-хуалу и кый-хуалу»* [КВУК, 1914, с. 28];

6) лу-тай, 鹿胎 [lù tāi] ‘зародыш’ [王维国, 2011, с. 460, 667]: *Выпоротками (лу-тай) называются плоды стельных маток, употребляемые китайцами для изготовления лекарств* [КВУК, 1914, с. 141];

7) лу-и-ба, 鹿尾巴 [lù yǐ ba] ‘олень, хвост’ [王维国, 2011, с. 460, 738]: *Хвост (лу-и-ба) ценится как гастрономическое лакомство* [КВУК, 1914, с. 142];

8) лу-цзинь, 鹿筋 [lù jīn] ‘олень, сухожилие, жила’ [王维国, 2011, с. 366, 460]: *Жилы (лу-цзинь) берутся из задних ног изюбрей и оленей и вывозятся в Китай как пищевой продукт* [КВУК, 1914, с. 142];

9) хуан-чи, 黄芪 [huáng qí] ‘астрагал’ [Смирнова, 2013, с. 3]: *Корни Astragalus membranaceus (хуан-чи) выкапываются в июле и августе месяце*

из земли по долинам рек [КВУК, 1914, с. 146];

10) хай-шень, 海參 [hǎi shēn] ‘трепанг’ [王维国, 2011, с. 274]: *Трепанги (китайское название хай-шень) ловятся у берегов в закрытых бухтах и заливах, сообщающихся с морем* [КВУК, 1914, с. 147];

11) хай-цай, 海菜 [hǎi cài] ‘морской, овощи’ [王维国, 2011, с. 56, 273]: *Морская капуста (по-китайски хай-цай). Как и трепанги, эти слоевцовые водоросли в Китае выловлены совершенно* [КВУК, 1914, с. 148];

12) му-эр, 木耳 [mù ěr] ‘древесные гриб’ [王维国, 2011, с. 501]: *Древесные студенистые грибы из семейства Tremellinaceae (китайское название му-эр). В восьмидесяти годах грибным промыслом занимались девять фанз в Ханкайском округе, откуда вывозилось сухих грибов около 400 пудов ежегодно* [КВУК, 1914, с. 145].

Экзотизмы, отражающие религиозные и ритуальные практики:

1) шаман, 萨满 [sà mǎn]; ‘в некоторых языческих религиях народов Африки, Северной и Восточной Азии, Центральной Америки и Полинезии: служитель культа духов, вступающий в ритуальное общение с ними’ [БТС, 2000, с. 1489]: *Немного выше речки Гуньето можно видеть скалы Сигонку-Гуляни —излюбленное место удэхейских шаманов* [АДУ, 1928, с. 190];

2) фу, 福[fú] ‘счастье, благополучие’ [王维国, 2011, с. 214]: *Всюду на ящиках, на дверях, на стенах наклеены новогодние красные бумажки с иероглифами (фу), означающими Счастье* [КВУК, 1914, с. 99].

Таблица 1. Использование некоторых китаизмов В. К. Арсеньева в его произведениях

апеллятивы	китайское слово	частотность	источники
фанза	房子	78	АКВГ, 1921 г.
	[fáng zi]	68	АДУ, 1928 г.

		50	АВГСА, 1937 г.
		47	АВДУК, 1928 г.
		28	КВУК, 1914 г.
женьшень	人參 [rén shēn]	42	КВУК, 1914 г.
		15	АВДУК, 1928 г.
		14	АКВГ, 1921 г.
шаман	薩滿 [sà mǎn]	12	АСТ, 1955 г.
		10	АВГСА, 1937 г.
		6	АДУ, 1928 г.
шао-цзю	烧酒 [shāo jiǔ]	37	КВУК, 1914 г.
		5	АКВГ, 1921 г.
даба	大布 [dà bù]	2	КВУК, 1914 г.
ТОПОНИМЫ	КИТАЙСКОЕ НАЗВАНИЕ	ЧАСТОТНОСТЬ	ИСТОЧНИКИ
река Даубихэ	刀毕河 [dāo bì hé]	17	АКВГ, 1921 г.
		16	КВУК, 1914 г.
		10	АВДУК, 1928 г.
		4	АДУ, 1928 г.
река Улахэ	浯刺河 [wú là hé]	30	АВДУК, 1928 г.
		14	АКВГ, 1921 г.
		12	КВУК, 1914 г.

		5	КВУК, 1914 г.
гора Чанбошань	长白山 [cháng bái shān]	2	КВУК, 1914 г.
город Чифу	芝罘 [zhī fú]	8	КВУК, 1914 г.
		3	АКВГ, 1921 г.
город Нингута	宁古塔 [níng gǔ tǎ]	5	КВУК, 1914 г.
		2	АВДУК, 1928 г.
город Хунчун	琿春 [hún chūn]	6	КВУК, 1914 г.
		1	АВДУК, 1928 г.
антропонимы	китайское имя	частотность	источники
Чжан Цзолинъ	张作霖 [zhāng zuò lín]	2	КВУК, 1914 г.
названия исторических государств	китайское название	частотность	источник
государство Бохай	渤海国 [bó hǎi guó]	6	КВУК, 1914 г.

Все эти типы китаизмов – антропонимы, оронимы, гидронимы, астионимы, хрононимы, варваризмы, экзотизмы и др., встречающиеся в художественных текстах В. К. Арсеньева, свидетельствуют о жизни Дальнего Востока и Маньчжурии того времени, о лингвокультурном взаимодействии народов на фронтальной территории. Отметим ещё раз, что в произведениях В. К. Арсеньева большинство китаизмов написано через дефис, что соответствует прежним правилам записи. В произведениях писателя используются некоторые устаревшие китайские названия географических

объектов.

2.3. Русская ономастическая лексика в текстах В. К. Арсеньева

Помимо китайских имён собственных, в произведениях В. К. Арсеньева встречаются русские онимы, большинство из них восходят к местным языкам, но получили распространение в русском языке, поэтому мы их условно называем русскими (в отличие от китайских, рассмотренных выше). Они наглядно рисуют картину точной географической локализации объектов, в которых происходят события, описываемые в текстах В. К. Арсеньева. Поэтому мы считаем, что они входят в характеристику фронта, позволяют увидеть его реперные точки и понять причины включения этих имён собственных в художественный и научный текст, что заставляет провести их анализ в данном исследовании.

Гидронимы

Вся фронтальная территория существует по обоим берегам Амура. По ней протекают его притоки и другие реки. С восточной стороны Дальний Восток омывается морями Тихого океана. При помощи гидронимов в текстах отражаются речная система Дальнего Востока и прилегающих морей, состояние сообщения в приречном и приморском регионах, роль рек в жизни местного населения. Гидронимы отмечают маршруты географических экспедиции В. К. Арсеньева. В восьми произведениях В. К. Арсеньева гидронимы упоминаются 487 раз:

1) главным из них является название реки Амур, этот гидроним является самым частотным в его произведениях, он встречается 224 раза; река образуется слиянием рек Шилки и Аргуни, впадает в Татарский пролив, расположенный между материком и островом Сахалин и соединяющий Японское и Охотское моря [БСЭ-2, т. 2, с. 307; БСЭ-2, т. 20, с. 611]; три гидронима имеют разное происхождение: *Амур* – от тунгусо-маньчжурской основы *амар*, *дамур* ‘большая река’, *Шилка* – от эвенкийского ‘узкая долина’, *Аргунь* – от монгольского *ергунь* ‘широкий’ [ПГН]; по среднему течению Амура проходит государственная граница России с Китаем: *Вопрос о*

*географическом обследовании Уссурийского края в границах: **Нижний Амур** – озеро Кизи, Татарский пролив и река Хор был поднят еще в 1908 году [АСТ, 1955, с. 3; ГНР, 2008, с. 433];*

2) река Уссури – другой частотный гидроним в произведениях В. К. Арсеньева, он повторяется 165 раз (включая упомянутый выше китайский вариант *Усули-цзян*): эта река находится в Приморском крае, а от впадения реки Сунгачи протекает главным образом по границе Приморского и Хабаровского краёв России с Китаем [БСЭ-2, т. 44, с. 390; 黄锡惠, 1994, с. 107]: *Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит, от бухты Терней к северу, сколь ко позволят время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури* [АДУ, 1928, с. 13];

3) Японское море – полузамкнутое море Тихого океана, расположенное между Европейско-Азиатским материком на западе и островами Сахалин, Хоккайдо и Хонсю – на востоке; оно сообщается на севере проливами Невельского и Лаперуза с Охотским морем, на востоке – проливом Цугару с Тихим океаном, на юге – Корейским проливом с Восточно-Китайским морем [БСЭ-2, т. 49, с. 636], гидроним образован с помощью суффикса *-ск-* от названия страны *Япония*: *Восточной и южной границей Уссурийского края будет Японское море* [КВУК, 1914, с. 12];

4) озеро Ханка находится в Приморском крае России на границе с Китаем [БСЭ-2, т. 46, с. 55]: *Озеро Ханка имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено, таким образом, что закруглённый овал его находится на севере, а острый конец – на юге. С боков этот овал немного сжат* [ВДУК, 1928, с. 26];

5) река Хунгари находится в Хабаровском крае, правый приток Амура [БСЭ-2, т. 46, с. 413]: *Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, лещины и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари, через среднее течение Анюя, верхнее — Хора и истоки Бикина, а оттуда идёт через*

Сихотэ-Алинь на север к мысу Успения. Одиночные кабаны попадают и на реках Копи, Хади и Тумнин [ВДУК, 1928, с. 15];

6) река Самарга протекает в Приморском крае России, впадает в Японское море у южного конца Татарского пролива [БСЭ-2, т. 37, с. 646]: *На правой стороне реки **Самарги**, прямо с того места, где мы ночевали, начинались горы, спускавшиеся к реке отвесными скалами [АВВТ, 1996, с. 45];*

7) река Анадырь находится на крайнем северо-востоке Сибири в пределах Чукотского национального округа Хабаровского края [БСЭ-2, т. 2, с. 323]: *В этих местах главными центрами местообитания великороссов будут административные пункты: Охотск, Гижига, Большерецк и Петропавловск, Усть-Камчатск и селение Мариинское при устье реки **Анадыря** [БХНДК, 1928, с. 3];*

8) реки Хор и Сукпай протекают в Хабаровском крае России, первая является правым притоком Усури, а вторая – левый приток Хора [БСЭ-2, т. 46, с. 312; СНГО, с. 350]: *Самым большим притоком **Хора** считается река **Сукпай** [АВГСА, 1937, с. 210];*

10) залив Петра Великого находится в Приморском крае, часть Японского моря у берегов России [ГНР, 2008, с. 348]: *Китайский каботаж в Усурийском крае особенно развит в заливе **Петра Великого** (в районе Посьет и зал. Америка) [КВУК, 1914, с. 235].*

Оронимы

В ходе географических экспедиций В. К. Арсеньева по Дальнему Востоку он отмечал в своих записях названия гор, которые являются важными ориентирами в пространстве. Эти названия гор на разных языках, включая русский, китайский, удэгейский и др., составляют полный комплекс горных систем на Дальнем Востоке и в Маньчжурии. Эти оронимы используются в тексте при описании экспедиционной ориентации:

1) хребет Сихотэ-Алиня – горная страна на крайнем юго-востоке материковой части России, его длина 1200 км, состоит из 10 гор высотой от

1757 до 2090 м над уровнем моря, название восходит к нанайскому языку от слов *сихтэ*, *сиктэ* ‘хвоя, ель’ и *алин* ‘горный хребет’ [БСЭ-2, т. 39, с. 190; МГН]: *Сознание, что мы перешли Сихотэ-Алинь и теперь спускались по воде, бегущей к морю, радовало моих спутников* [АВГСА, 1937, с. 75];

2) гора Хунтами в Тернейском районе Приморского края [СКТТС, 1975, с. 131]: *Утром Н. А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось* [АДУ, 1928, с. 41];

3) Большой Хинган – горный хребет на северо-востоке Китая, расположен главным образом в автономном районе Внутренняя Монголия [БСЭ-2, т. 46, с. 181]: *Мы медленно поднимаемся, следуя вдоль западного склона горной цепи Большого Хингана* [КВУК, 1914, с. 280];

4) Малый Хинган – горы на северо-востоке Китая, расположены между рекой Амур на северо-востоке, Маньчжурской равниной на юго-западе, долиной реки Нонни на северо-западе и долиной реки Сунгари на юго-востоке [БСЭ-2, т. 46, с. 181]: *Вторая – Средняя Амурская равнина, идущая от Малого Хингана, захватывает устья Сунгари, Уссури и Тунгуски и кончается на восток от Хабаровска* [КВУК, 1914, с. 333];

5) Туранские горы – горный хребет в Хабаровском крае и в Амурской области России, является водоразделом бассейнов Буреи и Зеи [БСЭ-2, т. 43, с. 417]: *Между реками Зеей и Буреей находятся Туранские горы, а дальше на восток — Буреинские, которые являются скорее всего продолжением Малого Хингана* [КВУК, 1914, с. 332];

6) Становой хребет – горная система, тянущаяся от среднего течения реки Олекмы до истоков реки Май, где переходит в хребет Джугджур [БСЭ-2, т. 40, с. 487]: *Поярков поднялся из Якутска по реке Алдану, Учур и Гонаму и, перевалив через Становой хребет* [АВГСА, 1937, с. 6];

7) Яблоновый хребет – горный хребет в Забайкалье, в Бурятии, Читинской и Амурской областях России [БСЭ-2, т. 49, с. 433]: *Вдоль границы на север тянется Становой или Яблоновый хребет, образуя водораздел между Амуром и Леной* [КВУК, 1914, с. 332].

Хоронимы и астионимы

В процессе проведения экспедиций по Дальнему Востоку и Маньчжурии В. К. Арсеньев обращал внимание не только на состояние природы и физико-географические объекты, но и на жизнь населения, населённые пункты и другие экономико-географические объекты, поэтому астионимы и хоронимы часто упоминаются в его текстах:

1) Уссурийский край – традиционное название юга российского Дальнего Востока [КВУК, 1914, с. 10], прилагательное образовано от гидронима *Уссури* с добавлением суффикса *-ск-* и интерфикса *-й-*: *Если подняться на гольцы Сихотэ-Алиня, чудная панорама и в то же время поразительно однообразная картина открывается взору наблюдателя: Уссурийский край – страна горная* [КВУК, 1914, с. 10];

2) Приморский край – крупная административно-территориальная единица в составе России, на севере граничит с Хабаровским краем, на западе и юго-западе – с Китайской Народной Республикой и Корейской Народно-Демократической Республикой, на востоке и юге омывается Японским морем [БСЭ-2, т. 34, с. 522]: *В Приморском крае сивучи встречаются по всему побережью Японского моря* [ВДУК, 1928, с. 144];

3) Приамурье – территория, лежащая в бассейне среднего и отчасти нижнего течения Амура в пределах Хабаровского края и Амурской области России [БСЭ-2, т. 34, с. 458]: *Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина реки Уссури с притоками и побережье моря до мыса Белкина* [ВДУК, 1928, с. 43];

4) Восточная Сибирь – часть азиатской территории России, расположенная к востоку от Енисея до водораздельных хребтов, идущих вдоль Тихого океана, и от окраинных морей Северного Ледовитого океана до государственных границ России с Монголией и отчасти с Китаем [БСЭ-2, т. 9, с. 203]: *Первые засельщики – великороссы – шли в Восточную Сибирь за свой страх и риск, но затем в начале 80-х годов прошлого столетия русское правительство вмешивается в это стихийное движение и*

начинает направлять колонистов на пароходах Добровольного флота морем через Владивосток [БХНДК, 1928, с. 3];

5) Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика – название Республики Саха (Якутия) в 1922–1990 годы, омывается на севере морями Лаптевых и Восточно-Сибирским, граничит на западе с Красноярским краем и Иркутской областью, на юге – с Иркутской, Читинской и Амурской областями, на востоке – с Хабаровским краем и Магаданской областью; Охотско-Камчатский край – общее название территории Охотской и Камчатской областей, возможно, на употребление словосочетания повлияло название книги известного российского исследователя природы и коренных народов Дальнего Востока Николая Васильевича Слюнина (1850–1926) [Слюнин, 1900]; Анадырский край – общее название Анадырского уезда, существовавшего в 1888–1926 годы [БСЭ-2, т. 49, с. 537, БСЭ-2, т. 19, с. 55]: *В северной части Забайкалья, в Амурской губернии, в частях, прилегающих к **Якутской Автономной республике**, и в особенности в обширном **Охотско-Камчатском** и **Анадырском** крае, вследствие своей малочисленности и подавляющего количества туземцев, они смешались с последними и утратили свои самобытные черты [БХНДК, 1928, с. 3];*

б) Владивосток – город, основанный в 1860 году как военный пост *Владивосток* на берегу бухты Золотой Рог, в 1880 году получил статус города, с 1888 года – центр Приморской области России; название образовано от слов *владеть* и *восток* по аналогии с основанным в 1784 году *Владикавказом*; расположен на южной оконечности полуострова Муравьев-Амурский по берегам бухты Золотой Рог и на берегу Амурского пролива, ныне центр Приморского края (с 1938 года): *Китайцы рассказывали, что олени сухожилия раз в год отправляют во **Владивосток**, а оттуда в Чифу [БСЭ-2, т. 8, с. 226; ВДУК, 1928, с. 146];*

7) Хабаровск – город, основанный 1 мая 1858 года как военный пост, получивший названий в честь русского землепроходца XVII века Ерофея

Павловича Хабарова, с 1880 года – город *Хабаровка*, с 1884 года – административный центр Приамурского генерал-губернаторства, в 1893 году официально назван Хабаровском, ныне центр Хабаровского края России; расположен на правом берегу Амура у впадения в него река Уссури [БСЭ-2, т. 46, с. 14]; в китайских источниках территория, где ныне расположен Хабаровск, носит название *Боли – 伯力: Город Хабаровск основан графом Муравьев-Амурским 31 мая 1858 на месте небольшой гольдской деревушки Бури* [АВГСА, 1937, с. 19];

8) Николаевск – город, основанный 1/13 августа 1850 года российским мореплавателем Геннадием Ивановичем Невельским (1813–1876) в устье Амура как военно-административное поселение Николаевский пост, 14 ноября 1856 года преобразован в город Николаевск, с 15 марта 1926 года носит название Николаевск-на-Амуре, ныне административный центр Николаевского района Хабаровского края [БСЭ-2, т. 30]: *Зафрахтованный торговой фирмой Чурин и компания, он с разными грузами шел из Владивостока в город Николаевск* [АВГСА, 1937, с. 128];

9) Якутск – город, основанный в 1632 году казаками под названием *Ленский острог*, но назывался также *Якутский острог* по хорониму Якутия, который восходит к экзониму *якут*, образованному от эвенкийского названия якутов *уако* (диалектные варианты: *уооо, ъооа, ъоока*), заимствованному русскими, которые образовали от него название территории, а затем и области; в 1708 году получил статус города; расположен на левом берегу реки Лены [БСЭ-2, т. 49, с. 536]: *Перезимовав у гиляков и вынудив у них помощь, Поярков сушей добрался до реки Май, впадающей в Алдан, и по этим рекам перебрался опять на Лену и вернулся в Якутск после нескольких лет отлучки* [КВУК, 1914, с. 310];

10) Иркутск – название города происходит от реки Иркут, вблизи которой в 1661 году возник Иркутский острог, с 1937 года – главный город Иркутской области, один из крупнейших экономических центров азиатской части России [БСЭ-2, т. 18, с. 441]: *Топограф прикомандировал их к своему*

отряду и по окончании работ на шхуне отбыл в пост Владивосток, а оттуда в Иркутск, где и подал рапорт обо всем случавшемся [АВГСА, 1937, с. 138];

11) Советская Гавань – город на берегу одноимённого залива в Татарском проливе Японского моря, в 1853 году экспедиция Г. И. Невельского заложила здесь военный пост и порт Императорская Гавань, в 1923 году город получил современное название [БСЭ-2, т. 39, с. 482]: *Пароход наш прибыл в Советскую гавань 4 июня. Поздно вечером мы высадились на берег, а на другой день получили свой багаж [АСТ, 1955, с. 9].*

Хоронимы и астионимы в произведениях В. К. Арсеньева свидетельствуют о маршрутах его экспедиций, но также характеризуют природные условия, межкультурные и торговые контакты, возникновение городов и селений, сообщают информацию о научно-экспедиционных исследованиях на Дальнем Востоке и т. п.

Инсулонимы

В. К. Арсеньев, кроме упомянутых выше географических объектов на материке, описывает также некоторые острова, расположенные на исследуемой им территории. Как и гидронимы, хоронимы и астионимы, эти инсулонимы демонстрируют нам природные особенности экосистем, маршруты экспедиций, а также играют дополнительную роль в показе связей между сушей и морем, исторических событий и этнокультурных контактов на берегах морей и рек Дальнего Востока:

1) Сахалин – остров у восточных берегов Азии, омывается водами Охотского и Японского морей, от материка отделён Татарским проливом, ширина которого в самом узком месте около 8 км [БСЭ-2, т. 38, с. 148]: *Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалина [АДУ, 1928, с. 62];*

2) Аскольд – небольшой остров в Японском море к востоку от входа в Уссурийский залив [БСЭ-2, т. 3, с. 248]: *Туркин и Сатунин сообщают, что в науке установлено две формы пятнистого оленя – крупный, область*

распространения какового ограничивается Южно-уссурийским краем, где остров *Аскольд* представляет из себя единственный в мире естественный питомник, и меньший [КВУК, 1914, с. 30];

3) Цусима – группа острова в Корейском проливе, входит в японскую префектуру Нагасаки [БСЭ-2, т. 47, с. 3]: *В японскую войну после Мукденской катастрофы и после разгрома эскадры адмирала Рождественского около острова Цусимы, когда ожидалась осада Владивостока, – местные китайцы пришли в сильное возбуждение* [КВУК, 1914, с. 203];

4) Шантарские острова – группа из 15 островов в западной части Охотского моря у входа в Тугурский залив [БСЭ-2, т. 47, с. 515]: *Они должны идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня с командой в залив Джигит* [АДУ, 1928, с. 15];

Рассмотрим здесь же и название полуострова *Камчатка*, обширной гористой территории на северо-востоке азиатской части России, омываемой на западе Охотским морем, а на востоке – Тихим океаном и Беринговым морем [БСЭ-2, т. 19, с. 552]. У названия полуострова и одноимённой реки имеется более 20 этимологий, наиболее известным является объяснение происхождения топонима от этнонима *кончало* или *хончало*, как коряки называли ительменов; эти слова записал и предположил их связь с топонимом *Камчатка* академик Степан Петрович Крашенинников (1711–1755), участник Второй Камчатской экспедиции, автор книги «Описание земли Камчатки» (1755), его поддержал историк Фёдор Иванович (Грехард Фридрих) Миллер (1705–1783) [ГНР, с. 184]. В. К. Арсеньев отмечает: *Ныне корейцы стали проникать в Забайкалье и в Охотский край, одиночных корейцев мы найдем около Гижиги и на полуострове Камчатке* [БХНДК, 1928, с. 9].

Этнонимы

В. К. Арсеньев был не только географом, но и крупным этнографом, он знакомился с жизнью местных народов Дальнего Востока, проводил этнографические и культурные исследования во время экспедиций в

фронтирных зонах, включая Маньчжурию, Приамурье, Приморье и др. В своих произведениях учёный упоминает некоторые этнонимы, которые можно разделить на две группы.

Названия коренных народов Дальнего Востока:

1) гольды – старое русское название народа нанайцев [БСЭ-2, т. 12, с. 11]: *После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан Бао устроились в стороне. Они взяли на себя заботу об огне* [АДУ, 1928, с. 119];

2) удэгейцы – небольшая народность, живущая разбросанно в Приморском и Хабаровском краях России; южная группа удэгейцев, подвергшаяся сильному китайскому влиянию, носит название *тазы* [БСЭ-2, т. 43, с. 667]: *По дороге Дерсу рассказал мне, что исстари к западу от Сихотэ-Алиня жили гольды, а с восточной стороны – удэгейцы, но потом там появились охотники-китайцы; Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют себя "удэ-хе". Те, которые жили в южной части страны, со временем окитаились, и теперь уже их совершенно нельзя отличить от манз. Китайцы называют их да-цзы, что значит инородец. Отсюда получилось искажённое русскими слово **тазы*** [ВДУК, 1928, с. 60, 113];

3) маньчжуры – народность, проживающая в основном в северо-восточной части Китая, где сохраняются чисто маньчжурские селения, на остальной территории маньчжуры смешались с китайцами [БСЭ-2, т. 26, с. 242]: *В начале прошлого столетия хунчунские маньчжуры уже занимались морскими промыслами в водах залива Петра Великого* [КВУК, 1914, с. 72];

4) орочи – этнографическая группа, живущая в Хабаровском крае России, по языку относящаяся к тунгусо-маньчжурской группе [БСЭ-2, т. 31, с. 221]: *Третью группу населения составляют орочи – народность маньчжурского племени. В отдаленном прошлом они обитали где-то на севере и неизвестно когда появились на берегах Великого океана»* [АСТ, 1955, с. 10];

5) тунгусы – устаревшее название эвенков [БСЭ-2, т. 43, с. 395]: *Одни*

исследователи полагают, что в эпоху неолита **тунгусы** покинули бассейн р. Желтой, переселившись к Байкалу и на Амур [БХНДК, 1928, с. 28];

б) ольчи – устаревшее название живущего по реке Амур тунгусо-маньчжурского народа ульчей, которое использовалось в этнографической литературе второй половины XIX века [БСЭ-2, т. 31, с. 10]: *Маньчжурскую группу тунгусов мы в свою очередь должны разделить на две части: рыболовов по преимуществу, осевших по берегам рек, и охотников-звероловов, обитателей тайги. К первой относятся гольды и ольчи* [БХНДК, 1928, с. 15].

Названия пришлых народов Дальнего Востока и Маньчжурии:

1) русские – крупнейшая нация России [БСЭ-2, т. 37, с. 411]: *Для нагревания водка вливается в небольшой медный сосудик (цзю-ху), который русские называют тиуху* [КВУК, 1914, с. 169];

2) китайцы – основная нация Китая [БСЭ-2, т. 21, с. 323]: *В Уссурийском крае **китайцы** расселились главным образом в Посъетском районе, около озера Ханка, в Сучанском районе, в верховьях реки Уссури, по всему почти Иману до местности Сидатун и по долине реки Баку, затем по реке Бикину в нижнем его течении до местности Сигоу и Цамодынза, по р. Хору в его низовьях до Табандо, по обоим берегам р. Уссури, особенно около устья Имана и в Зауссурийском крае, узкой полосой по берегу моря до мыса Гиляк* [КВУК, 1914, с. 80];

3) корейцы – основное население Кореи, сложившееся в нацию к началу XX века [БСЭ-2, т. 22, с. 578]: ***Корейцы** поселились главным образом в Посъетском и Приханкайском районах, на Сучане, Таудими, по долинам рек Даубихэ и Улахэ и в южной части Ольгинского стана* [КВУК, 1914, с. 47];

4) японцы – нация, основное население Японии [БСЭ-2, т. 49, с. 638]: *В недавнем прошлом **японцы** подолгу проживали в городах Приамурского края, главным образом, во Владивостоке, Хабаровске и Никольске-Уссурийском* [БХНДК, 1928, с. 10].

Рассмотренные этнонимы описывают в произведениях В. К. Арсеньева

этнокультурные контакты и экономические связи между коренными народами Дальнего Востока и Маньчжурии и переселенцами, указывают на особенности этнического взаимодействия на фронтальной территории, демонстрируют важные пункты и исторические события в процессе отмеченных контактов.

Астронимы

Для успешного проведения географических экспедиций организаторы и участники должны не только уметь обращаться со специальным снаряжением, обладать физической выносливостью, психологической устойчивостью, коммуникативными способностями, иметь необходимые научные знания в области географии, истории, культуры и других наук, а также уметь ориентироваться по звёздам, которые порой становятся единственными указателями нахождения экспедиции на той или иной территории и направлений для дальнейшего пути, а также способны указать на время. В связи с этим в произведениях В. К. Арсеньева обнаруживается целый ряд астронимов. Все они являются научными терминами астрономии, что свидетельствует о хорошем знании писателем основ этой науки:

1) Млечный Путь – светлая полоса неправильной формы, наблюдаемая на звездном небе [БСЭ-2, т. 27, с. 647]: *На небе было так много звезд, что оно оказалось одною сплошною туманностью, и из этой массы особенно явственно выделялся Млечный путь* [АДУ, 1928, с. 70];

2) Орион – созвездие, расположенное в экваториальной части неба и граничащее с созвездием Тельца [БСЭ-2, т. 31, с. 193]: *Когда мы кончили беседу, созвездие Ориона показывало уже полночь* [АДУ, 1928, с. 109];

3) Сириус – самая яркая звезда, одна из ближайших к Солнцу [БСЭ-2, т. 39, с. 143]: *Великолепный Сириус блистал всеми цветами радуги* [АВВТ, 1966, с. 108];

4) Поллукс – звезда первой звездной величины, наиболее яркая в созвездии Близнецов; Кастор – вторая по блеску звезда этого созвездия; Близнецы – одно из 12 созвездий зодиака, расположено в северном

полушарии неба между созвездиями Рака и Тельца [БСЭ-2, т. 20, с. 342, БСЭ-2, т. 33, с. 603, БСЭ-2, т. 5, с. 298]: *Над большой протокой блистали две звезды – Кастор и Поллукс из созвездия Близнецов»* [АСТ, 1955, с. 91];

5) Кассиопея – небольшое, но довольно яркое созвездие северного полушария неба [БСЭ-2, т. 20, с. 336]: *Стрелки слушали меня с глубоким вниманием. Потом я указал на созвездие Кассиопеи, где, по предположению ученых, была та звезда, которая привела волхвов к Спасителю* [АДУ, 1928, с. 188].

Ономастическая лексика, встречающаяся в произведениях В. К. Арсеньева, помогает проследить маршруты экспедиций, увидеть особенности речной и горной систем региона, астрономических явлений, отмеченных на этой территории, познакомиться с живущими здесь народами и т. п. Следует учитывать, что в текстах В. К. Арсеньева некоторые онимы использованы в устаревшей форме или в орфографическом варианте времени написания произведений.

2.4. Китаизмы В. К. Арсеньева в современных словарях и текстах

Произведения В. К. Арсеньева являются ценными источниками для изучения китаизмов в контексте русско-китайских взаимоотношений. Эти единицы не только пополняют словарный состав русского языка, но и оказывают влияние на других авторов, рассказывающих об особенностях жизни на фронтальной территории.

2.4.1. Включение китаизмов В. К. Арсеньева в современные словари

Как известно, имена собственные в соответствии с традициями русской лексикографии в толковые словари включаются только в том случае, когда они апеллятивизируются или употребляются в переносном значении в составе фразеологизмов. Поэтому эти китайские онимы следует искать в энциклопедических и специальных ономастических словарях. Для сравнения мы использовали Большую советскую энциклопедию [БСЭ], топонимический

словарь Ф. В. Соловьёва [СКТТС] и некоторые другие источники. Китайский материал нами черпался из двух авторитетных источников: 王维国.精编俄汉汉俄词典 (Русско-китайский и китайско-русский словарь в новой улучшенной редакции) и 张建华.现代俄汉双解词典 (Новый русско-китайский словарь). Некоторые китайские топонимы из произведений В. К. Арсеньева являются устаревшими, они были заменены в китайском языке, поэтому и в современных русских изданиях приводятся их новые формы. Имеются также орфографические варианты записи топонима, связанные с изменениями правил транскрипции китайских слов по-русски.

Таблица 2. Сохранившиеся топонимы-китаизмы произведений В. К.

Арсеньева

Топонимы В. К. Арсеньева	Китайское название	Словарь	Современный вариант
Си-хо-да-лин	西河大岭 [xī hé dà lǐng]	БСЭ-2, т. 39, с. 190	хребет Сихотэ-Алинь
гора Чанбошань	长白山 [cháng bái shān]	БСЭ-2, т. 47, с. 37	гора Чанбайшань
Усули-цзян	乌苏里江 [wū sū lǐ jiāng]	БСЭ-2, т. 44, с. 390	река Уссури
река Улахэ	Кит. 浯刺河 [wú là hé]	СКТТС, с. 26	река Уссури (Улахе / Улахэ)
река Мудацзян	Кит. 牡丹江 [mǔ dān jiāng]	БСЭ-2, т. 28, с. 490	река Муданьцзян
река Суйфун	Кит. 绥芬河 [suí fēn hé]	ГЭС, с. 373	река Суйфэньхэ (Раздольная)
река Хунчунхэ	Кит. 琿春河 [hún chūn hé]	БСЭ-2, т. 46, с. 415	река Хуньчунхэ
город Нингута	宁古塔 [níng gǔ tǎ]	БСЭ-2, т. 17, с. 529	город Ниньянь
город Сансин	三姓 [sān xìng]	БСЭ-2, т. 30, с. 24	город Илань
город Чифу	芝罘 [zhī fú]	БСЭ-2, т. 47, с. 413	город Яньтай
город Куанченцзы	宽城子 [kuān chéng zǐ]	БСЭ-2, т. 47, с. 40	город Чанчунь

город Хунчун	琿春 [hún chūn]	БСЭ-2, т. 46, с. 415	город Хуньчунь
--------------	------------------	-------------------------	----------------

В 1969 году все китайские топонимы на Дальнем Востоке были заменены на русские, поэтому используемые В. К. Арсеньевым слова в современных источниках не обнаруживаются. Новые названия гор и рек Приамурья в настоящее время никак не связаны с китайским языком. Лишь в некоторых источниках встречаются, наряду с современными русскими топонимами, их прежние китайские наименования.

Таблица 3. Топонимы-китаизмы произведений В. К. Арсеньева, переименованные по-русски

Топонимы В. К. Арсеньева	Китайское название	Словарь	Современный вариант
гора Дадяньшань	大尖山 [dà jiān shān]	СКТТС, с. 43	гора Пржевальского
река Ушагоу	瑚布图河 [hú bù tú hé]	СКТТС, с. 122	река Гранитная
река Синанца	西南岔河 [xī nán chà hé]	СКТТС, с. 92	река Черёмуховая
река Сица	西岔河 [xī chà hé]	СКТТС, с. 97	река Тигровая
река Сыдагоу	四达沟河 [sì dá gōu hé]	СКТТС, с. 102	река Извилинка
река Цимухе	Кит. 子母河 [zǐ mǔ hé]	СКТТС, с. 132	река Шкотовка
река Вангоу	弯沟河 [wān gōu hé]	СКТТС, с. 41	река Лазовка
река Майхэ	蚂蚁河 [mǎ yǐ hé]	СКТТС, с. 66	река Артёмовка
река Сандагоу	三达沟河 [sān dá gōu hé]	СКТТС, с. 81	река Минеральная

река Даубихэ	刀毕河 [dāo bì hé]	СКТТС, с. 44	река Арсеньевка
река Тюмень-ула	图们江 [tú mén jiāng]	БСЭ-2, т. 43, с. 382	река Туманная

Как отмечалось выше, В. К. Арсеньев включал в свои произведения китаизмы, обозначающие предметы повседневной жизни людей на российско-китайском пограничье. Значение этих китаизмов связано с особенностями жизни китайцев, с которыми писатель сталкивался в экспедициях. Некоторые из этих слов зафиксированы в словарях русского языка (табл. 4).

Таблица 4. Китаизмы, называющие предметы повседневной жизни на российско-китайском пограничье, в словарях русского языка

Китаизмы В. К. Арсеньева	Китайское слово	Словарь русского языка	Значение в тексте
фанза	房子 [fáng zi]	БТС, с. 1416	крестьянский дом в Китае и Корее
жемчуг	珍珠 [zhēn zhū]	БТС, с. 302	драгоценное перламутровое вещество в форме зерен белого, желтоватого, розоватого цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков
женьшень	人参 [rén shēn]	БТС, с. 303	травянистое растение, корневище которого применяется в медицине как лечебное средство
да-фын	大风 [dà fēng]	БТС, с. 1303	тайфун
ханшин	烧酒 [shāo jiǔ]	БАС-1, т. 17, с. 30	китайская неочищенная водка из хлеба

Ещё в 1950-е годы слово ощущалась непривычность слова *женьшень* в русском языке, в источниках встречаются его запись как *жэнь-шэнь* [Лебедева, 1957, с. 71–72].

В. К. Арсеньев включал в свои произведения китайские слова, которые имели эквиваленты в русском языке. Их использование связано со стремлением писателя отразить колорит китайской жизни. Эти варваризмы

придают повествованию аутентичность. При этом автор стремится дать в тексте перевод китайского слова, чтобы этот фрагмент был понятен читателю.

Таблица 5. Китаизмы В. К. Арсеньева, отсутствующие словарях русского языка

хай-янь	海沿 [hǎi yán]	王维国, с. 273, 840	морское побережье
яза	鸭子 [yā zi]	王维国, с. 835	утка
да-янь	大烟 [dà yān]	王维国, с. 125	опиум
ян-чжень	洋人 [yáng rén]	王维国, с. 595, 847	иностранцы
е-мао-цза	夜猫子 [yè māo zi]	王维国, с. 475, 857	ночная кошка
куай-цзы	筷子 [kuài zi]	王维国, с. 415	палочки для еды
мань-тоу	馒头 [mán tou]	王维国, с. 472	китайские пампушки на пару
сянь-цай	咸菜 [xián cài]	王维国, с. 775	соленые овощи
цзянь-цзюнь	将军 [jiāng jūn]	王维国, с. 347	генерал
хай-шень	海参 [hǎi shēn]	王维国, с. 274	трепанг

му-эр	木耳 [mù ěr]	王维国, с. 501	древесные грибы
-------	---------------	----------------	-----------------

Китаизмы В. К. Арсеньева, включая ономастические единицы, отражены в русских энциклопедических и толковых словарях, их представленность в русских лексикографических источниках достаточно высока (52%), однако 22% топонимов были заменены более новыми, соответствующими китайским переименованиям, а часть фронтирных онимов китайского происхождения была заменена русскими единицами.

2.4.2. Использование китаизмов В. К. Арсеньева в художественных текстах других авторов

В. К. Арсеньев оказал большое влияние на русскую литературу Дальнего Востока. Многие авторы, приступая к созданию своих произведений, знакомились с его книгами, затем специально или невольно заимствуя из них некоторые китаизмы. Нами обнаружены лексемы апеллятивного и ономастического происхождения, отмеченные на страницах произведений В. К. Арсеньева, в книгах современных писателей: «Финал в Китае» П. П. Балашкина, «На рубеже Китая» П. Н. Краснова, «Хунхузы» Д. В. Ершова и др. Рассмотрим некоторые из них:

1) фанза: *Большой частью они ютятся на окраинах города в землянках, полуразрушенных амбарах, сараях или же целыми таборами в **фанзах** за городом* [НДВ, 1897, с. 17];

2) женьшень: *Лишь кое-где в глубине непроходимой тайги можно было встретить бродячего манзу, искателя **женьшеня*** [НДВ, 1897, с. 30];

3) шаман / шаманство: *В своих религиозных верованиях гольды преданы **шаманству**, но, как кажется, **шаманы** пользуются у них меньшим влиянием, нежели у других инородцев Амурского края* [ПУК, 1927, с. 81];

4) даба: *В большой части случаев преобладает длиннополный халат из синей **дабы**, такого же, а иногда и серого цвета панталоны и башмаки с очень узкими и загнутыми вверх носками* [ПУК, 1927, с. 74];

5) Цзяньцзюнь: В 1889 году Гиринский **Цзяньцзюнь** (губернатор) Чан Шунь собственной властью разрешил Саньсинскому фудутуну (областному начальнику) допустить промывку золота всеми желающими при условии уплаты 10 процентов добычи в казну [ХНВ, 2009, с.10];

6) Нингута: Так, хунхузские шайки нападали на Нючжуан (1866), **Нингуту** (1874), Дагушань (1875), Хуньчунь (1978), Бейтуанлинцзы (1885) и несколько раз – на Баянсусу [ХНВ, 2009, с.17];

7) Чифу: Покупкой морской капусты занимаются несколько иностранных купцов, живущих во Владивостоке и Новгородской гавани, откуда они отправляют ее на иностранных кораблях в Шанхай, **Чифу** и другие китайские порты [ПУК, 1927, с. 75];

8) Хунчун: Для этого из города **Хунчуна** они поднимаются вверх по реке того же имени, переходят через невысокий перевал на реку Мангугай и отсюда следуют двумя городами: или через пост Раздольный, мимо вершин Амурского и Уссурийского заливов на реке Цымухэ и Сучан; или же, если Амурский залив еще покрыт льдом, то прямо от устья Мангугая через полуостров Муравьев-Амурский, также на Сучан и Цымухэ [ПУК, 1927, с. 76];

9) реки Улахэ и Даубихэ: Далее, от устья Лифудина Уссури принимает имя **Улахэ**, но все еще сохраняет прежний характер до впадения в нее справа реки **Даубихэ**, откуда же соединенная река несет маньчжурское имя Уссури или китайское Имахуза [ПУК, 1927, с. 22];

10) гора Чанбошань: На севере Становой хребет отделяет его от бассейна Лены; на западе Сихотэ-Алинь ограждает берег Японского моря; на юге стоит высокой стеной **Чанбошань**; наконец, на востоке Хинган разделяет Маньчжурию от Монголии [ПУК, 1927, с. 225];

11) Чжан Цзолинь: В Маньчжурии ещё оставался маршал **Чжан Цзолинь**, тщательно опекаемый японским Генеральным Штабом, и все же, несмотря на эту опеку, стремившийся сыграть в объединении Китая не последнюю роль [ФВК, 1958, с. 38];

12) историческое государство Бохай: *Это изливает в залив свои хрустальные воды Суйфун – старинная река, носившая на себе когда-то еще джонки маньчжуров и еще раньше лодки жителей таинственного, затерявшегося в протекших веках королевства **Бохай**, широко раскидывавшегося некогда по всей примыкающей к реке «воцзи»* [НДВ, 1897, с. 366-367]. Тунгусо-маньчжурское племя *воцзи (водзи, водзи бу)* часто встречается в китайских источниках [Лебедева, 1957, с. 75]. Отметим, что практически все статьи, упоминающие о данной работе Е. П. Лебедевой, дают фальсифицированную ссылку.

Эти китаизмы помогают авторам передавать местный колорит, дают ценную информацию об истории Дальнего Востока и Маньчжурии. В этих текстах наблюдается переключки с произведениями В. К. Арсеньева, однако зачастую использование слов китайского происхождения и китайских онимов в книгах современных авторов значительно уступает количеству и частотности по сравнению с текстами их предшественника (ср. табл. 1 и табл. б).

Таблица 6. Использование китаизмов В. К. Арсеньева в произведениях других авторов

апеллятивы	китайское слово	частотность	источники
фанза	房子	7	ПУК, 1927 г.
	[fáng zi]	1	КНРК, 1927 г.
		1	НДВ, 1897 г.
женьшень	人參	2	НДВ, 1897 г.
	[rén shēn]	1	ФВК, 1958 г.
шаман	薩滿	2	ПУК, 1927 г.
	[sà mǎn]		
ханшин	烧酒 [shāo jiǔ]	1	НДВ, 1897 г.

даба	大布	1	НДВ, 1897 г.
	[dà bù]	1	ПУК, 1927 г.
ТОПОНИМЫ	КИТАЙСКОЕ НАЗВАНИЕ	ЧАСТОТНОСТЬ	ИСТОЧНИКИ
река Даубихэ	刀毕河	4	АДУ, 1928 г.
	[dāo bì hé]	4	ПУК, 1927 г.
река Улахэ	浯刺河 [wú là hé]	4	ПУК, 1927 г.
река Суйфун	绥芬河 [suí fēn hé]	13	ПУК, 1927 г.
гора Чанбошань	长白山	4	ПУК, 1927 г.
	[cháng bái shān]	1	НДВ, 1897 г.
город Чифу	芝罘 [zhī fú]	3	ПУК, 1927 г.
		1	ФВК, 1958 г.
		1	ХНВ, 2009 г.
город Нингута	宁古塔 [níng gǔ tǎ]	4	ПУК, 1927 г.
		1	ХНВ, 2009 г.
город Хунчун	琿春 [hún chūn]	11	ПУК, 1927 г.
АНТРОПОНИМЫ	КИТАЙСКОЕ ИМЯ	ЧАСТОТНОСТЬ	ИСТОЧНИКИ
Чжан Цзолинь	张作霖	2	ФВК, 1958 г.
	[zhāng zuò lín]	1	КНРУ, 1927 г.

название исторического государства	китайское название	частотность	источники
государство	渤海国	3	НДВ, 1897 г.
Бохай	[bó hǎi guó]	1	ХНВ, 2009 г.

Выводы по главе II

Выдающийся русский географ, этнограф, путешественник, писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев отдал 30 лет своей жизни изучению Дальнего Востока и Маньчжурии, его судьба тесно связана с этим фронтальным регионом. Здесь он встретился с человеком, который сыграл ключевую роль в его экспедиционной и творческой деятельности – с Дерсу Узалой, который стал героем его произведений. В. К. Арсеньев оставил после себя богатое научное и литературное наследие, включающее произведения «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг.» (1912), «Китайцы в Уссурийском крае» (1914), «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923), «В дебрях Уссурийского края» (1928), «Сквозь тайгу» (1930), «В горах Сихотэ-Алиня» (1937) и др. Эти тексты дают ценнейшие материалы для изучения природных и этнографических особенностей российско-китайского пограничья. Они оказали значительное влияние на творчество русских писателей XX–XXI веков.

В произведениях В. К. Арсеньева встречается значительное количество словоупотреблений китаизмов и ономастических единиц китайского происхождения или пришедших в русский язык через китайское посредничество. Благодаря этим словам читатель не только может всесторонне познакомиться с горной и речной системами, с местным колоритом, бытом и обычаями народов Дальнего Востока и Маньчжурии, но

и выявить лингвокультурные контакты между русскими, китайцами, маньчжурами и другими народами фронтальной территории. В произведениях писателя используются некоторые устаревшие названия географических объектов (*Нингута, Сансин, река Суйфун, гора Чанбошань* и др.), которые в дальнейшем были изменены в китайском языке, а затем транскрибированы по-русски. Кроме того, ряд названий китайского происхождения в 1969 году был заменён русскими топонимами, что заставляет при чтении текстов В. К. Арсеньева учитывать эти переименования.

Китазмы и онимы китайского происхождения, использованные В. К. Арсеньевым в своих произведениях, были зафиксированы в авторитетных русских энциклопедических и толковых словарях, а также в переводных русско-китайских словарях (более 50%).

Китаизмы и китайская ономастическая лексика В. К. Арсеньева находит продолжение в произведениях других русских писателей, однако частота их использования значительно ниже, чем в текстах предшественника. Использование В. К. Арсеньевым китайских заимствований и онимов положили прочную основу для дальнейшей адаптации этих слов в русском языке.

В ходе нашего исследования текстов В. К. Арсеньева были выявлены некоторые китайские топонимы, для которых нам пока не удалось найти точные китайские соответствия: река Судзу-хэ, река Сяосудухэ, река Чжакумэ, река Лисягу, речка Тыгенгао, речка Чаоми, речка Саэле, речка Таэле, речка Вязпыгни, речка Хопэ, речка Дун Тавайза, река Годзыхэ, гора Коучедынцза, гора Яндэянг, гора Угы Динза, мыс Лессепе-дада и др. Некоторые из них, видимо, образованы в языках коренных народов Приамурья, другие записаны с искажениями, которые не позволяют восстановить их исконный облик. Это является перспективами нашего дальнейшего исследования.

ГЛАВА III. КИТАИЗМЫ В ТЕКСТАХ ПИСАТЕЛЕЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В ХАРБИНЕ

3.1. Русская диаспора в Харбине

Особое место во взаимоотношениях между русским и китайским народами на фронтальной территории является история русской диаспоры Харбина и окрестных поселений. Её активная жизнь и плодотворная деятельность в области лингвокультурного сотрудничества продолжались в течение чуть более 30 лет, однако наследие этой деятельности ощущается и в наши дни.

3.1.1. История русской диаспоры в Харбине

Историю русской диаспоры Харбина можно разделить на пять этапов:

1. *Строительство Китайско-Восточной железной дороги (1898–1917)*

22 мая 1896 года видный цинский сановник и дипломат Ли Хунчжан, министр иностранных дел Российской империи А. Б. Лобанов-Ростовский и министр финансов С. Ю. Витте в Москве заключили Союзный договор между Российской империей и Китаем, по содержанию которого Российская империя арендовала порты Люйшунькоу (Порт-Артур) и Далянь (Дальний) и получила право построить в северно-восточном Китае Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) [Го Юйчунь, 2023, с. 55]. В связи со своим удобным географическим расположением Харбин стал местом пребывания управления КВЖД и её ключевым узлом.

С началом строительства КВЖД многие русские железнодорожные рабочие, инженеры приехали со своими семьями в Харбин и поселились здесь и в других пунктах вдоль железной дороги. В целях обеспечения потребностей в людской силе для строительства и эксплуатации железной дороги правительство Российской империи выдвинуло проект освоения этих территорий, в результате чего многие дворяне, крестьяне, коммерсанты, деятели искусства и культуры и т. п. тоже стали прибывать сюда [马良玉, 2011, с. 87]. Известный в те времена журналист Илья Семёнович Левитов назвал этот проект *Желтороссией*. Он писал: «Под Желтороссией я понимаю пространство, в котором русский элемент смешивается с жёлтой расой, особенно то, которое простирается от Байкала к Тихому океану. Это

пространство как бы изолировано от России и имеет с ней нечто общее» [Левитов, 1905].

Количество русских эмигрантов в Харбине значительно увеличилось. По данным статистики 1903 года, оно составляло 15579 человек. Строительство КВЖД и появление крупной русской диаспоры превратило Харбин из неизвестной деревни в город мирового уровня, в котором развивались архитектура, образование, культура, искусство, торговля и пр. В российской и местной прессе Харбин в то время называли *восточной Москвой*.

В период русско-японской войны 1904–1905 гг. многие русские военные прибыли в китайские города Далянь, Люйшунь, Харбин. Одни из них лечились в местных госпиталях, другие были заняты ремонтом разбитых судов, третьи занимались поставками вооружения и продуктов [Шаронова, 2014, с. 218].

В этой войне Россия потерпела поражение, по содержанию Портсмутского мирного договора 1905 года она была вынуждена передать Японии Порт-Артур, Южно-Маньчжурскую железную дорогу и право аренды Ляодунского полуострова. При поддержке США и других стран Китай отказался признать юрисдикцию России в зоне отчуждения КВЖД. В 1906 году США и другие державы отправили своих консулов в Харбин [Дацьшен, 2004, с. 185]. В таких условиях Харбин превратился в крупный экономический центр в северо-восточном Китае. Здесь проживали многие купцы, предприниматели, привозившие товары из Европы, Америки, Азии и др. В начале XX века приток эмигрантов из Европы в Китай увеличился, но доля русских и китайцев в населении Харбина занимала ведущее место [Чэнь Цюцзе, 2011, с. 80–82]. К 1917 году в северо-восточном Китае проживало около 150 тысяч русских, из которых два трети – в Харбине [高春雨, 2018, с. 88].

2. От Октябрьской революции до установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом (1917–1924)

После Октябрьской революции 1917 года и поражения Белой армии в Приморье во время Гражданской войны многие дворяне, бывшие чиновники русской империи, политические деятели, подчиненные Временному правительству, военные руководители Белого движения, инженеры, врачи, учителя, крестьяне, писатели, артисты, художники, музыканты из приграничных районов отправились в Харбин, Шанхай, Тяньцзинь, Циндао и другие города Китая. При этом большинство русских решили остаться в полосе отчуждения КВЖД и в Харбине с целью поиска работы на железной дороге [Аблова, 2005, с. 130–131]. По статистике 1918–1920 годов, около 50 тысяч русских эмигрантов поселилось в эти годы в Харбине. В результате многолетнего неурожая в Сибири в конце 1920 года появился новый приток русских переселенцев в Харбин. На 1 января 1921 года в городе проживало 165657 человек. Многие эмигранты селились в других населённых пунктах вдоль линии КВЖД. К началу 1923 года количество русских эмигрантов в Харбине и окрестностях достигло более 400000 человек. Это был самый крупный русский зарубежный центр [马良玉, 2011, с. 88]. Однако численность русских эмигрантов в Харбине была нестабильной. В связи с политическими событиями после 1924 года их количество значительно уменьшилось.

3. Совместное управление КВЖД (1925–1932)

31 мая 1924 года было подписано соглашение между СССР и Китайской Республикой о временном управлении КВЖД. По этому соглашению устанавливалось, что правление железной дороги состояло из 10 представителей: по 5 от правительства Китая и правительства СССР. На основе принципа равного представительства осуществлялось также назначение рабочих из граждан Китая и СССР [Курдюков, 1959, с. 90–92]. В 1925 году управляющий КВЖД А. И. Иванов издал приказ о приостановлении работы тех, кто не являются гражданами СССР или Китая. В целях сохранения своего рабочего места одни русские эмигранты решили подать документы и принять советское или китайское гражданство; те же, кто

отказался от принятия гражданства, были уволены. В 1929 году разразился советско-китайский конфликт на КВЖД, что также повлияло на количество русских эмигрантов в Харбине. Этот конфликт продолжался 6 месяцев и закончился подписанием Хабаровского протокола 1929 года. В начале конфликта управление КВЖД решило уволить советских служащих. Те, кто остался работать после этого, приняли китайское гражданство. После окончания конфликта ранее уволенные советские служащие получали возможность возвратиться на рабочее место [Кротова, 2014, с. 220–223].

В связи со всеми этими событиями в Харбине русские эмигранты стали уезжать в Шанхай в поисках лучших условий жизни или отправлялись в Европу, США, Австралию, Канаду на работу и учебу [Аблова, 2005, с. 135]. Всё это привело к резкому сокращению русского населения Харбина: если в 1922 году количество русских в Харбине было около 150 тысяч человек, то в 1927 году их стало 56 тысяч, среди которых более 30 тысяч не имело гражданства. В 1931 году в Харбине проживало 41 тысяча русских [Чжан Цзунхуа, 2022, с. 86].

4. От оккупации северо-восточного Китая японскими захватчиками до конца Второй мировой войны (1932–1945)

В феврале 1932 года японцы прибыли в Харбин и в следующем месяце создали здесь марионеточное государство Маньчжоу-го. Сначала многие русские эмигранты надеялись, что при поддержке со стороны японцев здесь будет создано правительство Белой армии, противостоящее советской власти. Но в 1934 году был создан специальный орган контроля над русской колонией – Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) в Маньчжурии, главной задачей которого было подчинение русской эмиграции японской администрации и маньчжурским властям. В 1935 году СССР уступил КВЖД правительству Маньчжоу-го. В 1936 году в Берлине между Германией и Японией был подписан Антикоминтерновский пакт [Аблова, 2005, с. 354, 358], который касался недопущения дальнейшего распространения коммунистической идеологии; он затронул тех русских харбинцев, которые

лояльно относились к СССР.

В целом все эти события привели к существенному ухудшению условий жизни русской эмиграции в Харбине, в 1932–1934 гг. среди русских харбинцев было 10444 безработных, поэтому число русских в Харбине снова начало сокращаться. В 1934 году количество русских в Харбине составляло 25045 советских граждан и 35579 лиц без гражданства, а в 1936 году осталось 7804 советских граждан и 30589 лиц без гражданства [马良玉, 2011, с. 89]. Многие из русских эмигрантов вернулись на родину или уехали в Шанхай, который с 30-х гг. XX века стал крупнейшим русским зарубежным центром [汪之城, 1993 с. 82]. В Харбине в основном остались лица с китайским паспортом или без гражданства. С началом Великой Отечественной войны представители молодого поколения русской эмиграции в Харбине сочувственно относились к боям Красной армии с фашистами. С открытием генерального консульства в 1945 году многие решили вернуться на родину и подали документы на принятие советского гражданства. В 1946 году русских в Харбине осталось только 18448 человек [石方, 2003, с. 90–91].

5. От окончания Второй мировой войны до распада СССР (1946–1992)

После окончания Второй мировой войны жизнь в Харбине постепенно вошла в свою колею. Возобновили свою работу генконсульство СССР, управление КЧЖД, некоторые коммерческие и культурные учреждения. В 1946–1948 гг. Президиум Верховного Совета СССР принял ряд указов о получении советского гражданства бывшими подданными Российской империи. Они касались также тех лиц, кто был лишен советского паспорта по какой-либо причине и проживал за границей. Русские эмигранты в Харбине активно откликнулись на призыв советской власти: в 1948 году среди русских число лиц без гражданства уменьшилось до 2303 человек, а число советских эмигрантов достигло 26625 человек.

В 1947 году советская власть приняла решение о возвращении русских эмигрантов, проживающих в Шанхае, Тяньцзине, Циндао и других китайских

городах, на родину. Но поскольку в Харбин был в своё время центром белогвардейцев, этот город не был включён в программу переселения русских эмигрантов. При этом после подписания в 1952 году Заключительного протокола о передаче КВЖД в жизни у русских эмигрантов в Харбине возникли серьёзные изменения. Началось их массовое увольнение с КВЖД, были закрыты русские школы и учреждения культуры и т. п. Всё это привело к возвращению русских эмигрантов на родину.

В 1954 году в Харбине был создан комитет по содействию возвращению советских граждан в СССР. В 1954 году 5789 русских эмигрантов вернулись на родину. В конце 1955 года в Харбине ещё осталось 9660 советских эмигрантов. С ухудшением советско-китайских отношений стремление русских эмигрантов покинуть Харбин усилилось, они либо уезжали в СССР, либо отправлялись в США, Австралию, Канаду и другие страны. К концу 1988 года в Харбине осталось только 88 советских граждан, большинство из них были преклонного возраста и уже не хотели никуда уезжать [石方, 2003, с. 92–96]. Тем самым завершилась история русской эмиграции в этом регионе [Аблова, 2005, с. 432].

3.1.2. Влияние русской диаспоры на развитие Харбина

Строительство КВЖД и переезд на север Китая многочисленной русской диаспоры существенно изменило Харбин и окрестные поселения. Эти изменения коснулись всех сфер жизни: промышленности, культуры, архитектуры и т. п.

Прежде всего в регионе начинает бурно развиваться **промышленность и коммерция**. В Харбине были открыты перерабатывающие предприятия: мукомольные, пивоваренные, маслобойные, сахарные фабрики и заводы. После Октябрьской революции в Харбин прибыли русские дворяне, коммерсанты, предприниматели, что стало новым толчком для развития промышленности. В 1922 году в городе действовали 32 крупных предприятия, владельцами которых в основном были русские эмигранты [石方, 2003, с. 222]. Развитию экономики Харбина способствовало подписание в 1905 году

Портсмутского мирного договора, что превратило город в международный торговый центр. В Харбин ввозили текстильные изделия, табак, металлы, продукты питания и пр., а вывозили соевые бобы, пшеницу, муку, гаолян и т. п., большинство из этих товаров отправлялись на Дальний Восток [石方, 2003, с. 227–231; 孙占文, 1978, с. 106].

Для развития розничной торговли в Харбине в 1900 и 1908 году соответственно были открыты универсальные магазины «Чурин и Ко» и Московские торговые ряды, а также многие средние и малые коммерческие предприятия, количество которых в 1907 году достигло 1967. В них продавались продукты питания, товары повседневного спроса, изделия медицинского назначения, одежда, письменные принадлежности и др. [石方, 2003, с. 232–233]. В 1907 году в Харбине была создана Российская торговая палата, которая стремилась сохранять интересы русских промышленников [Гэн Ицзинь, 2023, с. 83–85].

Прибытие большого количества русских внесло изменения в **архитектурный** облик города. Прибывшие в Харбин россияне исповедывали различные религии: православие, старообрядчество, католичество, иудейство и др., но больше всего было православных людей. Поэтому вскоре русские эмигранты в Харбине построили в византийском стиле Свято-Никольский собор, Софийский собор, Свято-Алексеевскую церковь, храм Покрова Пресвятой Богородицы и др. [石方, 2003, с. 443]. Были также построены католические церкви и еврейские синагоги.

Строились также торговые и жилые здания в стилях барокко, ренессанса, ар-нуво. Наиболее представительными были здания магазина «Чурин и Ко», Еврейского национального (народного) банка и гостиницы «Модерн».

В начале XX века многие оперные и балетные труппы прибыли в Харбин и выступали на сценах городских театров. Эмигранты и китайцы слушали оперы «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Снегурочка»,

«Пиковая дама» и др., смотрели балетные спектакли «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Щелкунчик» и пр. В 20–40-е гг. XX века в Харбине существовала балетная школа, в котором работали Е. В. Квятковский, А. Н. Андреева и другие талантливые педагоги.

Управление КВЖД прилагали усилия по развитию всех ступеней **образования**. В начале XX века в Харбине были открыты первый детский сад, гимназия имени А. С. Пушкина, гимназия М. А. Оксаковской, гимназия имени М. С. Генерозовой, Харбинское мужское и женское коммерческое училище, полицейское училище, первое стоматологическое училище, медсестринское училище при центральной больнице КВЖД, Русско-Китайский политехнический институт, Харбинский юридический факультет и др. [Чэн Хунцзэ, 2014, с. 4–6].

В первой половине XX века в Харбине появились следующие газеты и журналы на русском языке: «Харбинский вестник», «Русский голос», «Новости жизни», «Русское слово», «Новая жизнь», «Заря», «Маньчжурия», «Вестник Азии», «Железнодорожная жизнь», «Друг юности», «Эхо», «Рубеж», «Даль», «Дальневосточный огонёк» и др. [石方, 2003, с. 300–316]. Возникли писательские объединения «Чураевка», «Круг поэтов», «Лотос», «Кольцо», Литературно-музыкальный кружок им. Николая Гумилева и др. Издавались книги писателей Н. А. Байкова, В. П. Петрова, А. Несмеловой, С. Амылова, В. Перелешина, Л. Хайндровой, А. П. Паркау и др. Были опубликованы сборники «Семеро», «В пути», «Звезда над морем» [Ду Цзяци, 2023, с. 214]. В ряде произведений отражается пересечение китайской и русской культуры, описание социальных отношений в эмиграции, местной природы и т. п. [Ду Цзяци, 2023, с. 213]. К таким книгам можно отнести «Китайские легенды» П. В. Шкурина, его же «Справочник по истории стран Дальнего востока», «Северная Маньчжурия» П. Н. Меньшикова и др. [石方, 2003, с. 345, 348]. В книгах писателей русской диаспоры Харбина отражаются результаты контактов между двумя народами в данном регионе [Пэй Цзяминь, 2020, с. 44].

После японской оккупации Маньчжурии и создания марионеточного государства Маньчжоу-го одни русские писатели-эмигранты решили переехать в Шанхай, другие приняли решение вернуться на родину или уехать в США, Австралию и другие страны, третьи продолжали жить в Харбине. С середины 1950-х гг. была новая волна переселения писателей в СССР и в страны Европы и Америки, после чего история литературы русского зарубежья в Харбине, продолжавшаяся более 50 лет, окончилась [荣洁, 2002, с. 45–46, 50].

Проживание русской эмиграции в Харбине оказывало влияние на повседневную жизнь города, это отразилось на стиле ношения одежды, способах отдыха и развлечений, пищевых привычках и пр. Раньше китайские девушки не носили платье, с прибытием русской эмиграции их стиль одежды изменился. В Харбине появились театры и кинотеатры. Были организованы спортивные состязания, проводилась так называемая Ледяная вечеринка, соревнования конников и пр. Русская кухня внесла изменения в структуру питания жителей города. Некоторые русские продукты, принесенные русской эмиграцией, остаются популярными в Харбине до сих пор: хлеб, квас, колбаса, борщ и т. д. [刘昱洁, 2019, с. 103–105].

Итак, развитие пограничной торговли, строительство КВЖД и появление большого количества русских переселенцев в Маньчжурии способствовали культурным контактам между двумя народами и формированию культурных центров на российско-китайском пограничье.

3.2. Художественные тексты писателей русской диаспоры в Харбине

Со строительством КВЖД и появлением русских переселенцев в Харбине в конце XIX – начале XX вв. в городе начала бурно развиваться культура. Художественные произведения русской эмигрантской литературы показывают жизнь города, историческую обстановку того времени, эмоциональные переживания авторов и их героев, отражают влияние межкультурных контактов на повседневную жизнь русских переселенцев и

местного населения в городе.

3.2.1. Исторический контекст и литературное развитие русской эмиграции в Харбине

Харбин был культурной столицей русской диаспоры Китая в начале XX века. Здесь бурно развивается издательское дело, по количеству газет и журналов он опережает многие русские города. Первой газетой в Харбине был «Харбинский лист ежедневных телеграмм и объявлений», который вышел в свет в 1901 году, в 1920-х гг. в Харбине появились журналы. К 1930-х гг. здесь выходило 120 газеты и 140 журналов, из них около 70 газет и 30 журналов были в той или иной степени связаны с литературой и искусством [荣洁, 2002, с. 45]. Результатом стала активная писательская деятельность в городе, что привело к развитию особого харбинского направления литературы русского зарубежья [Дин, 2019, с. 103].

Литература русского зарубежья в Харбине – это литература, написанная на русском языке русскими писателями, проживающими в этом городе с 1900-х г. по 1950-е годы. Жанры русской эмигрантской литературы в Харбине были разнообразными, здесь печатались романы, повести, рассказы, пьесы, стихи, дневники, мемуары, исторические биографии, детская литература и др. [王亚民, 2010, с. 102]. Литература русского зарубежья в Харбине подразделяется на три этапа. Первый этап начинается в конце XIX в. и завершается в середине 20-х гг. XX в. В это время занимались творчеством русские писатели-эмигранты старшего поколения: Н. А. Байков, А.П. Паркау и др.

Второй этап приходится на 1926–1935 гг. Этот период характеризуется расцветом литературной деятельности русских писателей-эмигрантов, связанным с открытием литературного клуба «Молодая Чураевка» в 1926 году. Главными мероприятиями «Молодой Чураевки» были еженедельные собрания и чтение докладов известных ученых и писателей-эмигрантов старшего поколения. Эти мероприятия способствовали обмену творческими идеями и развитию эстетических чувств у молодых писателей.

Третий этап охватывает 1936–1950 гг. Создание марионеточного правительства Маньчжоу-го под управлением Японии и продажа прав на управление КВЖД советским правительством властям Маньчжоу-го привели к прекращению деятельности многих учебных и научных учреждений, библиотек, культурных клубов в Харбине и вызвали массовый отъезд русских эмигрантов из Харбина на юг Китая, прежде всего в Шанхай, а также в Австралию, США, Европу. При таких сложных условиях некоторые писатели, чтобы сохранить литературную жизнь в Харбине, создали новые литературные клубы и кружки: литературный кружок имени августейшего поэта К. Р. (великого князя К. К. Романова) и др. Переехавшие в Шанхай Н. Светлов, В. П. Петров, М. В. Щербаков и другие русские писатели-эмигранты создали на новом месте клуб «Шанхайская Чураевка», Литературно-художественное содружество «Восток» и др. [苗惠, 2008, с. 140–141; 汪之城, 1993, с. 613–615].

3.2.2. Культурное взаимодействие и его отражение в русской эмигрантской литературе

В связи со строительством КВЖД и приездом в Харбин русских эмигрантов усилилось культурное взаимодействие между русскими и китайцами на фронтальной территории. Оно проявлялось во многих сферах жизни: в архитектуре, образе жизни, религиозной культуре, урбанонимах и эргонимах, культуре питания и т. п. Русский стиль занял ведущее место в архитектурном облике Харбин, здесь появились традиционные элементы русского зодчества: купола, колонны, фризy, барельефы, резные украшения и др. Поэтому Харбин отличается от других китайских городов своими зданиями, в городе соседствуют китайские традиционные здания с сооружениями в стиле барокко, классицизма, романтизма и др.

Урбанонимия Харбина периода русской эмиграции также сочетает русские и китайские названия: Хорватский проспект (ныне улица Чжушань), Михайловская улица (нынешняя улица Аньдин), Ломоносовская улица (нынешняя улица Линьсин), улица Гоголя, улица Модягоу, улица Чжэньянцзе

и др.

Культура питания и особенности повседневной жизни в районе КВЖД также являлись свидетелями культурного взаимодействия между двумя народами. Русские знакомились с китайскими реалиями, китайцы – с русскими, в результате в речи местного населения переплетались слова обоих языков: рус. гаолян, кит. 高粱 [gāo liáng], рус. платье, кит. 布拉吉 [bù lā jí], рус. квас, кит. 格瓦斯 [gé wǎ sī], рус. хлеб, кит. 列巴 [liè bā], рус. водка, кит. 伏特加 [fú tè jiā], рус. рубль, кит. 卢布 [lú bù] и др. [РККРС, 2001, с. 20, 94; КРС, с. 582; 胡博雅, 鲁刚, 2010, с. 43–44; 陈秋旭, 2020, с. 45; Мяо Хуэй, 2015, с. 129–131].

Все эти единицы находят отражение в русской эмигрантской литературе. Благодаря этому взаимодействию художественные тексты русской эмиграции в Харбине занимают особенное место в литературе русского зарубежья. Они являются ярким проявлением кросс-культуры, определяемой как «пересечение культур разных национальностей» [БАС-3, т. 8, с. 667].

В произведениях русских писателей Харбина нашли отражение следующие темы: тоска по родине, любовь ко второй родине, воспоминания о прошлом, надежды на новую любовь, природные и городские пейзажи Харбина и окрестностей, народная культура, жестокость войны, нападения банд в Маньчжурии и др. В текстах русской эмигрантской литературы в Харбине всё чаще встречаются китаизмы, которые передают особенности жизни русских эмигрантов и китайцев и местный колорит Маньчжурии. Таким образом, художественные тексты русской эмиграции в Харбине, с одной стороны, являются продолжением русской литературы Серебряного века, но благодаря использованию китаизмов, времени и месту их создания они, с другой стороны, стали проявлениями кросс-культуры и синтезом русско-китайской культуры. Использованные в них китаизмы являются не только их неотъемлемой частью, но и индикаторами культурной

гибридизации Харбина [王晓兰, 2013, с. 17–18; 王亚民, 2010, с. 102].

Одной из самых распространенных и центральных тем в произведениях русской эмиграции в Харбине является ностальгия, которая включает такие подтемы, как тоска по вечной России, события революции и Гражданской войны, воспоминание о детстве и юности, сравнение прошлого и настоящего и др. Многие произведения русских писателей-эмигрантов отражают тему ностальгии: «Последний лотос» В. Перелешина, «Русский Харбин» Е. П. Таскиной и др.

Е. П. Таскина – филолог, историк культуры российской эмиграции в Китае. Она родилась в 1926 году в Харбине, затем работала преподавателем русского и английского языков в Даляне и в Москве. После окончания педагогической деятельности в 1990-х г. Е. П. Таскина обратилась к литературному творчеству, стремясь в художественной форме отразить воспоминания о детстве и жизни в Харбине. К ее основным произведениям относятся «Русский Харбин», «Неизвестный Харбин» и др. [ТНХ; ТРХ]. В произведении «Русский Харбин», опираясь на воспоминания известных деятелей русской эмиграции Н. А. Байкова, Н. В. Устрялова и др. и на исторические материалы, автор показала повседневную и культурную жизнь Харбина.

Среди произведений русской эмиграции в Харбине, посвященных темам природы и народной культуры, следует упомянуть творчество известного русского писателя, натуралиста, члена Российского общества востоковедения в Харбине Н. А. Байкова. В 1901 году он был назначен на военную службу в Заамурский округ Пограничной стражи КВЖД. С детства у Н. Байкова был непреодолимый интерес к природе и путешествиям. Прибыв в Маньчжурию, он получил возможность проявить его. Н. А. Байков проводил экспедиции и участвовал в охоте в Восточно-Маньчжурском горном районе, где собирал материалы о местных животных и выполнял задания Императорской академии наук. В 1920–1930-х гг. он работал инспектором лесных концессий КВЖД, а позднее – сотрудником Музея Общества

изучения Маньчжурского края в Харбине. Н. Байков изучал экологическую ситуацию, местные традиции и охотничьи промыслы в Маньчжурии. На основе накопленных знаний он написал книги «Великий Ван» (1936), «Черный капитан» (1973), «В дебрях Маньчжурии» (1914), «Наша охота» (1914) и др. [Плостина, 1998, с. 109], в которых описал природу Маньчжурии и народную культуру, традиции, быт, обычаи и верования местных охотников. Природа Маньчжурии является неотъемлемой частью кросс-культурных контекстов в творчестве писателей русской эмиграции в Харбине.

Городский пейзаж в Харбине также занимает важное место в творчестве русских писателей диаспоры, так как в сложных исторических и политических условиях того времени город стал символом перемен и отражением социальных и культурных преобразований. Виктор Порфирьевич Петров (1907–2000) – известный русско-американский писатель, историк, один из организаторов литературного клуба «Чураевка» в Харбине и в Шанхае. В 1907 году он родился в Харбине, где получил образование на Харбинском юридическом факультете (самостоятельное учебное заведение). В. П. Петров познакомился здесь с русским поэтом-эмигрантом А. Несмеловым. В 1930–1940-х гг. В. П. Петров переехал в Шанхай, где, благодаря владению китайским, английским и немецким языками, устроился в торговую фирму. В это время он начинает литературное творчество. В связи с агрессией Японии в 1940-х гг. В. П. Петров переезжает в США, где продолжались своё литературное творчество. Он написал на английском и русском языках научные и художественные произведения, посвященные истории СССР и Китая: «Город на Сунгари», «Албазинцы в Китае», «В Маньчжурии» и др. В книге «Город на Сунгари» описываются городские пейзажи Харбина, изменение облика города, развитие торговли, образования и искусства, распространение православия в Харбине, отражение этнокультурного взаимодействия между русскими эмигрантами и китайцами в Харбине и др.

Ещё одной характеристикой творчества русской эмиграции в Харбине

является отражение кросс-культурных связей. Эти контакты проявлялись во многих сферах жизни Харбина [Гао, 2019, с. 55]. Под влиянием кросс-культурных обменов в городе распространились среди китайцев и русских православие, буддизм, конфуцианство и др. В одном и том же районе города соседствовали православные церкви, буддийские и конфуцианские храмы, местное китайское население знало русские обычаи и церковный календарь.

3.3. Лексические китаизмы в произведениях писателей русской диаспоры в Харбине

Кросс-культурные контакты чётко проявляются в произведениях представителей русской диаспоры в Харбине. В этих книгах обнаруживаются китайская ономастический лексика, апеллятивные китаизмы, что придаёт уникальность этим произведениям, помогает авторам отражать местный колорит в тексте. Рассмотрим эти китаизмы в произведениях русской эмигрантской литературы в Харбине, начав с онимов.

Антропонимы

Как ядро ономастического пространства и неотъемлемый элемент лингвокультуры, антропонимы отражают культурно-национальную специфику и передают историческую информацию [Супрун, 2000, с. 17]. Большинство произведений русской эмигрантской литературы в Харбине касается КВЖД и Харбина, поэтому и антропонимы, встречающиеся в них, тоже тесно связаны с этим двумя объектами:

1) Ли Хунчжан, 李鴻章 [lǐ hóng zhāng ‘величественный, правила’] (1823–1901) – сановник феодального Китая второй половины XIX в. В 1870 году он был назначен наместником столичной провинции Чжили, позже – членом цзунлиямыня (управление по иностранным делам). Этот деятель был назначен представителем с китайской стороны для подписания соглашения о строительстве КВЖД [БСЭ-2, т. 25, с. 298; 王维国, 2011, с. 292, 940; 王哲时, 1990, с. 44]: *Закулисное маневрирование и дипломатическая игра, предшествовавшие подписанию договора достаточно известны рядовому*

читателю, так же, как и имена главных действующих лиц этих международных интриг: *С. Витте – со стороны России и Ли Хун-чжана – со стороны Китая* [ВГС, 1987, с. 7];

2) Цюй Цюбо, 翟秋白 [qí qiū bái ‘осень, белый’] (1899–1935) – видный деятель Коммунистической партии Китая, писатель; он родился в семье учителя, в 1917–1920 гг. учился в Пекинском институте русского языка [БСЭ-2, т. 47, с. 7; 王维国, 2011, с. 10, 580]: *Так, в 1920 году известный в узких кругах маньчжурский журналист и прозаик Цюй Цюбо, путешествовавший с юга Китая в Россию через Харбин, описал свои впечатления от русской семьи в своей книге с весьма красноречивым названием Путешествие в голодную землю* [ГРХ, 2009, с. 42];

3) Юань Шикай, 袁世凯 [yuán shì kǎi ‘мир, триумфальный’] (1895–1916) – китайский политический деятель; за активное участие в подавлении народного Ихэтуаньского восстания он был назначен губернатором столичной провинции Чжили [БСЭ-2, т. 49, с. 296; 王维国, 2011, с. 398, 640]: *1912 г. Провозглашена официально Китайская республика; Юань Шикай избран президентом»* [ВДТВ, 1924, с. 74];

4) Фэн Юйсян, 冯玉祥 [féng yù xiáng ‘нефрит, счастье’] (1882–1948) – китайский политический и военный деятель, до революции 1911 служил в войсках Маньчжурской (Цинской) династии, после её свержения занимал последовательно должности командира полка, бригады, дивизии в войсках северокитайских милитаристов, в конце 1925 – начале 1926 г. войска Фэн Юйсян вели военные действия против мукденских милитаристов; в марте 1926 г. он вступил в Гоминьдан, являющийся тогда национально-революционной организацией, в том же году посетил Советский Союз [БСЭ-2, т. 46, с. 9; 王维国, 2011, с. 784, 906]: *Последний, на выгодных для себя условиях, ссудил как-то раз советских представителей слитками золота для финансирования военных операций между конфликтующими китайскими сторонами, когда генерал Фэн Юйсян*

согласился на сделку с коминтерновцами ввиду того, что маршал Чжан Цзолинь не предложил ему ожидаемого объема золота в обмен на вооруженную поддержку [ГРХ, 2009, с. 161].

Благодаря этим антропонимам, упоминающимся в произведениях русской эмигрантской литературы в Харбине, можно познакомиться со строительством КВЖД, событиям, происходившим вдоль железной дороги, и др. Эти имена становятся символами в истории создания и развития КВЖД и Харбина, помогают читателям узнать важные моменты в кросс-культуре.

Оронимы и гидронимы

Одной из главных тем творчества писателей русской диаспоры в Харбине является описание природы и народной культуры Харбина и Маньчжурии. Поэтому в текстах встречаются различные оронимы и гидронимы, посредством которых отражается природная ситуация, где в то время жили русские эмигранты:

1) хребет Чжангуанцайлин, 张广才岭 [zhāng guǎng cái lǐng] – название этого хребта происходит из маньчжурского языка и символизирует в китайском языке в иероглифах счастье и исполнение желаний; он расположен на северо-востоке Китая в системе Восточно-Маньчжурских гор, образует водораздел между реками Муданьцзян и Сунгари [БСЭ-2, т. 47, с. 347; 张佳生, 2011, с. 173; 白英, 2021, с. 84; 于龙, 2011, с. 45]: *С первыми летними днями сразу как-то ожили леса и горы, непроходимые маньчжурские трющобы и глубокие ущелья в непролазных отрогах Большого Хингана или Чжангуанцайлиня... странная, малознакомая жизнь в тех густых, почти неисследованных местах...»* [ВГС, 1987, с. 91];

2) гора Лаоэлинь / Лаолинь, 老爷岭 [lǎo yé lǐng] / 老岭 [lǎo lǐng] – этот горный хребет в Восточно-Маньчжурских горах находится на северо-востоке Китая; его название было заимствовано из маньчжурского языка от слов lamun weiji, обозначающих ‘лес, полный дикорастущих съедобных растений’ [БСЭ-2, т. 24, с. 287; 张佳生, 2011, с. 169]: *Урожай желудей и орехов был*

обильным, и кабаны держались в дубняках предгорий **Лаолина**, группируясь в некоторых местах многочисленными стадами в несколько сот голов [БВВ, 2009, с. 93]; Яркое маньчжурское солнце скрывалось за лесистыми **хребтами Лаолина** и в темно-синих небесах загорались искристые звезды [БЧК, 1959, с. 73];

3) гора Байтоушань, 白头山 [bái tóu shān] / 长白山 [cháng bái shān] – другое название горы **Чанбайшань**, которое распространено среди корейцев; это потухший вулкан, наиболее высокая вершина горной системы на границе Китая и Кореи, корейское название **Пектусан** обозначает ‘белоголовая гора’ [БСЭ-2, т. 4, с. 57; 金东勋, 1990, с. 67]: *Отец его, великолепный корейский тигр, умер от старости на вершине священной горе **Байтоушань** (по-корейски **Пектусан**), в пещере великого духа Дракона* [БВВ, 2009, с. 94];

4) гора Маоэршань, 帽儿山 [mào ér shān ‘шапка’] – расположена в южной части провинции Хэйлуунцзян в 5 км от вокзала Маоэршань [王维国, 2011, с. 477]: *Переночевав на посту заамурцев, рано утром, чуть свет, мы двинулись на север, где в вышине голубого неба ярко горела в лучах восходящего солнца вершина **Маоэршани*** [БЧК, 1959, с. 110];

5) река Ляохэ, 辽河 [liáo hé ‘широкий, река’] – река на северо-востоке Китая в автономном районе Внутренняя Монголия, провинциях Хэбэй, Цзилинь, Ляонин [БСЭ-2, т. 25, с. 582; 王维国, 2011, с. 444]: *По легендам китайцев, Хинганский горный хребет – это каменный остов дракона, голова которого упирается в Амур, а хвост оканчивается у устья **реки Ляохэ*** [БВВ, 2009, с. 22];

6) река Ялуцзян / река Ялу, 鸭绿江 [yā lù jiāng] – название данной реки заимствовано из маньчжурского языка и связано с тем, что цвет ее воды напоминает перья на голове утки; река на востоке Азии, пограничная между Китаем и Кореей [БСЭ-2, т. 49, с. 554; 李翔, 2009, с. 64]: *Так много создано художником чудных картин природы, что нет возможности перечислить их все, а потому ограничусь небольшим перечнем: «Поселок Барим», «Осенний*

убор», «Жатва», «Речушка в тайге», «Река Белая», «Охотник в горах Барима», «После дождей», «Лошади на отдыхе», «Река Ялу Барима», «Крестовский остров», «Заброшенный уголок», «Утро», «К вечеру на Сунгари», «Тихий день», «Китайская шаланда», «Русский пейзаж», «Лунная ночь», «Тихая обитель», «Сжатое поле», «Калитка», «Солнечный день», «Соловьевская протока», «Утро на Сунгари», «Берег у яхт-клуба» и многие другие [ГРХ, 1998, с. 217];

7) озеро Цзиньбоху, 镜泊湖 [jìng bó hú ‘зеркало, спокойный, озеро’] – озеро в северо-востоке Китая в провинции Хэйлунцзян, оно является самым большим по площади вулканическим озером в Китае [БСЭ-2, т. 46, с. 588; 王维国, 2011, с. 44, 296, 379; 傅淑芳, 1997, с. 14]: *Под его руководством велись раскопки древних поселений в Байчэне и Дунцичэне, и одновременно с этим был открыт целый ряд памятников эпохи неолита и палеометалла на озере Цзиньбоху* [ГРХ, 2009, с. 80];

8) река Ашихэ, 阿什河 [ā shí hé] – протекает в провинции Хэйлунцзян, правый приток Сунгари; название данной реки происходит из маньчжурского языка и обозначается ‘фланг’, что указывает на её место в системе притоков реки Сунгари [Нестеров, 2024, с. 46–48; 黄锡惠, 1985, с. 59]: *Место под будущее поселение строителей было выбрано Шидловским в своеобразном треугольнике между трассой КВЖД, рекой Сунгари и ее притоком Ашихэ* [ГРХ, 2009, с. 25];

9) река Вампу / Хуанпу, 黄浦江 [huáng pǔ jiāng ‘желтый, набережная’] – правый приток реки Янцзы, ее протяженность составляет 111,8 км [БСЭ-2, т. 6, с. 595; 王维国, 2011, с. 307, 545; 陶康华, 2008, с. 84]: *На реке Вампу вновь появились американские, английские, французские и итальянские корабли* [ГРХ, 1998, с. 156].

Большинство оронимов и гидронимов, упоминающихся в произведениях русской эмигрантской литературы в Харбине, относится к Маньчжурии и восточному Китаю. Их использование не только отражает

географию региона, но и совпадает с маршрутами переселения русских эмигрантов из Харбина в Шанхай – другой важный центр диаспоры в Китае.

Хоронимы и астионимы

Произведения русской эмигрантской литературы в Харбине не только посвящены описанию природы Маньчжурии, но и отражают изменения в городах вдоль железной дороги, вызванные строительством КВЖД, а также сообщают об исторических событиях в Китае. В текстах часто встречаются многие хоронимы и астионимы, которые помогают воссоздать исторический контекст эпохи:

1) Харбин, 哈尔滨 [hā ěr bīn] – город на северо-востоке Китая, административный центр провинции Хэйлуунцзян, важный транспортный узел КВЖД и центр русской диаспоры в Китае в первой половине XX века [БСЭ-2, т. 46, с. 71]: *Город Харбин, построенный на стыке железных дорог и широкой, величественной реки Сунгари, в самом центре богатой, черноземной маньчжурской равнины, стал расти со сказочной быстротой* [ВГС, 1987, с. 8];

2) Маньчжурия, 满洲里 [mǎn zhōu lǐ] – этот город и территория получили название благодаря тому, что с эксплуатацией КВЖД станция Маньчжурия стала первой станцией на северо-востоке Китая, которая соединила КВЖД с Транссибирской магистралью, именно поэтому название станции со временем превратилось в хороним, а с 1930-х гг. и в астионим [景爱, 1981, с. 146]: *Эта вновь построенная железная дорога, пересекавшая всю Маньчжурию с запада на восток, с ответвлением от Харбина на юг, до Порт-Артура, стала называться Китайской Восточной железной дорогой* [ВГС, 1987, с. 7];

3) Далянь / Дальний / Дайрен, 大连 [dà lián] – город и порт на северо-востоке Китая, расположен на Ляодунском полуострове у выхода Китайской Чанчуньской железной дороги к Жёлтому морю, важный транспортный узел Южно-Маньчжурской железной дороги, основан в 1898

году на месте китайского рыбацкого посёлка Циннива на берегу залива Даляньван, по созвучию с которым получил русское название, в японской транскрипции – Дайрен [БСЭ-2, т. 13, с. 317; Верещагин, 1903]: *На следующий день, вечером, нам предстояло выехать ночным скорым поездом в город Далянь (в прошлом Дайрен – Дальний)* [ВГС, 1987, с. 70];

4) Мукден, 穆克敦 [mù kè dūn], прежнее название также Фэнтянь 奉天 [fèng tiān], ныне Шэньян, 沈阳 [shěng yáng] – город на северо-востоке Китая [БСЭ-2, т. 28, с. 538]: *Менее чем через месяц после захвата в Мукдене было объявлено о создании нового государства Маньчжоу-Ди-Го* [ГРХ, 2009, с. 177];

5) Шаньхайгуань, 山海关 [shān hǎi guān] – город в Китае в провинции Хэбэй, расположен у Шаньхайгуаньского горного прохода [БСЭ-2, т. 47, с. 524]: *Доходил 1920 год, исполнялось всего девять лет со времени падения монархической династии Цинов, но было уже заметно, что развитие этой провинции Маньчжурии в Харбине сильно отличалось от уклада собственно Китая, т. е. территории к югу от Великой стены, на протяжении уже 2000 лет идущей от Шаньхайгуаня до Тибета* [ГРХ, 1998, с. 13];

6) Шанхай, 上海 [shàng hǎi] – промышленный, торговый и транспортный центр страны, один из крупнейших городов мира, второй центр русской диаспоры в Китае в первой половине XX века [ВГС, 1987, с. 36]: *Наступили невыносимые условия жизни. Русские стали массами покидать насиженные места и уезжать на юг, главным образом в Шанхай, под защиту иностранных концессий* [ВГС, 1987, с. 36];

7) Чунцин, 重庆 [chóng qìng] – город центрального подчинения в Китае, с 1936 г. по 1946 г. был временной столицей страны [БСЭ-2, т. 47, с. 480]: *Упорно стали ходить слухи, что Степкин отряд – не хунхузы, а партизаны, подчинявшиеся национальному правительству в Чунцине, но в это время, когда все смешалось, когда никто не знал, кто друг и кто враг, трудно было проверить справедливость слухов* [ВГС, 1987, с. 194];

8) провинция Хэйлуцзян, 黑龙江省 [hēi lóng jiāng shěng] – самая северная территория в стране, на значительном протяжении граничит с Россией; Нанкин, 南京 [nán jīng] – административный центр провинции Цзянсу на северо-востоке Китая [БСЭ-2, т. 29, с. 100, т. 24, с. 424]: *Ибо архив КВЖД находится в партархиве провинции Хэйлуцзян, а часть его в партархиве Нанкина* [ГРХ, 2009, с. 233];

9) Хэфэй, 合肥 [hé féi] – административный центр провинции Аньхой [БСЭ-2, т. 46, с. 429]: *Мне привелось в разное время ставить множество танцев в клубах Узла, Чурунском, а также преподавать балет в китайских учреждениях – в академии Лу Синь, Институте оперы и балета Харбина и позднее – в институте г. Хэфэй и в Пекине в Центральном ансамбле* [ГРХ, 1998, с. 166];

10) Жехэ, 热河省 [rè hé shěng] – провинция в северо-востоке Китая; административная единица была создана в 1928 году для стабилизации обстановки в приграничном регионе, однако по мере нормализации международных контактов в приграничье в июле 1955 года была упразднена, ее территория разделена между автономным районом Внутренняя Монголия и провинциями Хэбэй и Ляонин [БСЭ-2, т. 16, с. 256; 管理, 2013, с. 118–119]: *Именно это бюро направляло русских молодых людей в Монголию, Ча-хар и Жехэ в помощь японским властям в качестве переводчиков и даже разведчиков* [ГРХ, 2009, с. 188];

11) Ханьдаохэцзы, 横道河子 [héng dào hé zǐ] – пристанционный посёлок, возникший во время строительства КВЖД [白英, 2021, с. 84]: *Многие железнодорожные служащие жили и работали в Ханьдаохэцзы с самого начала постройки Китайской Восточной железной дороги* [ВГС, 1987, с. 208].

Указанные хоронимы и астионимы в художественных текстах позволяют познакомиться с историческими событиями, происходившими на фронтальной территории, включая влияние строительства КВЖД на развитии

городов в северном Китае, создание японцами марионеточного правительства Маньчжоу-го, адаптацию русских эмигрантов в разных городах Китая, их массовое переселение из Харбина в Шанхай и т. п.

Дромотопонимы

В результате строительства КВЖД появились многие новые железнодорожные станции на северо-востоке Китая: Ханьдаохэцзы, Сяо-Суйфын, Маоэршань, Имяньпо и др. [Цзян Синьхао, 2025, с. 65]. Эти дромотопонимы встречаются в произведениях писателей русской диаспоры в Харбине, они помогают воссоздать схему КВЖД, показывают изменения в повседневной жизни китайцев и русских, вызванные строительством КВЖД: *Солнце поднялось уже высоко в ярком голубом небе когда сотня двинулась к себе домой, на север, к станции Сяо-Суйфын* [БЧК, 1959, с. 122]; *Подобными же деповскими станциями, "Харбином в миниатюре", были станции Имяньпо, Мулин, Пограничная – на восточной линии; Аньда, Цицикар, Бухэду, Хайлар, Маньчжурия – на западе; Шуанченцу, Таолайчжоу, Яомынь, Куанченцзы – на юге. Все они были культурными сателлитами Харбина и рассадниками русской культуры и влияния на Дальнем Востоке – в Маньчжурии* [ВГС, 1987, с. 210]; *Как и во всех крупных центрах русского расселения, на станции Ханьдаохэцзы была обширная спортивная арена, где можно было заниматься спортом круглый год* [ВГС, 1987, с. 207]; *По окончании охоты туши тигров были проданы китайцам на лекарства за 500 рублей, и на эти деньги был заказан прекрасный резной киот к сотенному образу, а шкуры были преподнесены Алатаевым своим дамам сердца, как он говорил сам, а именно: шкура самки была послана в Петербург жене Ксении Михайловне, а шкура тигра на станцию Маоэршань, супружеской чете Франк* [БЧК, 1959, с. 50]; *Строились храмы и на железнодорожной линии - Свято-Николаевский на станции Эхо, Спасо-Преображенский на станции Лаошагоу, Свято-георгиевский на станции Хайлин, Свято-Троицкий на станции Шитоухэцзы и Свято-Владимирский на станции Яомынь* [ГРХ, 2009, с. 120].

Некоторые дромотопонимы и образованные от них астионимы находят частотное употребление в текстах русских писателей Харбина. Приведём данные о наиболее часто встречающихся в текстах названиях (см. табл. 7, данные о станциях с частотой употребления менее 5 в таблицу не включены).

Таблица 7. Дромотопонимы в произведениях писателей русской диаспоры в Харбине

Дромотопонимы	Частотность
Станция Ханьдаохэцзы, 横道河子站 [héng dào hé zǐ zhàn]	45
Станция Сяосуйфын, 小绥芬站 [xiǎo suí fēn zhàn]	34
Станция Имяньпо, 一面坡站 [yī miàn pō zhàn]	24
Станция Суйфэньхэ / Пограничная, 绥芬河站 [suí fēn hé zhàn]	17
Станция Маоэршань, 帽儿山站 [mào ér shān zhàn]	15
Станция Уцзимихэ, 乌吉密河站 [wū jí mì hé zhàn]	14
Станция Хайлин, 海林站 [hǎi lín zhàn]	7
Станция Хайлар, 海拉尔站 [hǎi lā ěr zhàn]	6
Станция Даймагоу, 代马沟站 [dài mǎ gōu zhàn]	5
Станция Шитоухэцзы, 石头河子站 [shí tóu hé zǐ zhàn]	5

Название станции Ханьдаохэцзы, 横道河子站 [héng dào hé zǐ zhàn] является самым частотным среди дромотопонимов КВЖД, повторяется в текстах 45 раз. По мере строительства КВЖД около станции Ханьдаохэцзы возник одноимённый пристанционный посёлок, в котором появилась больница, церковь, спортивная арена и другие сооружения для нормальной жизни населения. При этом в текстах дромотопоним и одноимённый астионим нередко употребляются параллельно, не разводятся, в лингвосознании носителей русского языка фронтальной территории, отражённом в художественных текстах, станция и посёлок существуют как единое целое: *Он обещал побывать у своей сестры Марии, работавшей*

младшим врачом *железнодорожной больницы* на большой деповской станции Ханьдаохэцзы [ВГС, 1987, с. 143]. Как и во всех крупных центрах русского расселения, на станции Ханьдаохэцзы была обширная *спортивная арена*, где можно было заниматься спортом круглый год [ВГС, 1987, с. 207]. После молебна в *церкви* станции Ханьдаохэцзы был парад войскам всего гарнизона на площади перед вокзалом, причем командир бригады, полковник Пальчевский, прозванный за свою бороду Черномором, пропуская мимо себя конную сотню, роту и штабную команду, поздравил их с праздником и провозгласил ура в честь Государя [ВЧК, 1959, с. 62].

Эргонимы и экклезионимы

С началом эксплуатации КВЖД и увеличением числа русских эмигрантов в Харбине быстро росло и количество торговых, культурных и религиозных контактов между двумя народами, что оставило свой след в произведениях русской эмигрантской литературы в Харбине:

1) монастырь Цзи Лэсы, 极乐寺 [jí lè sì ‘крайность, радость’] – один из четырёх известных крупнейших буддийских монастырей на северо-востоке Китая, был основан в 1924 году; находится в районе Наньган города Харбина, его площадь составляет 27,5 тысяч квадратных метров [王维国, 2011, с. 325, 428; 龚强, 2011, с. 31]: *Но я иду все дальше – мимо католического костела, мимо буддийского храма и монастыря Цзи Лэсы – к Успенскому кладбищу, где похоронены мои деды...; Цзи Лэсы в переводе означает храм беспредельного счастья, это самый большой буддийский монастырь в Северной Маньчжурии* [ТРХ, 1998, с. 35, 214];

2) храм Конфуция, 文庙 [wén miào ‘культура, храм’] – храм Конфуция в Харбине является крупнейшим на северо-востоке Китая и третьим по величине храмом Конфуция в стране по занимаемой площади, расположен в районе Наньган города Харбина на территории нынешнего Харбинского инженерского университета; он был построен в 1926 году, занимает площадь в 23 тысячи квадратных метров [王维国, 2011, с. 490, 744; 王永祥, 1981, с. 2;

龚强, 2011, с. 31]: *М. М. Лобанов создал ряд прекрасных картин с китайскими храмами, например с буддийским храмом Цзи Лэсы и храмом Конфуция в Новом городе* [ТРХ, 1998, с. 214];

3) фирма «Тун Фалун», 同发隆百货 [tóng fā lóng bǎi huò ‘совместный, развиваться, процветание’] – одна из важных торговых структур в Харбине, начала деятельность в январе 1929 года [王维国, 2011, с. 183, 456, 704]: *Знаменитая фирма Тун Фалун благополучно существовала, несмотря на мощную сеть фабрик и отделений акционерного общества И. Я. Чуриной и Ко, а также и зарубежных фирм, которых в Харбине до середины 30-х годов было немало* [ТРХ, 1998, с. 37];

4) Академия изящных искусств Лу Синя, 鲁迅美术学院 [lǔ xùn měi shù xié yuàn] – ведущее высшее учебное заведение Китая художественного профиля, основана в 1939 году в Яньане как Институт искусств и последовательно перемещалась в Цицикар, Цзямусы и другие города; в связи с изменением международной обстановки академия переместилась в Харбин в 1950 году, ее отделение живописи разместилось на Центральной улице в доме №3; после построения нового университетского городка в Шэньяне в октябре 1952 года академия снова вернулась в этот город и получила современное название [张岩岩, 2013, с. 301]: *Мне привелось в разное время ставить множество танцев в клубах Узла, Чуриновском, а также преподавать балет в китайских учреждениях – в академии Лу Синя, Институте оперы и балета Харбина и позднее – в институте г. Хэфэй и в Пекине в Центральном ансамбле* [ТРХ, 1998, с. 166].

Эти эргонимы и экклезионимы свидетельствуют об активных экономических, культурных и религиозных контактах между двумя народами, о наличии в городе и окрестностях храмов и монастырей православия, буддизма, даосизма и др., что свидетельствует о большом влиянии железной дороги на жизнь северо-восточного Китая.

Хрононимы

Русские переселенцы в Маньчжурии проявляли интерес к истории новой для них территории. В ходе строительства железной дороги и при проведении экспедиций по региону они сталкивались с историческими памятниками, свидетельствующими о богатом прошлом фронта, что нашло отражение в текстах художественных произведений:

1) культура Байцзиньбао, 白金宝文化 [bái jīn bǎo wén huà] – своё название она получила по одноименному археологическому памятнику, расположенному на месте слияния рек Нэньцзян и Сунгари рядом с поселком Байцзиньбао в 50 километрах к западу от города Дацин уезда Чжаоюань провинции Хэйлунцзян; этот памятник является классическим образцом культуры бронзового века, которая существовала в период от начала правления династии Западная Чжоу до конца правления династии Чуньцю (1046–476 гг. до н. э.) [李学明, 2019, с. 101; 应瑾滢, 2024, с. 133]: *В середине 1930-х Поносовым были проведены исследования в районе ст. Сунгари и в районе Барги. В первой половине 1940-х он первым из исследователей археологии Маньчжурии обнаружил памятники культуры эпохи бронзы. В наши дни эти памятники объединены общим названием «культуры Байцзиньбао»* [ГРХ, 2009, с. 80];

2) культура эпохи неолита и палеолита на озере Цзиньбоху, 莺歌岭文化 [yīng gē líng wén huà] – данная культура названа по одноименному археологическому памятнику, расположенному на восточном берегу южной части озера Цзиньбоху на территории города Нинъань провинции Хэйлунцзян; он был обнаружен и описан археологической группой музея провинции Хэйлунцзян в 1963 году и разделен на два культурных слоя: нижний и верхний, время существования которых составляет более 5000 и более 3000 лет назад соответственно [杨海鹏, 2011, с. 43; 王禹浪, 2016, с. 35]: *Под его руководством велись раскопки древних поселений в Байчэне и Дуницичэне, и одновременно с этим был открыт целый ряд памятников эпохи неолита и палеометалла на озере Цзиньбоху* [ГРХ, 2009, с. 80].

Эти хрононимы стали важным свидетельством богатой древней истории Маньчжурии и способствовали развитию археологических исследований в регионе.

Названия исторических государств и девизы правления

Русские эмигранты начали переселяться в Харбин на фоне глубокого кризиса династии Цин в Китае, вызванного последствиями Опиумной войны (1840–1860), развитием *Движения самоусиления*, или Движения по усвоению заморских дел (1861–1895), началом экспансии и ограбления ресурсов Китая западными державами и Японией и др. [石方, 2003, с. 8–25]. В произведениях писателей русской диаспоры в Харбине часто упоминается государство Маньчжоу-го, 伪满洲国 [wěi mǎn zhōu guó]. Оно было создано японскими империалистами в 1932 году для маскировки оккупации северо-восточного Китая и использования богатых природных, сельскохозяйственных, минеральных ресурсов региона и всей агрессивной деятельности японских империалистов [БСЭ-2, т. 26, с. 217; 李亮, 2015, с. 39]: *Северная Маньчжурия была занята японскими войсками, и наступило владычество японской военицины, под разным вывесками и соусами, главным образом, под видом независимого государства Маньчжоу-го* [ВГС, 1987, с. 36].

Последний император династии Цин Айсиньгёро Пуи, 爱新觉罗·溥仪 [ài xīn jué luó · pǔ yí] стал орудием японской агрессии, он был назначен японцами главой марионеточного режима. Во время правления Пуи было два девиза правления: 1) Сюаньтун, 宣统 [xuān tǒng ‘всеобщий, объединение’] – этот девиз выражал надежду на продолжение династии; Кандэ 康德 [kāng dé] – два иероглифа этого девиза были выбраны из девизов императоров Канси и Гуансюй, которых Пуи считал для себя примером (данный девиз не признан в современном Китае) [БСЭ-2, т. 35, с. 480; 王维国, 2011, с. 707, 825; 冯天瑜, 2016, с. 28–29; Ткачёва, 2019, с. 298–300; 李学成, 2013, с. 81]: *В обстановке общего упадка правосознания русские судебные консультанты в Харбине продолжили администрации пересмотреть широко используемое китайское*

уголовное право, составленное еще в середине XIX века, в царствовании императора *Сюаньтун*; Через два года его преобразовали в Маньчжурскую империю, а Пуи стал императором. Было введено даже новое летосчисление *Кандэ*, в соответствии с которым отсчет времени производился от года восшествия на престол *императора Пуи* [ГРХ, 1998, с. 42].

Эти ономастические китаизмы в произведениях писателей русской диаспоры в Харбине позволяют увидеть, в какой политической ситуации жили русские эмигранты на фронтирной территории и как в их языках отражались результаты культурно-языковых контактов с местным населением.

Варваризмы и экзотизмы

По мере углубления контактов между русскими и китайцами и развития российско-китайского языкового взаимодействия в текстах русских писателей диаспоры появлялись китайские заимствования, которые чаще всего использовались в повседневном общении русских эмигрантов с местным населением, а иногда и между собой.

Варваризмы

1) чифан, 吃饭 [chī fàn ‘есть / кушать’] [王维国, 2011, с. 85]: *Из этих двух слов одно было понято ошибочно: харбинские прозаики искренне полагали, что «чифан» это имя существительное «еда», тогда как китайское слово «чифань» это глагол* [ГРХ, 2009, с. 44];

2) хо, 好 [hǎo ‘хорошо’]; пухо, 不好 [bù hǎo ‘плохо’]; цо, 错 [cuò ‘ошибаться’] [王维国, 2011, с. 46, 117, 280]: *Хунхузы, ожидающие своей очереди, смотрят, как летят головы их товарищей и если взмах меча удачен, кричат в один голос **хо!** То-есть хорошо! Если же голова не отсечена сразу, то вся толпа зрителей кричат громко **пу хо!** То-есть нехорошо. В этом случае палач нервничает и в свое оправдание выкрикивает **цо!** То-есть ошибся* [БЧК, 1959, с. 60];

3) пэню, 朋友 [péng yǒu ‘друг’] [王维国, 2011, с. 531]: *Харитон радостно*

подошел к нему и тепло поздоровался с Ли, как со своим старым **Пэн-ю (друг)** [ВГС, 1987, с. 204];

4) яньцзин, 眼镜 [yǎn jìng ‘очки’] [王维国, 2011, с. 842]: *Этот псевдоним ему особенно дорог, ведь местные китайцы называли его **яньцзин**, т. е. очки* [БВВ, 2009, с. 42].

Экзотизмы

Бытовая лексика и названия людей:

1) гаолян, 高粱 [gāo liáng] – однолетнее крупное засухоустойчивое зерновое и кормовое растение, разновидность проса; распространено в Китае, откуда вывезено в Европу и Америку [БАС-1, т. 3, с. 34; 王维国, 2011, с. 232]: *Нападавшие не ожидали такого отпора и быстро рассеялись в поле высокого **гаоляна*** [ВГС, 1987, с. 157];

2) лама, 喇嘛 [lǎ ma] – буддийский монах в Тибете и Монголии [БСЭ-2, т. 24, с. 249]: *Это бумажки с заговором раздавались партизанам их **ламами** (китайские священники) с весьма сложным ритуалом и гарантией, что каждый боец, получивший такое заклинание, проглотив бумажку делался заговоренным и ему больше не угрожали ни штыки, ни пули...* [ВГС, 1987, с. 102];

3) хунхузы, 红胡子 [hóng hú zi ‘красный, борода’] – участники вооруженных банд, действовавших в северо-восточном Китае с середины XIX века до победы народной революции в Китае, красили бороды в красный цвет [БСЭ-2, т. 46, с. 415; 王维国, 2011, с. 290, 296]: *Хотя ходят слухи, что на востоке, за **Имяньпо**, последнее время стали **хунхузы** пошаливать, нападают на железнодорожные поселки..., слышал, что ограбили Вейшахэ и **Шитоухэцзы*** [ВГС, 1987, с. 151];

4) улы, 靺鞨鞋 [wù la xié]; 乌拉鞋 [wū lā xié] – название традиционной зимней обуви, популярной в регионах северо-востока и Внутренней Монголии Китая, заимствовано из маньчжурского языка; этот вид обуви изготавливается из кожи разных животных (бык, свинья, рыба, олень и др.) и

утепляется внутри осокой Мейера [朗琅, 2018, с. 6]: *Одеты они были прекрасно: в новые куртки синего цвета и на ногах крепкие улы из свиной кожи* [БЧК, 1959, с. 87].

Единицы традиционной китайской системы мер длины, веса, поверхностей и объёма

Традиционная китайская система мер и весов берет своё начало с династий Шан и Чжоу (1600–256 гг. до н. э.), ее современная систематизация произошла после объединения шести государств Цинь Шихуаном. В конце эпохи династии Западной Хань на основе системы мер и весов династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) канонист, астроном и математик Лю Синь создал первую полную систему мер и весов в Китае. В зависимости от различных реалий и событий каждая последующая династия вносила в неё некоторые изменения. Например, единица длины 尺 *чи* в разные периоды соответствовала разным размерам: в династии Шан (1600–1046 гг. до н.э.) 1 чи $\approx$ 16 см, в династии Сун (960–1279 гг.) $\approx$ 31 см, в династии Цин (1636–1912 гг.) $\approx$ 32 см. Учитывая историческую и политическую ситуацию, можно предположить, что переселенцы, жившие на российско-китайском пограничье, употребляли систему мер и весов, принятую в династии Цин (см. табл. 8): [ВДТВ, 1924, с. 52–53; Гуань Хаоюань, 2024, с. 117–119; 郑颖, 2025, с. 50; 郑颖, 2025, с. 56; 郑颖, 2025, с. 55; 邱隆, 2006, с. 46; 江洪, 2002, с. 79].

Таблица 8. Единицы традиционной китайской системы мер длины, веса, поверхностей и объёма

Единицы традиционной китайской системы длины	Перевод на метрические меры
Ли, 里 [lǐ]	$\approx$ 576,33 м
Чжан, 丈 [zhàng]	$\approx$ 3,2 м
Чи, 尺 [chǐ]	$\approx$ 0,32 м

Цунь, 寸 [cùn]	≈ 0,032 м
Фынь, 分 [fēn]	≈ 0,0032 м
Ли, 厘 [lí]	≈ 0,00032 м
Единицы традиционной китайской системы поверхностей	Перевод в единицы измерения площади
Фан ли, 方里 [fāng lǐ]	≈ 331776 м ²
Шан, 垧 [shǎng]	≈ 6144 м ²
Му, 亩 [mǔ]	≈ 614, 4 м ²
Единицы традиционной китайской системы веса	Перевод на килограммовые меры
Дань, 石 [dàn]	≈ 50 кг
Цзин, 斤 [jīn]	0,5–0,6 кг
Лян, 两 [liǎng]	0,037–0,05 кг
Цянь, 钱 [qián]	≈ 0,0037 кг
Ли, 厘 [lí]	≈ 0,00037 кг
Сы, 丝 [sī]	≈ 0,000037 кг
Единицы традиционной китайской системы мер жидких и сыпучих тел	Перевод на литровые меры
Доу, 斗 [dǒu]	≈ 10 л
Шэн, 升 [shēng]	1–1,035 л

Культурная лексика:

«Лисао», «离骚» [lí sāo] – это произведение занимает центральное место в поэтическом наследии великого китайского поэта Цюй Юаня, в нем поэт печалится о своей несчастной судьбе, выражает возмущение несправедливостью, царящей в мире, зовет людей к правде и добру;

«Даодэцзин», «Дао Дэ Цзин», «道德经» [dào dé jīng] – главный литературный памятник даосизма. Согласно его содержанию, реальный мир и

жизнь людей в обществе подчинены определенному естественному пути дао, означающему всеобщий закон движения и изменения мира.

Эти два китайских классических произведения были переведены на русский язык В. Ф. Перелешиним и опубликованы в 1975 и 1994 годах соответственно: *Его переводы классической китайской поэмы «Ли Сао» и древнего китайского философского труда «Дао Дэ Цзин» были выполнены через много лет после того, как поэт отбыл из Китая* [ГРХ, 2009, с. 44; БСЭ-2, т. 47, с. 10, БСЭ-2, т. 13, с. 365; 赵婷, 2011, с. 89].

Вышеупомянутые варваризмы и экзотизмы свидетельствуют о результатах культурных контактов между двумя народами в данном фронтальном регионе. Живущие в Харбине люди разных профессий и уровня образования включают в свою речь китайские онимы и китаизмы, а писатели фиксируют эти заимствования в своих произведениях.

3.4. Русская ономастическая лексика в текстах русской диаспоры в Харбине

Для точного исследования языковой ситуации в русскоязычной диаспоре Харбина следует рассмотреть не только китайские, но и русские ономастические лексемы, относящиеся к деятелям русской истории, решения которых имели влияние на развитие русско-китайских отношений, к представителям русской диаспоры в Маньчжурии, к русским названиям храмов и иных зданий, сооружённых в Харбине, названиям предприятий и учреждений, принадлежащих или основанных русскими на этой фронтальной территории и мн. др. Все эти имена собственные встречаются в произведениях писателей русского зарубежья в Китае, без их анализа представления о лингвокультурной ситуации диаспоры фронта и понимание содержания художественных текстов не будет полным.

Антропонимы

В произведениях русской эмигрантской литературы в Харбине упоминаются многие антропонимы исторических личностей и

представителей эмиграции:

1) Александр II (1818–1881) – русский император (1855–1881), старший сын императора Николая I; в период царствования Александра II в состав Российской империи были включены земли Дальнего Востока; Александр Михайлович Горчаков (1798–1883) – князь, крупный русский дипломат XIX века, министр иностранных дел России и государственный канцлер [БСЭ-2, т. 2, с. 72, БСЭ-2, т. 12, с. 236]: *А глава министерства, светлейший князь Александр Михайлович Горчаков неоднократно беседовал с государем императором Александром II о насущной для империи потребности следовать в русле общемировой политики на Дальнем Востоке* [ГРХ, 2009, с. 105];

2) Николай II (1868–1918) – последний русский император (1894–1917), старший сын Александра III: *В ходе долгой подготовительной работы над утвержденным проектом, и с учетом новых, дополнительных данных, присланных в министерство с Дальнего востока, Николаю II был предложен уже дополненный и доработанный план* [ГРХ, 2009, с. 109; БСЭ-2, т. 30, с. 109];

3) Сергей Юльевич Витте (1849–1915) – государственный деятель XIX – начала XX вв., убежденный сторонник самодержавия, стремившийся сохранить монархию путем незначительных уступок и обещаний либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу, он от имени России подписал договор о строительстве КВЖД: *Закулисное маневрирование и дипломатическая игра, предшествовавшие подписанию договора достаточно известны рядовому читателю, так же, как и имена главных действующих лиц этих международных интриг: С. Витте – со стороны России и Ли Хун-чжана – со стороны Китая* [ВГС, 1987, с. 107; БСЭ-2, т. 30, с. 109];

4) Адам Иванович (Янович) Шидловский (1860–1916) – строитель российских железных дорог, в 1897 году был назначен главным инженером постройки Китайской Восточной железной дороги, 24 апреля 1897 года под

его руководством на реку Сунгари прибыл авангардный отряд строительного управления КВЖД: *Весной 1898 года именно туда и прибыл сам инженер Шидловский, сопровождаемый небольшим отрядом в тридцать человек, состоявшим из рабочих, техников, фельдшера и метеоролога, а также Кубанской казачьей полусотни* [ГРХ, 2009, с. 25; Borysiewicz 2016];

5) Валерий Перелешин (1913–1992), настоящая фамилия Валерий Францевич Салатко-Петрище – известный русский поэт и переводчик, в 1920 году он со своей матерью и младшим братом приехал в Харбин, где прошло его детство и начался творческий путь: *Среди прочих тех, кто в большой степени стремился к популяризации китайской культуры среди русского населения города, стоит назвать и харбинского поэта Валерия Перелешина, занимавшегося авторизованными переводами китайской поэзии на русский язык* [ГРХ, 2009, с. 42; 汪文一, 2015, с. 196];

6) Арсений Иванович Несмелов, настоящая фамилия Митропольский (1889–1945) – уроженец Москвы, поэт, участник Первой мировой и Гражданской войн, с 1920 года находился во Владивостоке, общался с В. К. Арсеньевым, в мае 1924 года пешком перешёл советско-китайскую границу и поселился в Харбине, где продолжил заниматься литературным творчеством; Борис Михайлович Юльский – уроженец Иркутска, в 1919 году вместе с родителями переехал в Харбин, служил в лесной полиции и занимался литературным творчеством: *Даже у самого известного в Харбине русского поэта Арсения Несмелова и даровитого харбинского писателя Бориса Михайловича Юльского, в рассказах ярко описывающих жизнь русских эмигрантов в Северо-Восточном Китае, их эпизодически появляющиеся китайские персонажи по обыкновению представлены в качестве ленивых, ограниченных, но хитрых, диких или жестоких варваров* [ГРХ, 2009, с. 44; 荣洁, 2002, с. 47; Забияко, 2011; 2016, с. 88–92, 107];

7) Фёдор Иванович Шаляпин (1873–1938) – великий русский певец, бас, уроженец Казани; Сергей Яковлевич Лемешев (1902–1977) – советский

оперный певец, лирический тенор (в тексте ошибка со вторым инициалом); Иван Семёнович Козловский (1900–1993), советский оперный певец, тенор, народный артист СССР, все они короткое время работали в Харбине на сцене местной оперы: *В 1920-х годах, ввиду большого притока русских беженцев из городов и весей Сибири и Дальнего Востока, в Харбине невольно скапливались лучшие артистические силы России, и при их деятельном участии была создана городская балетная школа. Репертуару харбинской оперы мог позавидовать любой петербургский, так как в разные годы на ее сцене пели Ф. И. Шаляпин, С. М. Лемешев, И. С. Козловский* [ГРХ, 2009, с. 84; БСЭ-2, т. 47, с. 504, БСЭ-2, т. 21, с. 548].

Эти антропонимы, встречающиеся в текстах русской эмигрантской литературы, открывают для нас историю создания КВЖД, жизнь представителей русской эмиграции в Харбине, творчество эмигрантов в Харбине.

Гидронимы, хоронимы и астионимы

В произведениях русской эмигрантской литературы рассказывается о событиях, происходивших не только в Харбине и посёлках вдоль железнодорожного пути КВЖД, но и на российской стороне пограничья, приводятся воспоминания о жизни в России, поэтому в них встречаются названия различных географических объектов на фронтальной территории:

1) Байкал – озеро в Восточной Сибири, самое большое пресноводное озеро Азии и Европы, самое глубокое из озер в мире: *Отсюда через Байкал нас перевезли в санях, причем ехать пришлось лежа в кошеве, закутанными с головой в оленьи дохи* [БВВ, 2009, с. 21; БСЭ-2, т. 4, с. 49];

2) Амурский залив – северно-западная часть залива Петра Великого в Японском море: *Когда ночные тени легли на горы и леса Тайпинлина и молодой месяц показался над долиной Сяо-суйфына, сотня выступила в поход и вытянулась, справа по три, по горной тропе, извивающейся по тайге на юго-восток, через перевал Ванг-лун-гоу в долину Большого Суйфына, катящего свои бурные воды в Амурский залив Японского моря* [БЧК, 1959, с.

31; БСЭ-2, т. 2, с. 313];

3) Чита – центр Читинской области России, железнодорожная станция на Великой Сибирской магистрали: *Вдоль железнодорожной ветки **Чита – Манчжурия**, протянувшейся по юго-западной границе, был выставлен 1-й Семеновский корпус»* [ГРХ, 2009, с. 126; БСЭ-2, т. 47, с. 407];

4) Благовещенск – центр Амурской области России; Хабаровск – центр Хабаровского края; Николаевск-на-Амуре – город в Хабаровском крае: *Среди промотавшихся по большей части были азартные сибирские купцы и купчики из дальневосточных русских городов **Хабаровска, Благовещенска, Николаевска-на-Амуре*** [ГРХ, 2009, с. 73; БСЭ-2, т. 5, с. 271];

5) Амурская область – область России, расположенная вдоль левого берега реки Амура, как административная единица в Российской империи была учреждена в 1858 году: *И мало ли было русских на Дальнем Востоке, особенно в Забайкалье и в **Амурской области**, людей смешанной крови, русской и азиатской* [ВГС, 1987, с. 130; БСЭ-2, т. 2, с. 309];

6) Приморье – физико-географический район в составе Дальнего Востока России, охватывающий заамурскую часть Хабаровского края и Приморский край; Забайкалье – физико-географическая территория, расположенная между озером Байкал и Тупкинской котловиной на западе, местом слияния рек Шилки и Аргуни на востоке, государственной границей России на юге и Северо-Байкальскими горами на севере: *Вскоре это случилось: произошли события на границе с **Приморьем и Забайкальем**. И все же обошлось: состоялись переговоры и 3 декабря 1929 года в Уссурийске был подписан протокол о восстановлении статуса КВЖД* [ГРХ, 1998, с. 39; БСЭ-2, т. 16, с. 265;].

Хрононимы

В произведениях русской эмигрантской литературы встречаются описания важных исторических событий того времени, они имеют особые названия, которые в научной литературе обозначены как хрононимы:

1) Русско-японская война 1904–1905 годов – война между царской

Россией и Японией за господство на Дальнем Востоке, одной из её целей было установление господства над полуфеодальным и полуколониальным Китаем: *В этих условиях неизбежность открытого конфликта между Россией и Японией стала очевидна уже по окончании постройки КВЖД в 1903 году, а вскоре, как прямой результат дипломатических противоречий между странами, вспыхнула Русско-японская война 1904–1905 годов, проходившая на китайской территории* [ГРХ, 2009, с. 14; БСЭ-2, т. 37, с. 473];

2) Первая мировая война – проходившая в 1914–1918 годы несправедливая, захватническая война между двумя крупными группировками империалистических государств, явившаяся результатом обострения противоречий между капиталистическими монополиями этих держав, ставившими своей целью передел уже поделенного мира, передел колоний и сфер приложения капитала, порабощение других народов и получение максимальной капиталистической прибыли: *Через год вспыхнула Первая Мировая война, и О. П. Панкратов сразу же покидает Харбин и уезжает добровольцем на войну* [ВГС, 1987, с. 107; БСЭ-2, т. 32, с. 344];

3) Февральская революция 1917 года – вторая русская буржуазно-демократическая революция, свергнувшая царское самодержавие и установившая в стране двоевластие в лице буржуазного Временного правительства и Советов рабочих и солдатских депутатов: *Весна русской революции – февральская революция – протекла во Владивостоке в тех же рамках весенних увлечений, как и во всей остальной России* [ВДТВ, 1924, с. 108; БСЭ-2, т. 44, с. 561];

4) Октябрьская революция 1917 года – революция, совершенная в России большевиками под руководством В. И. Ленина: *Первый совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов был организован в марте 1917 года. К дням Октябрьской революции он представлял собой настолько мощную организацию, что к нему перешла вся государственная власть в пределах Приморской области* [ВДТВ, 1924, с. 108; БСЭ-2, т. 7, с. 137];

5) Боксёрское восстание – название, данное западноевропейскими исследователями проходившему с 1899 по 1901 годы в северном Китае восстанию, руководимому тайными обществами, именовавшимися *ихэтуань* 义和团 [yì hé tuán]– «отряды гармонии и справедливости»; их спортивные упражнения цюань были похожи на занятия боксом в Европе; в результате этого восстания было приостановлено строительство КВЖД: *Дела фирмы шли прекрасно, но Боксерское восстание и появившиеся шайки хунхузов, грабивших население и облагавших торговые фирмы большой данью, сильно пошатнули финансовую ее базу, заставив сократить общие торговые обороты* [БЧК, 1959, с. 16; 张丽, 2014, с. 148; БСЭ-2, т. 5, с. 394];

6) Вторая мировая война (1939–1945) – война, подготовленная силами международной реакции и развязанная главными фашистскими государствами – гитлеровской Германией, фашистской Италией, империалистической Японией: *Вторая мировая война на западе завершилась сокрушительным поражением Германии и ее союзников, а взоры победителей были обращены на восток* [ГРХ, 2009, с. 214; БСЭ-2, т. 9, с. 357].

Эти хрононимы отражают важные исторические события в мире и на фронтальной территории в конце XIX – начале XX вв.

Дромонимы

В русской ономастической терминологии дромоним определяется как «собственное имя любого пути сообщения: наземного, водного, подземного, воздушного и др.» [Подольская, 1988, с. 57]. Территория фронта пересекается многими важными путями сообщения, которые описаны в художественных текстах писателей русской эмиграции:

1) Китайская Восточная (Китайско-Восточная) железная дорога, КВЖД – железнодорожная магистраль на северо-востоке Китая от станции Маньчжурия через Хайлар, Харбин до станции Суйфэньхэ (Пограничная) с южной линией от Харбина через Чанчунь до Дальнего и Порт-Артура: *Постройка КВЖД началась в 1897 году одновременно в нескольких*

направлениях: из Владивостока – в западном направлении на маньчжурскую границу и дальше, к пересечению трассы строящейся железной дороги с рекой Сунгари, в центре Северной Маньчжурии; и из Читы – на восток, для встречи со строителями, идущими из Владивостока. В то же самое время началась постройка железнодорожного пути от реки Сунгари на восток и запад, навстречу строителям из Владивостока и Читы [ВГС, 1987, с. 108; БСЭ-2, т. 21, с. 314; 黄进华, 2010, с. 2];

2) Южно-Маньчжурская железная дорога – название южного участка КВЖД от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, был построен Россией в 1899–1904 гг., передан Россией Японии по Портсмутскому мирному договору 1905 г.: *Почти все были служащими Китайской Восточной железной дороги, громадного коммерческого предприятия, пересекающего всю огромную территорию Маньчжурии с запада на восток с веткой на юг от Харбина до Чанчуня, где южный отрезок дороги соединялся с другой линией — Южно-Маньчжурской железной дорогой, принадлежавшей Японии* [ВГС, 1987, с. 122; БСЭ-2, т. 49, с. 380; 姜振寰, 2011, с. 5];

3) Великий сибирский путь – неофициальное название Транссибирской магистрали, соединившей непрерывным рельсовым путем европейскую часть России с Дальним Востоком, крупнейшая в мире железнодорожная магистраль длиной 9288 км: *Вопрос об открытии высшего специального технического учебного заведения был предпринят еще тогда, когда только что замкнулась прямая железнодорожная линия, соединяющая восток и запад – Китайская Восточная железная дорога и Великий сибирский путь* [БСЭ-2, т. 43, с. 52; ГРХ, 1998, с. 58];

4) Забайкальская железнодорожная линия – составная часть Великого сибирского пути с управлением в городе Чита: *Именно тогда по представленному на Высочайшее имя проекту Министерством путей сообщения Российской империи предлагалось Забайкальской железнодорожной линии параллельно реке Амур от Сретенска до Хабаровска* [БСЭ-2, т. 16, с. 265; ГРХ, 2009, с. 9]. Эти дромонимы находят

частое употребление в текстах писателей русской диаспоры Харбина (табл. б).

Таблица 9. Дромонимы, встречающиеся в произведениях русской эмигрантской литературы

Дромонимы	Частотность	% от общего количества
Китайская Восточная железная дорога (КВЖД)	206	90, 7%
Южно-Маньчжурская железная дорога	6	2, 6%
Уссурийская железная дорога	5	2, 2 %
Великий сибирский путь	4	1, 7%
Забайкальская железная дорога	2	0, 9%
Амурская железная дорога	2	0, 9%
Байкало-Амурская железная дорога	2	0, 9%

Таблица свидетельствует, что главным дромонимом для русской диаспоры в Харбине была Китайская Восточная железная дорога, о ней упоминается во многих текстах писателей зарубежья, чаще всего её название приводится в форме аббревиатуры КВЖД. Название других железных дорог значительно уступают по частотности употребления этому дромониму.

Экклезионимы

По мере развития строительства Китайской Восточной железной дороги в Харбин прибыли всё новые волны эмиграции, число русских жителей города постоянно возрастало [石方, 2003, с. 27–39]. Чтобы удовлетворить их религиозные потребности, в городе были построены многие храмы и монастырь, упоминания о которых встречаются на страницах художественных текстов писателей эмиграции:

1) Свято-Николаевский собор был построен на Офицерской улице (ныне улица Сянчженцзе) в районе Сяфан города Харбина в 1898 году, он стал центром православной жизни того времени: *В честь святителя Николая Чудотворца была освящена и одна из главных достопримечательностей*

*Харбина и предмет особой гордости харбинцев Соборная площадь со знаменитым **Свято-Николаевским собором** в центре [ГРХ, 2009, с. 90; 石方, 2003, с. 473; 王志军, 2017, с. 109];*

2) Благовещенский храм был построен на пересечении улицы Полицейской (ныне улица Дружбы) и Центрального проспекта в 1903 году: *Сам **Благовещенский храм** в Харбине на Пристани поражал своей грандиозностью и притягивающей взоры декоративностью, удивительной гармонией форм [ГРХ, 2009, с. 117; 石方, 2003, с. 474];*

3) Софийский собор был построен на улице Водопроводной (ныне Чжаолиньцзе) в 1907 году: *Снимать очень трудно, потому что вокруг храма нагромождены новые высокие здания, и **Софийский храм** пришлось снимать через какую-то щель между зданиями [ВГС, 1987, с. 64; 石方, 2003, с. 474; 王志军, 2018, с. 79–80];*

4) Храм Успения Пресвятой Богородицы был построен на улице Синьшицзе (ныне часть проспекта Гоголя) в 1908 году: *Под новые захоронения в 1902 году в черте города было выделено место, сразу же получившее название **Нового кладбища**, называвшееся впоследствии **Успенским**, в честь воздвигнутого на нем **храма Успения Пресвятой Богородицы** [ГРХ, 2009, с. 202; 石方, 2003, с. 474; 于雷, 2007, с. 20];*

5) деревянная Свято-Алексеевская церковь была построена в 1912 году в Модягоу, в 1931 году была перестроена в каменную: *Повествуя о харбинских некрополях, было бы несправедливым умолчать о другом, менее знаменитом месте упокоения православных людей – кладбище при **Свято-Алексеевской церкви** в Модягоу [ГРХ, 2009, с. 212; 石方, 2003, с. 476; 于雷, 2007, с. 20];*

6) Спасо-Преображенский собор был построен на улице Ленивого поселка (ныне улица Мулань района Наньган) в 1921 году: *Строились храмы и на железнодорожной линии: **Свято-Николаевский** на станции Эхо, **Спасо-Преображенский** на станции Лаошагоу, **Свято-Георгиевский** на*

станции Хайлин, Свято-Троицкий на станции Шитоухэцзы и Свято-Владимирский на станции Яомынь [ГРХ, 2009, с. 120; 石方, 2003, с. 476];

7) Казанский Богородицкий мужской монастырь был построен в 1924 году на улице Крестовоздвиженской (ныне улица Шицзыцзе района Наньган): *При Казанско-Богородицком мужском монастыре действовала больница с амбулаторией имени доктора Казем-Бека, открылась общедоступная епархиальная библиотека», «Хорошо налаженной в Харбине в 1930-е годы оказалась церковная издательская деятельность. Монастырской типографией Казанско-Богородицкой обители в харбинском районе под названием Новый Модягоу издавался популярный среди православного населения Харбина духовный журнал под названием Хлеб небесный [ГРХ, 2009, с. 94, 114–115; 石方, 2003, с. 477].*

Помимо культовой функции, церкви в Харбине участвовали в образовательной деятельности. В 1934 году по инициативе архиепископа Мелетия был создан институт святого Владимира: *Первоначально в институте было утверждено три факультета: богословский, политехнический, а также восточно-экономический, но в последствии остался только богословский, как в полной степени отвечающий целям и задачам данного духовного заведения. <...> Все вышеперечисленные события почти совпали с окончанием им харбинских Пастырско-богословских курсов, переименованных впоследствии в богословский факультет при Институте Св. князя Владимира, где иеромонах Филарет стал впоследствии преподавателем нового Завета, пастырского богословия и гомилетики [ГРХ, 2009, с. 93, 60].*

Эти экклезионимы, встречающиеся в текстах писателей русской диаспоры в Харбине, не только показывают архитектурный облик города Харбина, но и сообщают об особенностях духовной жизни в городе, об участии храмов в развитии медицины, издательского дела, образования и др. Это свидетельствует о том, что храмы и монастырь были неотъемлемой частью жизни русских переселенцев в Харбине и входили в топонимическое

пространство фронта начала XX века.

Эргонимы

По мере строительства КВЖД и роста численности русских переселенцев в Харбине в нём начинает бурно развиваться торговля, промышленность, образование, культура и пр. Писатели русской диаспоры в Харбине всесторонне отражали в своих произведениях развитие экономической, социальной, культурной жизни города, включая в свои тексты названия предприятий и учреждений.

Сфера образования:

Русские эмигранты в Харбине уделяли большое внимание развитию образования. В городе была создана полноценная система учебных заведений, в которых потомки русских эмигрантов могли получить качественное образование и которые готовили кадры не только для развития железной дороги, но и для других сфер жизни русской эмиграции:

1) Институт ориентальных и коммерческих наук – первое высшее учебное заведение в Харбине, он был открыт русскими эмигрантами в марте 1920 года, а в 1922 году был переименован на Харбинский политический и юридический институт, существовал до 1937 года; Высшая медицинская школа была создана в октября 1921 года в Харбине при значительном вкладе врачей центральной больницы КВЖД и русских врачей-эмигрантов, действовала до 1925 года: *Вполне естественным поэтому оказалось открытие высших учебных заведений в Харбине, выраставших в первые годы, как грибы после дождя – благо в профессорском составе недостатка не было. В самом начале открылась **Высшая медицинская школа**, затем **Техникум**, вскоре ставший **Политехническим институтом**, а потом и **Институт ориентальных и коммерческих наук**, а также и отдельный **Юридический факультет**, в сущности исполнявший функции университета* [肖洪, 2018, с. 23; Ратманов, 2008, с. 125–127; ВГС, 1987, с. 26];

2) Русско-китайский политехнический институт был создан в сентябре 1920 года, первым директором стал инженер геодезии и землеустройства

Алексей Алексеевич Щерко, 2 апреля 1922 года официально был переименован на Харбинский политехнический университет (哈尔滨工业大学 [hā ěr bīn gōng yè dà xué]): *Оказавшись с родителями в Харбине, Георгий Вознесенский поступил в русско-китайский Политехнический институт, который закончил по специальности инженера-электромеханика в 1927 году* [ГРХ, 2009, с. 60; 肖洪, 2018, с. 23; 周玉, 2013, с. 1; 黄进华, 2010, с. 4];

3) Юридический факультет был создан в Харбине в 1918 году при участии начальника учебного отдела КВЖД Н. В. Борзова, действовал до 1937 года: *Дети китайцев учились в своих китайских школах и только по окончании своих средних школ, если они хотели продолжать свое высшее образование, то поступали в русские высшие учебные заведения, главным образом в Политехнический институт или на Юридический факультет* [ВГС, 1987, с. 123; Залесская, 2016, с. 115];

4) Северо-Маньчжурский университет был создан в условиях, когда после захвата Маньчжурии Японией положение Харбинского политического института значительно ухудшилось, марионеточное правительство уволило некоторых советских преподавателей, в 1938 году был создан новый университет для русских студентов, его ректором был назначен японский профессор Т. Симизу; в университете были открыты политехнический и коммерческий факультеты, которые явились продолжением ХПИ, был закрыт в 1945 году: *Я хочу описать балы в Северо-маньчжурском университете как самом большом вузе в 40-е годы, где традиции сохранялись в неприкосновенности* [ТРХ, 1998, с. 62];

5) I-я и II-я Харбинские зубоврачебные школы были открыты в 1911 и 1928 годы соответственно, в 1939 году эти школы вошли в состав Харбинского медицинского университета; Харбинские фармацевтические курсы –единственное фармацевтическое учебное заведение в Харбине того времени был, было создано в 1926 году: *«Оба учреждения, а также Харбинские фармацевтические курсы и I-й и II-й Харбинские*

зубоврачебные школы воспитали в своих стенах многочисленных кадров младшего медицинского персонала для больниц и лечебных учреждений в городах фельдшеров и фельдшерниц [肖洪, 2018, с. 23; ГРХ, 2009, с. 83];

б) гимназия имени генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата была открыта в августе 1907 года на улице Синьшицзе (ныне улице Чуншань района Наньган), в 1925 году была переименована в Первую железнодорожную гимназию: *Другим крупным учебным заведением в ведении железной дороги была прогимназия, позже преобразованная в полную восьмиклассную железнодорожную гимназию с двумя подготовительными классами. Эта гимназия стала называться гимназией имени генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата* [ВГС, 1987, с. 16; 肖洪, 2018, с. 22];

7) Харбинское коммерческое училище было открыто в 1906 году, в нем преподавались такие специальные предметы, как бухгалтерия, коммерческая арифметика, торговое и промышленное законоведение, коммерческая география и др.: *Имевшиеся прежде Коммерческие училища, гимназия имени генерала Хорвата и частные мужские и женские гимназии оказались недостаточными* [ВГС, 1987, с. 29; Шаронова, 2023, с. 20].

Сфера торговли и промышленности:

После подписания Портсмутского мирного договора 1905 года Харбин превратился в международный экономический центр на северо-востоке Китая. Благодаря прекрасным природным условиям и постоянному притоку русских переселенцев, торгово-промышленный сектор города начал бурно развиваться, привлекая многие иностранные компании, которые активно инвестировали в город. Улицы Харбина заpestрели вывесками с названиями торговых и промышленных фирм. Писатели русской эмиграции, описывая жизнь города, включали в текст эти эргонимы:

1) универсальный магазин «Чурин и Ко» был открыт И. Я. Чуриным в 1898 году в районе Старого Харбина, к концу 1920-х годов он стал крупнейшим российским предприятием в Маньчжурии, а в 1953 году предприятие было безвозмездно передано правительству Китая: *Лишь*

крупные солидные фирмы, в том числе *И. Я. Чурин и Ко*, выдавали своим сотрудникам, не способным по старости лет продолжать работу, так называемые выходные пособия [ТРХ, 1998, с. 40; 宋宝华, 2007, с. 43–44];

2) Московские торговые ряды были построены в 1908 году по проекту архитектора К. К. Иокиша, в названии подчёркивалась связь с российской столицей: *Конечно, первое, что вы видите, начиная свой путь по Вокзальному проспекту, это слева на площади – Московские ряды* [Шаронова, 2023, с. 19; Город, 1987, с. 69];

3) Русско-китайский банк был открыт в 1895 году Министерством финансов Российской империи совместно с банками Франции в Санкт-Петербурге, в ходе строительства КВЖД в 1898 году было открыто отделение банка в районе Сянфань Харбина; этот банк оказывал значительную финансовую поддержку КВЖД: *Как и многие другие рациональные идеи, предложение нашло отклик у державного преобразователя русской земли, и вскоре после того Министерством финансов Российской империи был предоставлен заем Китаю 400 млн. французских франков в качестве вклада в уставный капитал Русско-китайского банка – одного из проектообразующих финансовых столпов будущей железной дороги* [ГРХ, 2009, с. 10; 石方, 2003, с. 257; 郭立彬, 2012, с. 28];

4) гостиница «Модерн» была открыта в 1913 году на Центральном проспекте одним из богатейших людей Харбина Иосифом Каспе; эта гостиница предлагала комплексное обслуживание, включающее как гостиничные номера, так и рестораны, она считалась самой роскошной гостиницей на Дальнем Востоке того времени; известными в городе была также гостиницы «Ориант» и «Гранд-отель»: *Приезжая публика, состоятельная, особенно иностранцы, останавливались в первоклассных гостиницах: ‘Модерн’ – на Пристани, ‘Ориант’ – на Новоторговой улице в Новом Городе, или в ‘Гранд-отеле’, возле вокзала* [ВГС, 1987, с. 31; 石方,

2003, с. 277; 白雪, 2022, с. 114];

5) кинотеатры «Гигант» и «Ориант» были открыты в 1908 году на проспекте Гоголя и на улице Синьшицзе (Новой Торговой) соответственно: *Налево все еще стоит бывший кинотеатр 'Гигант'. Справа – кинотеатр 'Ориант'. Оба они все еще функционирующие кинотеатры, в которых показывают китайские фильмы* [ВГС, 1987, с. 67; 石方, 2003, с. 283];

6) в дореволюционное время в России многие предприятия именовались по фамилиям владельцев, наблюдалась трансонимизация, переход антропонима в эргоним, подобные названия отмечались и в Харбине, они попали в тексты русских писателей: *книжные и писчебумажные магазины Щелокова, маслобойный завод Бородина, водочный завод Герасима Антипас, паровая и вальцевая мельница Бузанова, табачная фабрика Лопато* и др. [ВГС, 1987, с. 30].

Другие названия учреждений:

1) после ввода новой железной дороги в эксплуатацию было создано Управление КВЖД, состоявшее из 12 отделов и служб, включая канцелярию управления, юридический отдел, коммерческую часть и контроль сборов, главного бухгалтера и др.: *Несмотря на то что в октябре того же года большевикам на время удалось создать на протяжении почти всей магистрали Советы рабочих комитетов, административное управление КВЖД по-прежнему оставалось в руках генерал-лейтенанта Хорвата* [ГРХ, 2009, с. 16; 石方, 2003, с. 161];

2) генеральное консульство СССР в Харбине было временно открыто 29 июля 1924 года; после подписания Советско-Фэнтяньского соглашения и Советско-китайского соглашения 1924 года данное консульство получило официальный статус, его первым консулом стал Н. Я. Пакитин: *27 мая 1929 года последовал налет китайской полиции на генеральное консульство СССР в Харбине* [ТРХ, 1998, с. 39; 石方, 2003, с. 173];

3) Железнодорожное собрание – общественная организация,

предоставлявшая культурное обслуживание работников КВЖД, оно было открыто в 1898 году в двух комнатах одной из новых саманных фанз напротив Общественного сада в районе Старый Харбин, затем в начале 1900-х годов оно переехало на главную улицу в Новом городе: *Железнодорожное собрание* было культурным центром той массы русского населения Харбина, которая как-то была связана с деятельностью главного коммерческого предприятия края – Китайской Восточной железной дороги [ГРХ, 1987, с. 124];

4) Центральная библиотека КВЖД была открыта в 1925 году на базе библиотеки Харбинского железнодорожного собрания, вобрала в себя другие книжные собрания некоторых клубов Управления дорог; основными посетителями и читателями этой библиотеки стали железнодорожные рабочие, преподаватели вузов, члены учебных клубов и др., в 1928 году численность читателей этой библиотеки достигла более 180 тысяч человек: *Самым большим книгохранилищем города считалась Центральная библиотека КВЖД, директором которой долгие годы был известный политический деятель сменовеховец Николай Васильевич Устрялов* [ГРХ, 2009, с. 82; Хисамутдинов, 2013, с. 11; 彭传勇, 2020, с. 79–80];

5) Музей Общества изучения Маньчжурского края был создан в 1922 году в Харбине, совместно с Управлением КВЖД в 1923 году он подготовил Первую маньчжурскую выставку по случаю 25-летней годовщины постройки КВЖД: *Стоит отметить, что в городе возник и существовал музей Общества изучения Маньчжурского края, долгие годы возглавляемый А. С. Лукашиным* [ГРХ, 2009, с. 79; Франкфен, 2010, с. 1728].

Все эти эргонимы воссоздают реальную жизнь Харбина того времени, они показывают влияние железной дороги на развитие города и на результаты культурных контактов между двумя народами в фронтальном городе.

Выводы по главе III

В истории российско-китайского взаимодействия важное место

занимает деятельность русских эмигрантов, появившихся в Китае в результате строительства Китайской Восточной железной дороги, а после 1917 года – из-за социальных потрясений в России. На первом месте в этом процессе стоит русская диаспора в Харбине, где постоянно проживали с семьями многочисленные россияне разных профессий: железнодорожные рабочие, инженеры, коммерсанты, писатели, врачи, художники и др. По мере роста численности русских переселенцев в Харбине их влияние в регионе значительно усиливалось и распространялось на многие области жизни города: торговля, архитектура, образование, литература, искусство, быт, язык и др. Тесные лингвокультурные контакты между русскими переселенцами и местным населением, сильное влияние китайской культуры на эмигрантов, специфические способы сохранения традиционной русской культуры в китайской среде, а также особое социальное положение диаспоры в Харбине и его окрестностях отразились в произведениях писателей русской диаспоры Харбина, в которых описывались природные и городские пейзажи, русская и китайская народная культура, межкультурные связи, ностальгия по России и мн. др. В этих текстах отмечается межкультурное и межъязыковое взаимодействие посредством частого использования апеллятивных китаизмов и китайской ономастической лексики.

Произведения писателей русской диаспоры в Харбине предоставляют важный материал для изучения процессов появления и функционирования заимствованных слов и онимов на фронтальной территории. Эти тексты не только отражают историческую обстановку, природные условия и повседневную жизнь Харбина и окрестностей, но и показывают роль КВЖД в жизни всего населения северо-востока Китая, лингвокультурное взаимодействие, которое продолжает сохраняться на фронтальной территории и в наши дни.

Стоит отметить, что в произведениях писателей русской диаспоры Харбина обнаруживаются китаизмами, которые нами обнаружены в книгах В. К. Арсеньева: *фанза, кан, ханишин, гора Чанбайшань / гора Байтоушань,*

Сансин, Нингута и др. Кроме того, в харбинском варианте русского языка обнаруживаются варваризмы, что свидетельствует о глубоком проникновении китайского языка в лингвосознание русских жителей Харбина: *чифан, хо, лухо* и др. Ещё можно подчеркнуть наличие в текстах устаревших географических названий и их форм: Мукден (ныне Шэньян), Жехэ (ныне Жэхэ) и др., русские названия улиц Харбина, ныне замененные китайскими урбанонимами, исчезнувшие русскоязычные эргонимы Харбина и пр. Это свидетельствует о постоянных процессах развития ономастической лексики фронтального региона.

Обнаружена высокая частность некоторых дромотопонимов, расположенных вдоль трассы КВЖД: станция Ханьдаохэцзы – 45 фиксаций, станция Сяосуйфын – 34, станция Имяньпо – 34, и отставание по частотности упоминаний в художественных текстах харбинских писателей остальных названий. Высокую частотность демонстрирует дромоним КВЖД (90,7%), что свидетельствует о важном значении этой железной дороги как для повседневной жизни населения Харбине и Маньчжурии в целом, так и для творчества писателей русской диаспоры.

В процессе исследования были выявлены некоторые онимы, которым нам не удалось найти точных соответствий в современной китайской лингвокультуре и её истории: Хайлинхэ, миллионер Ван Юцзин, далаоцзы, коммерсанты Чан Цинхо и Лу Тай, горный массив Кейтей-алин, река Аршун-гол и др. Их изучение станет перспективами нашего дальнейшего исследования.

ГЛАВА IV. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

В настоящее время наблюдается устойчивое взаимодействие между Россией и КНР на основании Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанного Президентом РФ В. В. Путиным и

Председателем КНР Цзян Цзэминем в Москве 16 июля 2001 года. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров отмечал: «На базе Договора сформирована, успешно функционирует и продолжает развиваться, насыщаясь новым содержанием, оптимальная модель межгосударственных отношений, отвечающая коренным национальным интересам России и Китая и чаяниям их народов» [Лавров 2021, с. 5]. Регулярно проходят встречи на высшем уровне между Президентом России В. В. Путиным и генеральным секретарём ЦК КПК, председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. В рамках годов культуры России и Китая, проходивших в 2024–2025 гг., проводились многочисленные мероприятия, посвященные сотрудничеству между двумя народами в различных областях. Принято решение о безвизовых поездках россиян в КНР и китайцев в Россию.

Активно осуществляются контакты в области литературы. Растёт число переводов китайских авторов на русский язык. С другой стороны, китайские читатели проявляют большое внимание к произведениям русских писателей, включая региональных авторов Приамурья, описывающих жизнь на российско-китайском пограничье.

4.1. Современные писатели, пишущие о Приамурье и Приморье

В конце XIX века начала развиваться русская литература Приамурья, у её истоков стояли поэты и прозаики дореволюционного поколения Порфирий Масюков (1848–1903), Сергей Синегуб (1851–1907), Леонид Волков (1870–1892), Александр Вережников (1876–1917), Фёдор Чудоков (1888–1918) и др. Литературное творчество некоторых из них выходило за пределы Приамурья, становилось известным в центральных регионах страны. На начальном этапе развития дальневосточной литературы темы произведений писателей касались этнографических особенностей жизни в Приамурье, природы, дальневосточной экзотики, процессов освоения края и др. [Урманов, 2019, с. 11–16].

На рубеже XIX–XX вв. в регионе открываются типографии канцелярии военного губернатора и частные, начинают выходить периодические издания,

в которых печатаются поэты и писатели Дальнего Востока. Дореволюционные газеты просуществовали недолго, многие из них закрылись после революции 1917 года. В Благовещенке выходила газета «Амурская правда», при которой объединились местные литераторы. Эта газета открыла возможности для публикации произведений писателей Приамурья [Красовская, 2011, с. 27; Урманов, 2019, с. 11; Киреева, 2018, с. 263].

В советское время в литературный процесс Приамурья включились Вячеслав Афанасьев (1903–1943), Пётр Комаров (1911–1949), Николай Павлович Задоров (1909–1992), Александр Матвеевич Грачёв (1912–1973) и др.

Из-за осложнений внутренней и внешней обстановки в 1930-х годах литература Приамурья испытала застой, новые интересные произведения не издавались. Только в 1950–1960-х годах наступил новый этап развития литературы Приамурья, появились новые заметные авторы дальневосточной литературы Андрей Гологин (1916–1984), Григорий Федосеев (1899–1968) и др. Открылись новые темы литературного творчества: исторические события на берегах Амура, жизнь местных народов Приамурья и сохранение культурных традиций, строительство железной дороги, ландшафты Приамурья и особенности флоры и фауны региона, события Великой Отечественной войны и др. [Урманов, 2019, с. 1–24]. Были созданы краевые и областные книжные издательства, литературные объединения писателей, стали издаваться литературно-художественные альманахи, в местных вузах были созданы центры литературного краеведения [Киреева, 2018, с. 266].

В настоящее время литература Дальнего Востока вступает на новый этап своего развития. Авторы нового поколения В. О. Авченко, Е. М. Анташкевич, В. А. Куприенко, А. П. Лепетухин и др. создают произведения, в которых сочетаются историческая рефлексия и описание природы, этнографические наблюдения и их художественное осмысление. Современная дальневосточная литература отличается жанровым

разнообразием, помимо традиционных жанров авторы пишут детективы, боевики, любовные романы, костюмно-исторические романы, вписываясь в общероссийский литературный процесс.

На рубеже XX–XXI вв. в регионах Дальнего Востока появились небольшие местные издательства, большей частью частные, были открыты литературно-краеведческие музеи и т. п. Одновременно происходит цифровая трансформация произведений, расширяется использование новых видов распространения текстов в форматах электронной книги, аудиокниги, чтения в режиме онлайн и др. Этот синтез традиционных и инновационных подходов соответствует особенностям современной эпохи и продвигает творчество писателей Дальнего Востока на общероссийский и международный уровень.

Проза о жизни Дальнего Востока

Одним из известных авторов современной дальневосточной литературы является Василий Олегович Авченко. Он окончил факультет журналистики Дальневосточного государственного университета в 2002 году, работал во владивостокских газетах «Ежедневные новости», «Дальневосточный учёный», «Владивосток» и др., печатался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Знамя», «Москва», «Двина» и др. К его главным произведениям относятся следующие: «Глобус Владивостока» (2009), «Кристалл в прозрачной оправе: рассказы о воде и камнях» (2016), «Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии» (2020), «Фадеев» в серии «Жизнь замечательных людей» и др. В 2023 году В. О. Авченко стал автором текста для Тотального диктанта. Большинство его произведений связано с Дальним Востоком и Приамурьем, в них отражаются природные, географические и этнографические особенности региона.

Русский прозаик В. А. Купренко является членом Союза писателей России. Он написал приключенские романы «Золото Тукурингры» (1993), «К берегу, которого нет» (1990) и др., в которых отражаются природа Дальнего Востока и события, связанные с добычей золота в этом регионе.

Александр Петрович Лепетухин (1948–2016) был известным на

Дальнем Востоке художником и педагогом. Он работал доцентом кафедры рисунка и живописи Дальневосточного государственного гуманитарного университета и был постоянным автором рубрики «Душа и творчество» в газете «Тихоокеанская звезда». Его главным произведением стали «Хехцирские сказки», которые возникли из рассказов автора о жизни и приключениях зайца Петровича и его друзей дочерям Насте и Маше перед сном, при этом в тексте отражается местный колорит и природные особенности Хабаровского края.

Проза о жизни эмиграции

Е. М. Анташкевич – современный русский писатель, историк, востоковед, ветеран органов госбезопасности, долгое время проработавший в Управлении КГБ СССР по Хабаровскому краю. Он пишет о жизни русской эмиграции в Китае. Его произведения можно отнести к детективно-приключенческому жанру. Им написаны роман-эпопея «Харбин» (2020), книга «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине» (2021). В центре повествования романа – судьба русского офицера, заместителя начальника разведки армии Колчака Александра фон Адельберга. Автор хорошо изучил архивные материалы и исторические документы о русской эмиграции. Большинство героев романа имеют реальных прототипов, а некоторые из них выведены под собственными фамилиями: русские генералы Матковский и Косьмин, полковник Байков, профессор Устрялов, поэт Алексей Ачаир, создатель российской фашистской партии в Харбине Родзаевский, китаец-контрабандист Антошка и др. Книга «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине» написана как расширение и продолжение романа «Харбин».

У Николая Павловича Задорнова (1909–1992), которого называют певцом Дальнего Востока, интересная судьба. Он родился в Пензе, с 1948 года проживал в Риге, однако все свои произведения посвятил Дальнему Востоку, где прошло его детство, где началось его литературное творчество. В 1941 году в хабаровском журнале «На рубеже» был напечатан

первый том романа «Амур-батюшка». Осенью 1945 года он вместе с другими дальневосточными писателями принял участие в так называемом Маньчжурском походе в качестве корреспондента Хабаровского краевого отделения ТАСС. Советский Союз 8 августа 1945 года объявил войну Японии, и менее чем через месяц, 2 сентября 1945 года, был подписан Акт о капитуляции Японии.

Публикация романа Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» была завершена в 1948 году, он составил первую часть трилогии, в которую вошли также романы «Золотая лихорадка» и «Далёкий край». В 1950-е годы им опубликована трилогия об адмирале Невельском и Амурской экспедиции. Добавим, что сыном Николая Павловича был известный российский писатель-сатирик Михаил Задорнов (1948–2017).

Литературная жизнь Дальнего Востока активно развивается при поддержке системы профессиональных институтов. С 1990-х годов были учреждены различные литературные премии: премия имени Григория Федосеева (1992) – за произведение о природе и экологии Дальнего Востока, премия имени Петра Комарова (1996) – за вклад в дальневосточную поэзию, литературная премия имени Антонины Коптяевой (2005) – за женскую прозу, премия имени Леонида Завальнюка (2016). В разных городах Приамурья проводятся книжные фестивали [Киреева, 2016, с. 162]. Литература Дальнего Востока демонстрирует позитивную динамику своего развития. Современная литература Приамурья является частью российской региональной культуры, выступая при этом в качестве носителя памяти о природе и истории Дальнего Востока.

4.2. Лексика, отражающая жизнь людей Дальнего Востока

Произведения современных писателей Дальнего Востока отражают жизнь региона, поэтому содержащаяся в них лексика и ономастика относится к яркому и незабываемому описанию особенностей природы, исторических и современных событий, местных традиций и обычаев, лиц, связанных биографией с Дальним Востоком. Далее на основе произведений В. О.

Авченко и Е. М. Анташкевича подробно рассмотрим разные группы этих апеллятивов и онимов.

Топонимы Дальнего Востока и их дериваты

Наиболее значительным географическим объектом региона является, разумеется, река Амур. Гидроним встретился в книге В. О. Авченко «Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии» 91 раз. Писатель приводит географическую информацию о реке: *Пржевальский писал о возвращении с Усури и Амура «через Иркутск в Россию»»; 1649 г. Русские начинают обживать Амур: здесь появляются Албазинский и Нерчинский остроги; Благовещенск вырос у стрелки Зеи и Амура* [АДВ, 2020, с. 16, 22, 58].

Автор приводит сведения об ихтиологии Амура, растительности окрестных берегов, полезных ископаемых, добываемых в регионе: *Среди обитателей Амура – толстолоб, амур (тёзка реки), косатки-скрипуны, осетры, включая калугу; В приморской тайге растёт виноград, маньчжурские орехи – родственники грецких; К 1956 году «Дальстрой» дал 1148 тонн золота, 62 тысячи тонн олова, 3 тысячи тонн вольфрама, 398 тонн кобальта, 120 тонн урана...* [АДВ, 2020, с. 55, 128].

С помощью суффикса *-ск-* образуется прилагательное *амурский*, которое употребляется в сочетании с различными существительными для именования объектов в регионе: *Ещё одна удивительная рыба Амурского бассейна – змееголов; Нынешние Усурийский и Амурский заливы, омывающие Владивосток, были наречены в честь Наполеона и Герена, залив Петра Великого – именем британской королевы Виктории, острова близ Владивостока назывались архипелагом французской императрицы Евгении* [АДВ, 2020, с. 128, 34].

Лексика, связанная с железной дорогой

В жизни Дальнего Востока большую роль играет Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), которая представляет собой не только путь сообщения, связывающий запад с востоком, но и канал межкультурного

взаимодействия. Эргоним КВЖД упоминается в книге Е. М. Анташкевича «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине» 31 раз. Он встречается в полной и аббревирированной форме при сообщениях об истории региона и о событиях вдоль данной железной дороги: *3 октября 1924 года в Харбине была передана под совместное управление **Китайско-Восточная железная дорога**; По **КВЖД** ехали в вагоне четвертого класса с группой из восьми человек; В середине 1924 года, после подписания договора с китайской стороной о совместном управлении **КВЖД**, имеет место обострение отношений между белой эмиграцией и совгражданами* [АРО, 2021, с. 211, 206, 208].

По мере строительства и эксплуатации железной дороги в Харбине постепенно появился ряд инфраструктурных объектов, обозначенных словосочетаниями с прилагательным *железнодорожный*: *железнодорожная полиция* (5 упоминаний), *Железнодорожный проспект* (4), *железнодорожный вокзал* (3), *железнодорожные склады* (2), *железнодорожная больница* (1), *железнодорожные строители* (1): *Городской морг находится в **железнодорожной больнице**, а сюда к нам привозят только криминальные трупы; Отделение полиции располагалось в левом крыле **железнодорожного вокзала**; Он перешёл через рельсы, увидел особенное очертание харбинского вокзала и вышел на **Железнодорожный проспект**; И тогда сколачивались бригады по три-четыре голодных, небритых и слабосильных, и они шли на **железнодорожные склады**, на выгрузку леса с барж, на стройки, на самое тяжёлое, а иногда надо было вычистить выгребные ямы или снести в одно место трупы; **Железнодорожная полиция** о готовящейся операции не информировалась; Михаил Капитонович вспомнил, что уже полгода в Харбине работают вербовочные пункты, которые набирают **железнодорожных строителей*** [АРО, 2021, с. 97, 120, 273, 190, 155, 165].

Имена собственные, связанные с экономической жизнью Харбина

В результате строительства КВЖД и преобразования Харбина в крупный промышленный центр, в котором появляются торговые центры,

фабрики и заводы, местные жители начинают употреблять эргонимы этих объектов, урбанонимы и ойкодомонимы мест их расположения, антропонимы их владельцев. Эти единицы встречаются в произведениях Е. М. Анташкевича и В. О. Авченко: *Дома на **Китайской** строили самые красивые, потому что здесь жили самые богатые люди города. По этой улице почти не бегали рикши, так тесно было от автомобилей. Он задержался взглядом на доме напротив очень красивом четырёхэтажном здании с зеркальными витринами в магазинах первого и второго этажей. Вход в дом был с угла с двумя совсем даже не по-китайски рельефными кариатидами, поддерживающими округлый балкон с шикарной балюстрадой, и над ним маленький балкончик в четвёртом этаже с полуциркульной резной дверью и богатой лепниной. Над всем этим высился большой купол, и на нём ещё один маленький с коротким шпиль-флагиштоком. Дом японского торговца **Мацууры**, и весь город так его и называл – дом **Мацууры*** [АРО, 2021, с. 233]; В «Справке по вопросу о мерах для устранения финансово-экономического кризиса в **Приамурье**», датированной 1913 годом, говорится: *крабы идут сугубо на экспорт – в **Китай*** [АДВ, 2020, с. 127]; *Этот первый в Китае пивоваренный завод основал в 1900 году русский купец **Иван Михайлович Врублевский*** [АГВ, 2017, с. 56]; «*Магазины, рестораны, кафе, кондитерские, конторы, учреждения, гимназии и высшие учебные заведения – сплошь с вывесками на русском языке*», – вспоминал писатель, эмигрант **Валерий Янковский**» [АДВ, 2020, с. 49].

Нарицательные слова, описывающие специфику жизни Харбина

Писатели используют апеллятивную лексику, которая позволяет наглядно представить социальную жизнь Харбина. Среди них были слова русского и китайского происхождения: *По улицам катили **пролётки** с **извозчиками** в **поддёвках** и высоких **цилиндрах**, пробежали стайки девочек-гимназисток, степенно шагали бородатые студенты в **мундирах** и **фуражках** со значками **политехнического института**...* [АДВ, 2020, с. 49]; *Главными занятиями жителей тайги была **охота** и **рыбалка**. Традиционная*

их кухня в основном состоит из мяса и рыбы, хотя бывают блюда и посложнее [АДВ, 2020, с. 129]; Фанзы словно выросли в землю – низкие, серые и земляные. Внутри – полутьма, потому что бумажные окна едва пропускают тусклый желтоватый свет. Запах чем-то кислым. Пол – глиняный, потолка нет, просто крыша из гаоляна, замазанная глиной. У одной стены – возвышение – кан, застланный циновками. С одной стороны кана – печурка у стены из глины, с другой – глиняная же толстая труба, выходящая на крышу [АРО, 2021, с. 223].

Во второй главе мы уже рассматривали китаизмы *фанза* и *кан* в произведениях В. К. Арсеньева. Они использовались писателем в качестве экзотизмов для обозначения лингвокультуры другой нации и региона. Однако в результате интенсивных контактов между русскими и китайцами, фиксации китаизмов в авторитетных русских словарях и процессов языкового взаимодействия эти единицы в произведениях В. О. Авченко утрачивают статус экзотизмов, становятся регионализмами российско-китайского пограничья, воспринимаются как привычный элемент данного региона. Все это свидетельствует о процессах освоения иноязычного слова и отношения к иной лингвокультуре: от адаптации чужой культуры до восприятия ее [Касимова, 2014, с. 102].

Лексика культуры и образования

По мере увеличения численности русских переселенцев в Харбине управление железной дороги начало создавать учебные заведения для подготовки квалифицированных специалистов в городе. В произведениях писателей употребляются некоторые эргонимы Харбина: *По-прежнему имеют политический вес такие белые военные лидеры, как: ген. Ханжсин, ген. Дитерихс, ген. Сахаров, ген. Вержбицкий, атаман Семенов, ген. Андогский, ген. Косьмин, а также: профессора Гинс, Устрялов, гл. редактор харбинского инф. агентства «Дина» Иванов, журналист Арнольдов, студент юридического факультета Покровский, студент Политехнического института сын белого генерала Барышников и некоторые другие [АРО,*

2021, с. 208].

С другой стороны фронтальной территории во Владивостоке действовал Восточный институт, который был основан в 1899 году. В нем осуществлялось преподавание восточных языков. Его выпускники играли важную роль в отношениях России с соседними странами [Хисамутдинова, 2009, с. 43]: *Что воспитывался Ремизов без матери и, когда не стало отца, лишился возможности закончить учебу в **Восточном институте**, где изучал китайский и японский языки, это была мечта отца – передать дела сыну и выйти с **уссурийским женьшенем** на рынки Китая и Японии* [АРО, 2021, с. 173].

Культурные контакты в результате поселения китайцев и корейцев на Дальнем Востоке отразились на популярности китайской и корейской кухни в этих местах [Федирко, 2017, с. 81]: *С 1990-х во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске появились «**чифаньки**», они же «**китайки**», – недорогие **китайские ресторанчики**. **Корейская кухня** стала популярной в России сравнительно недавно, причём прежде всего благодаря советским корейцам, жившим на Дальнем Востоке и в 1937 году высланным в Узбекистан и Казахстан* [АДВ, 2020, с. 130].

В русском языке появились регионализмы, появление которых обусловлено межэтническим взаимодействием, заимствованием лексем и фразеологизмов у контактирующего народа, переосмыслением русских единиц в связи с жизнью региона. «Регионализм – это местное слово или выражение, бытующее на определенной территории; лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определённой территории – в зоне контактирования языков» [ССТ, 2006, с. 181]. К дальневосточным регионализмам относятся заимствования из китайского языка и относящиеся к описаниям китайской культуры, которые не входят в русский литературный язык, употребляются только в пределах русско-китайского пограничья: *куня, китайка, чифанить* и др. [Цзян Синьхао, 2025, с. 21]: *Этот жаргон исчез после исхода азиатов из Приморья и конца*

*русского Харбина. В 1990-х, когда в Китай из Приморья и Приамурья рванули «челноки», возник новый приграничный «суржик». **Корефаном** китаец на рынке назовёт покупателя, к китайцам принято обращаться «куня» [АДВ, 2020, с. 210]; Или «**помогайка**»: это и китаец, помогающий приобрести нужный товар, и русский турист, перевозящий через таможенную чужой баул под видом личных вещей, чтобы импортёр сравнительно легально ушёл от уплаты пошлины [АДВ, 2020, с. 210]; Давай-ка в Фузядянь! На Пятнадцатую, дальше я скажу! А **почифанить** и там можно, там китайцы не хуже варганят [АРО, 2021, с. 209].*

4.3. Этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта

Как мы отмечали выше, фронт – это комплексное явление, формирующееся под влиянием различных факторов: исторический, культурный, социальный, политический; в связи с этим каждый конкретный фронт приобретает свои уникальные особенности. Так, например, американский фронт представляет собой границу с индейскими территориями, он характеризуется беззаконием, авантюризмом и надеждой на быстрое обогащение. Дальневосточный фронт тоже является зоной межкультурных контактов, обусловленных изменениями внешней и внутренней политической обстановки, характеризующихся сложным составом населения, одновременной принадлежностью его к двум культурам [Новикова, 2023, с. 61; Иванова, 2016, с. 261–262].

4.3.1. Российско-китайское фронтное пространство в художественных произведениях Е. М. Анташкевича «Харбин» и Н. П. Задорнова «Амур-батюшка»

В процессе анализа отражения русско-китайского фронтного пространства в художественных произведениях выявляются в языке такие важные аспекты, как «человек фронта», культурное взаимодействие, оппозиция «своего» и «чужого», символы освоения, фронтная окраска и др.

[Александрова-Осокина, 2024, с. 208–218]. Именно эти теоретические инструменты помогают выявить этнокультурные особенности российско-китайского фронтального пространства в художественных произведениях Е. М. Анташкевича «Харбин» и Н. П. Задорнова «Амур-батюшка».

Человек фронта в художественном тексте: социальные типы и стратегии выживания

В связи с революционными потрясениями, Гражданской войной многие русские прибыли в Маньчжурию в статусе переселенцев. В литературе появилось понятие «белоэмигрант», которое обозначает тех, кто волей или неволей оказался в Китае после Октябрьской революции: русские аристократы, буржуазия, трудовой народ. Невзирая на их социокультурный уровень и с опорой на свой жизненный опыт писатели создают уникальный образ русского, связанного с Белой гвардией [Забияко, 2024, с. 205–206].

В произведениях Е. М. Анташкевича обнаруживается образ «человека фронта» в российско-китайском фронтальном пространстве: *Севернее Благовещенска в восьмидесяти верстах проходила Сибирская железная дорога, а дальше простиралась безлюдная, покрытая снегом и льдом Якутия. Немногие люди, жившие вдоль железной дороги и рек Амура и Зеи там, где это было возможно, сеяли хлеб, рубили лес и мыли золото* [АХ, 2020, с. 68]; *Повар Чжао достался нам от наших бывших соседей, китайской семьи, у которой мы откупили вторую половину дома. Ему очень понравилось готовить русские блюда, и он добавляет к ним что-то из китайской кухни. А тебе, Николай, отвечу – это не гусь, а пекинская утка* [АХ, 2020, с. 117]; – *Александр Петрович, вы сейчас где служите, как и прежде по линии топографии в Управлении КВЖД? – Да! – ответил Адельберг. – Готовим партию на Малый Хинган, в район Сахаляна* [АХ, 2020, с. 135].

В рамках российско-китайского фронтального пространства в результате переселения в Приамурье, освоения новой земли человек фронта вступает в культурные контакты с таежными людьми: *День за днем, от восхода до*

заката, **переселенцы** рубили и выжигали тайгу, корчевали пни и копали землянки в высоком обрыве берега. Понемногу край релки очищался от леса. Из обрубленных ветвей складывали огромные костры, пылавшие круглые сутки и отгонявшие дымом гнус. Эти костры пугали по ночам **гольдов** в соседних стойбищах [ЗАБ, 1946, с. 44]; Живя на Амуре с **гольдами**, он надеялся со временем разбогатеть и богатством вознаградить себя за страдания и бедность. Хотелось ему, чтобы слух о его богатстве дошел до Шилки, чтобы и на родине услышали, как зажиточно живет **Иван**. В **Бельго** он начал жить без гроша за душой. **Гольды**, приютившие его, сами были небогаты. А в понимании русского человека – без земли, без скота и без хозяйства на **русский лад** – были почти нищи. **Иван**, оправившись, стал помогать им, как мог. Он жил бережливей их, не позволял **торговцам** обманывать себя, промышлял с настойчивостью, а не поддаваясь воле случая, как они, из года в год добывал все больше и больше пушнины. **Анга** быстро переняла от **Ивана** эту настойчивость в стремлении к богатству и помогала ему [ЗАБ, 1946, с. 75]; Этот **китаец** последние-то годы стал и с **русскими** торговать. Верстах в семидесяти пониже того места, где вас селят, на устье Горюна, есть **деревенька переселенческая** – **Тамбовка**, туда они муку возят и мало-мало **толмачат** уж по-нашему – научились. А дальше начнутся **русские деревни**, так они и туда ездят. А теперь, говорят, сюда из **Маньчжурии** потянулись другие **торгаши** [ЗАБ, 1946, с. 22]; **Кета** нравилась **переселенцам**. Они решили солить ее и сушить, запасать на зиму [ЗАБ, 1946, с. 53]; Ягоды на **Додьге** было много. В конце июня, когда приплыли **переселенцы**, в тайге созрела смородина и малина, вскоре на деревьях зачернела черемуха, которую **бабы** сушили и толкли, а потом стряпали из нее сладковатые пирожки [ЗАБ, 1946, с. 58].

Мы видим, что в художественном тексте человек фронта в российско-китайском фронтном пространстве в основном представлен работниками КВЖД, русскими переселенцами в Приамурье, китайскими торговцами и аборигенами Приамурья. В новых условиях у русских

переселенцев были сформированы следующие стратегии выживания: адаптация к местной жизни, освоение пашни, сосуществование с китайцами и народами Приамурья и пр. Для человека фронта в российско-китайском фронтном пространстве характерны высокая адаптивность, дружелюбие, дух новаторства, взаимопомощь, тем самым он предстает не как пассивный объект обстоятельств, а как активный субъект, всеми силами создающий уникальную этнолингвокультурную среду пограничья.

Культурное взаимодействие

Фронт – это зона, где проходят активные контакты между представителями различных культур, вследствие этого в его пространстве обязательно наблюдаются активное культурное взаимодействие. Дж. Берри выдвинул четыре типа культурных взаимодействий: 1) сепарация – изоляция, непринятие чужой культуры и стремление сохранить свою культурную идентичность; 2) ассимиляция – принятие ценностей, норм чужой культуры с полной заменой и потерей собственной самооценности; 3) маргинализация – потеря собственной культурной идентичности и отказ от принятия норм чужой культуры; 4) интеграция – сохранение собственной культуры и идентификация с чужой культурой одновременно (см.: [Первушкина, 2018, с. 113–114]).

Художественные тексты отмечают в российско-китайском фронтном пространстве элементы разных типов культурного взаимодействия:

1) ассимиляция – по мере углубления и расширения контактов между русскими эмигрантами в Харбине и местными китайцами в повседневном общении русские включали в свою речь китайские слова: *хао*, 好 [hǎo] ‘хорошо’; *кэ и*, 可以 [kě yǐ] ‘можно’; *ци*, 漆 [qī] ‘лак’; *лаобайсин*, 老百姓 [lǎo bǎi xìng]; ‘простые люди’ [王维国, 2011, с. 280, 405, 428, 548]: – *Хао! Кэ и!* – согласился Александр Петрович [АХ, 2020, с. 77]: – Скажи Кузьме Ильичу, как по-китайски будет лак? – «*Ци*», – сказал Адельберг, посмотрел на Тельнова и увидел его смущение [АХ, 2020, с. 126]; Александр Петрович

услышал этот звук, такой характерный для простых китайцев, и подумал: «**Лаобайсйн**, ты и есть лаобайсйн, никакими костюмами и платочками этого не скроешь!» [АХ, 2020, с. 180];

2) интеграция: *Харбинцы ели, спали, ходили на работу, мирно выпивали и покуривали в многочисленных кафе и ресторанах и ни с кем особо не конфликтовали; их дети учились в гимназиях, праздновали Рождество и Пасху и смотрели американское кино [АХ, 2020, с. 228]; Между окнами стоял будуарный столик, над которым висело зеркало хорошего качества в резной деревянной раме с перламутровыми накладками. В правой от окон боковой стене была дверь, видимо в соседнюю комнату. С противоположной стороны, упираясь в изразцы голландской печи с чёрными чугунными дверцами и начищенной до зеркального блеска медной круглой вьюшкой, стоял бархатный диван русской работы, с высокой спинкой с узким зеркалом и двумя круглыми валиками по бокам; пол покрывал толстый мягкий китайский шёлковый ковер. Мебель, занавески, салфетки, множество расставленных по комнате китайских фарфоровых, костяных и бронзовых безделушек, на стенах масляные картины и несколько офортов – всё было хорошо, со вкусом подобрано и находилось в полной гармонии и порядке [Харбин, 2020, с. 77];*

3) сепарация: *Недалеко от вокзала они нашли лавку скупщика, над входом в которую по-русски было написано «Антиквар», и зашли [АХ, 2020, с. 89]; – Да вот, читаю ежедневную демократическую газету «Заря». – Все номера подряд? Я вижу у вас их в руках несколько! – Да, с самого Нового года [АХ, 2020, с. 109]; – В Харбине издаётся около десятка газет, есть журналы, например, «Рубеж» [АХ, 2020, с. 112].*

Сходные процессы лингвокультурного взаимодействия отмечались на противоположном берегу Амура, в русском Приамурье:

1) интеграция – в связи с активными торговыми контактами между китайцами, русскими переселенцами и аборигенами Приамурья в повседневном общении часто используются слова китайского происхождения,

а также конструкции пиджина:

а) *джангуй*, 掌柜 [zhǎng guì]; ‘хозяин лавки’ [王维国, 2011, с. 942]: – *Переваливать Амур хотят, – пояснил казак. – Это гольды тянут в Китай торговца с мехами. Э-эй, джангуй! – заорал он. – Твоя майма откуда куда ходи?* [ЗАБ, 1946, с. 21];

б) ханшин ‘китайская неочищенная водка из хлеба (чумизы, гаоляна и др.), желтого цвета, очень крепкая, с сильным сивушным запахом, в качестве одного из разновидностей шаоцзю’ [БАС-1, т. 17, с. 30], этимология неясна [ФЭС, т. 4]: *Когда стемнело, к стану подошли казаки и принесли с собой бутылку ханшина* [ЗАБ, 1946, с. 23];

в) шаман, 萨满 [sà mǎn] ‘в некоторых языческих религиях народов Африки, Северной и Восточной Азии, Центральной Америки и Полинезии: служитель культа духов, вступающий в ритуальное общение с ними’ [БТС, 2000, с. 1489]: *Старик закрыл колючие глаза, заплакал горько и стал жаловаться, что все его сыновья умирают маленькими, а шаманы не могут помочь ему в этой беде, и теперь последний его сынишка тоже прихварывает* [ЗАБ, 1946, с. 113];

г) фанза, 房子 [fáng zi]; ‘китайское или корейское жилище сельского типа’; кан, 炕 [kàng] [БАС-1, т. 16, с. 1243, БАС-3, т. 7, с. 596] ‘в деревенских домах китайцев и корейцев расположенный вдоль стены невысокий каменный или глиняный выступ, используемый как лежанка, под которым проходят печные трубы’: *Кое-как все добрались до двери фанзы. Гольды отряхивали шубы, раздевались и лезли на горячие каны* [ЗАБ, 1946, с. 112];

д) улы, 靴鞞鞋 [wù la xié]/乌拉鞋 [wū lā xié]; ‘заимствованное из маньчжурского языка название традиционной зимней обуви, популярной в регионах северо-востока и Внутренней Монголии Китая, изготавливается из кожи животных и утепляется осокой Мейера’ [朗琅, 2018, с. 6]: *Поодаль двое мужиков, одетых в дабовые халаты, сидя на корточках, свежесвали короткими ножами тушу зверя. Егор различил, что низкий горбоносый*

старик с *косичкой* на затылке, обутый в долгоносые *улы*, – *гольд*, а плечистый и рослый, с темными короткими усами, в *поярковой* шляпе на голове – *русский* [ЗАБ, 1946, с. 45];

е) хунхуз, 红胡子 [hóng hú zi] ‘участник вооруженных банд, действовавших в северо-восточном Китае с середины XIX века до победы народной революции в Китае’ [БСЭ-2, т. 46, с. 415]: *По их одежде он понял, что это китайцы, и подумал, что, наверное, это одна банда хунхузов или контрабандистов попала в засаду к другой* [ЗАБ, 1946, с. 154] и др.;

2) сепарация: *Ванька, оставайся, скоро Пасха, мы всю деревню песни петь заставим, бабам платков пообещаем, девчонкам пряников: гулянку сделаем...* [ЗАБ, 1946, с. 154].

Итак, господствующими типами культурного взаимодействия в российско-китайском фронтальном пространстве являются интеграция и сепарация, в этой сложной контактной среде наблюдается как стремление к адаптации к чужой господствующей культуре, так и потребность в сохранении собственных культурных особенностей.

Оппозиция «свой – чужой»

По мнению Ю. М. Лотмана, всякая культура может разделяться на внутреннее («свое») пространство и внешнее («чужое, их»), которые соответственно предстают как космос и хаос [Лотман, 1996, с. 175–176]. При этом человек не просто погружается в реальное, данное ему природой пространство, моделирует окружающий мир в своем сознании [Там же], а активно преобразует его в культурное, накладывая на него семиотические коды. И по мере развития человеческой деятельности эти свое и чужое пространства разграничивают не только географические пространства, но и социумы. Оппозиция «свой – чужой» является одной из базовых культурно-психологических категорий, которая позволяет индивиду структурировать пространство и определять свойства находящихся в нем объектов по отношению к самому себе или своему личному пространству [Захаренко, 2013, с. 16; Ареева, 2024, с. 17]. Оппозиция «свой – чужой»

представлена в художественных произведениях о Дальнем Востоке.

Русские переселенцы в Приамурье противопоставляют свою жизнь в новых местах жизни в России и вспоминают свой путь переселения, «путь сибирский», «матушку-тайгу» [Васильева, 2023, с. 2521]: Эх, **Сибирь, Сибирь!**.. Еще и теперь, как вспомнят старики свое переселение, есть им о чем порассказать... Велик **путь сибирский** – столбовая дорога. Пошагаешь по ней, покуда достигнешь синих **гор байкальских**, насмотришься людского горя, наготы и босоты, и привольной жизни на богатых **заимках**, и степных просторов, и диких темных лесов [ЗАБ, 1946, с. 11]; За Енисеем стала стеной великая **тайга**. Как вступили в нее **переселенцы**, так уж во всю жизнь не видали ей конца, сколько бы ни ходили. Велика эта тайга. Зайди-ка в нее, в самую чащу, сядь в сырые мхи да одумайся, где ты, и что за лес вокруг тебя, и что ты такое против всего этого. И такая тебя возьмет **лихота**, что и не рад станешь. Уж лучше ехать и не думать. Такова-то **сибирская матушка-тайга** [ЗАБ, 1946, с. 11]; В Хабаровске от **переселенческого каравана** отстали буксирный пароход, баржа с **семейными солдатами**, паромы с **казенным скотом**, взятым для продажи **новоселам**, торговый баркас **яхтинского** купца и плоты с **переселенцами**, назначенными селиться на **Уссури**. Дальше вниз по **Амуру** поплыли паромы переселенцев, которым предстояло основать новые селения между **Хабаровской** и **Мариинским**, и лодка чиновника, распорядившегося **сплавом** и **водворением** крестьян на новых местах [ЗАБ, 1946, с. 17]; Все это он не стал объяснять мужикам. Они и так его понимали. Вскоре **переселенцы** разошлись, качая головами и сетуя на **амурские** непорядки. Теперь для Егора само собой выходило, что лес этот на пятьдесят сажень вдоль берега и вглубь насколько угодно станет его собственностью и что надо рубить, корчевать и жечь пеньки, **подымать целину**, потом копать в береге **землянку** да ожидать, когда **сплавищики** доставят коня и корову. Теперь некогда было думать и раздумывать, хорошо тут или худо и нет ли где места получше, а надо работать и работать, сколько станет силы [ЗАБ,

1946, с. 40]; *Особенное любопытство проявляли крестьянки к тому, как она деревянным молоточком выделывала на чурбане **рыбью кожу**. Сшивая рыбы шкурки вместе, она кроила и шила из них **передники, халаты, обувь с загнутыми морщинистыми носами** и даже штаны Ивану* [ЗАБ, 1946, с. 67].

У русских эмигрантов в Харбине оппозиция «свой и чужой» в первую очередь проявлялась в ностальгии, постепенном принятии китайской культуры, но и стремлении сохранить идентичность в чужой земле: *Он посмотрел на книжный шкаф, увидел своё отражение, за стёклами, на полках в прежнем порядке: **Толстой, Чехов, Достоевский, Григорович, Карамзин**, две верхние полки занимают бесконечные **Брокгауз и Ефрон**, на нижней детские книжки...* [АХ, 2020, с. 99]; *На курительном столике, на прежнем месте **Шоу Син** – китайский бог долголетия, тонко вырезанный из светлого серо-салатового **мыльного** камня, с высоким посохом в одной руке и **тыквой-горлянкой** в другой* [АХ, 2020, с. 99]; *Никогда не текла такой сплошной лавиной толпа по лестницам, коридорам и проходам **Желсоба**. Никогда Желсоб не горел пляской таких бешеных огней, как горел и переливался он вчера. Никогда не звучало одновременно под одними и теми же сводами столько **фокстротных** оркестров. Никогда так сильно и так разнообразно не были украшены залы, гостиные и фойе **Железнодорожного собрания**. Никогда не собиралось столько **фраков** при белых **пластрогах** и подчеркнуто строгих **смокингов**...* [АХ, 2020, с. 114].

Из вышеупомянутых примеров можно сделать вывод о том, что оппозиция «свой и чужой» в российско-китайском фронтальном пространстве является динамичной, многоуровневой системой. Она представлена воспоминаниями о прошлом (тайга, ностальгия) и шагами в сторону адаптации. Книги с произведениями русских классиков в шкафу, традиционный бал в Железнодорожном собрании отражали стремление сохранить идентичность, а статуэтка китайского бога Шоу Син в квартире русских эмигрантов в Харбине показывает такие черты этой оппозиции, как

нестабильность и подвижность.

Фронтирная окраска

По мнению Т. В. Васильевой, фронтирная окраска в литературе – это организация художественного повествования вокруг идейно-тематических блоков, связанных с художественным воплощением образа фронта как территории порубежья, территории соприкосновения и взаимовлияния различных народов, культур, мировоззрений. Основные способы её выражения заключаются в описании жизни и природного пейзажа на фронтире, изображении людей фронта, столкновении цивилизации и традиционного уклада [Васильева, 2025, с. 41; Васильева, 2025, с. 16–20; Лопаткина, 2022, с. 60–62].

В художественных произведениях писателей Приамурья встречаются многие фрагменты с ярко выраженной фронтирной окраской российско-китайского пограничья: *В Мылках, на нашей памяти, одни только гольды жили. Маньчжуры эвон где, на той стороне жили – вернее сказать, иногда наезжали, останавливались напротив этой Мылки, вон, глядите-ка, между гор вроде заливчик и тальники. Это горло в озеро, озеро называется Пиван, вернее сказать, так называется остров и протока за ним, а озеро гольды как-то по-другому называют. На этом Пиване, неподалеку от устья, была городьба, у них была усадьба. Маньчжуры приплывали сюда и собирали ясак с гольдов. Это я видел, как они плавают на больших лодках. Каждый год ярмарку открывали, торговали с гольдами, гиляками, которых, бывало, догола оберут, обыграют в карты [ЗАБ, 1946, с. 35]; Огород был для каждой семьи заветным местечком. Наталье плакать хотелось от радости, когда впервые зазеленели всходы на ее грядках. Лес еще стоял поблизости, тучи комарья туманом зеленели над релкой, но, глядя на такие знакомые, по-старому родные и милые комья черной земли и на стройные рядки лунок с бледно-зелеными ростками, верилось, что будет тут и дом, и пашня, и двор. Хотелось работать еще нуще, и Наталья трудилась не покладая рук и не жалея себя. Это чувство испытывали все переселенцы, и всем работалось в*

*тайге веселей, когда за спиной появились маленькие **росчисти*** [ЗАБ, 1946, с. 51]; Эти отрывки отражают тенденцию к интеграции людей фронта в жизненно-бытовой сфере, показывают торговые, культурные, бытовые контакты и поиск путей выживания в чужой среде.

В Харбине обнаруживаются сходные явления в жизни русских переселенцев: *От их дома на **Разъезжей** улице до вокзала ехать было совсем недалеко – через несколько сотен шагов площадь и **Свято-Николаевский собор** и чуть дальше под горку по **Вокзальному проспекту** – вокзал* [АХ, 2020, с. 94]; *В течение последних нескольких суток Александр Петрович Адельберг находился на северных отрогах **Малого Хингана** вместе с разведочной партией, производившей топографическую и геодезическую съёмку местности под давно задуманную **железнодорожную ветку Цицикар – Сахалян**: она должна была соединить **КВЖД** с берегом **Амура** как раз напротив **Благовещенска*** [АХ, 2020, с. 153]; *На **Китайской** располагались популярные **харбинские** кафе, рестораны, кинотеатры, клубы, магазины и лавки, салоны модисток и даже городская тюрьма. По проезжей части катили автомобили и автобусы, ехали русские **извозчики**, бежали китайские **рикши*** [АХ, 2020, с. 230]; *Александр Петрович сел на заднее сиденье, они приехали на **Соборную площадь** и остановились около гостиницы «**Нью-Харбин**», недавно построенная гостиница светилась высокими прямоугольными окнами своих пяти этажей* [АХ, 2020, с. 250].

Фронтирная окраска в этих художественных текстах создается через описание природы, городского пейзажа, изображение гибридного городского пространства и символы данного фронта, что передает уникальный колорит российско-китайского пограничья как места встречи двух лингвокультур.

В художественных произведениях Е. М. Анташкевича «Харбин» и Н. П. Задорнова «Амур-батюшка» отражены следующие этнолингвокультурные особенности фронтального пространства: 1) «человек фронта» – железнодорожные рабочие, переселенцы, торговцы, жители Харбина разных

национальностей и аборигены Приамурья; они характеризуются высокой адаптивностью, гибкой идентичностью, духом новаторства и сотрудничества, взаимопомощью, формируя уникальную среду пограничья; 2) культурное взаимодействие – в данном фронтире господствующими типами культурных взаимодействий являются интеграция и сепарация; 3) под влиянием лингвокультурного взаимодействия в повседневном общении появились многие заимствования и структуры пиджина; 4) оппозиция «свой и чужой» – появление китайских статуэток в квартирах русских эмигрантов в Харбине, приготовление пищи китайцами по русским рецептам, но с включением китайских традиций свидетельствуют о нестабильности и подвижности фронта, ностальгия, русские газеты и книги в квартирах русских эмигрантов в Харбине создают условия сохранения идентичности; 5) фронтальная окраска – описания природы, городского пейзажа, символов фронта (КВЖД, собор) передают уникальную зону встречи цивилизаций.

В этом же регионе с XVII века существовало фронтальное пространство Кяхты и других мест Приамурья, обусловленное развитием приграничной чайной и меховой торговли. Данный фронт отличался следующими специфическими характеристиками, 1) человек фронта представлен главным образом крестьянами-переселенцами, купцами, контрабандистами и представителями местных народов; 2) получил развитие кяхтинский пиджин; 3) проявлялось уважение к чужой культуре без умаления своей; 4) происходила адаптация к новой природной жизни и др. [Александрова-Осокина, 2024, с. 209–218].

Таким образом, российско-китайский фронт представляет собой динамичное пространство, где формируется уникальная этнолингвокультурная среда, основанная на основе масштабного взаимодействия, интеграции, адаптации и совместного развития.

Выводы по главе IV

В данной главе рассмотрено развитие литературы Приамурья, у

которой было три основных этапа. Главное внимание было уделено современному этапу и его четырем представителям: В. О. Авченко, Е. М. Анташкевичу, А. П. Лепетухину, В. А. Купренко.

На основе анализа произведений В. О. Авченко и Е. М. Анташкевича выделены следующие лексические группы: природно-географическая лексика; лексика, связанная с КВЖД; социальная лексика, лингвокультурная лексика. Единицы этих лексических групп показывают природные условия территории, экономическую деятельность, социальную среду, сферу культурных и языковых контактов в жизни населения Приамурья, а также фиксирует большое влияние КВЖД на фронтальное пространство.

В произведениях обоих авторов используются регионализмы китайского происхождения, включая заимствования, вошедшие в литературный язык, и слова, известные только в пределах русско-китайского пограничья. Китаизмы *фанза* и *кан* встречаются в разных контекстах и в разные периоды истории фронта, но они имеют разную функцию: в текстах В. К. Арсеньева они выступают в качестве экзотизмов, а в произведении В. О. Авченко – это регионализм русско-китайского пограничья. Это свидетельствует о процессах перехода от адаптации к принятию чужой культуры.

На основе произведений Е. М. Анташкевича и Н. П. Задорнова, рассказывающих о жизни людей фронта по обоим берегам Амура, были определены следующие этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта: 1) людьми фронта являются железнодорожные рабочие, переселенцы, торговцы, русские и китайцы в Харбине, эти же народы и коренные нации Приамурья; они характеризуются высокой адаптивностью, духом новаторства и взаимопомощью; 2) господствующими типами лингвокультурного взаимодействия в российско-китайском фронте являются интеграция и сепарация, 3) под влиянием лингвокультурного взаимодействия в русском региолекте появились многочисленные китаизмы и вкрапления: *чжангуй* 掌柜 [zhǎng

gui], *xao* 好[hǎo], *кэ и* 可以[kě yǐ], *ци* 漆[qī], *ханшин* 烧酒[shāo jiǔ], *фанза* 房子[fáng zi] и др.; 4) оппозиция «свой и чужой» в этом фронтальном пространстве отличается нестабильностью; 5) уникальные природные и городские пейзажи, особые символы являются важными составными элементами данного фронта.

Таким образом, современная литература Приамурья не только отражает особенности региона, но и служит основой для изучения межкультурных контактов между русскими, китайцами и аборигенами Приамурья.

Заключение

Первые официальные государственные контакты России и Китая произошли в 1618 году. После подписания Нерчинского (1689), Айгуньского (1858) и Пекинского (1860) договоров была определена граница между двумя странами и окончательно сформировано российско-китайское пограничье, занимающее площадь около 3,6 млн км². Данный регион расположен на территории северо-востока Китая, Приамурья и Приморья России. Он характеризуется большими по территории горными и речными системами и биоразнообразием.

В настоящее время российско-китайское пограничье расположено с обеих сторон границы между двумя странами, составляющей около 4200 км. С российской стороны оно включает в себя Республику Алтай, Забайкальский край, Амурскую область, Еврейскую автономную область, Хабаровский край и Приморский край, а с китайской стороны – провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и автономный район Внутреннюю Монголию и Синьцзян-Уйгурский автономный район. Коренными народами, проживающими на российско-китайском пограничье, являются удэгейцы, нанайцы, тазы, эвенки (тунгусы), дауры, дючеры, гиляки, натки, эвены, монголы, буряты. Здесь проживают также китайцы (ханьцы), маньчжуры, русские, украинцы, белорусы, татары, корейцы и японцы, переселившиеся в регион в разное время.

На фронтальной территории возникли Нерчинск, Кяхта, Айгунь, Харбин, Благовещенск и Владивосток, вокруг которых формировалось пространство культурно-языковых контактов, что привело к распространению и использованию в данном регионе русского, китайского, корейского языков и языков коренных народов Приамурья.

Благодаря богатой истории народов Приамурья, многообразной культуре, географическим и природным условиям, а также активным этнокультурным контактам между двумя основными народами – русскими и китайцами – на российско-китайском пограничье, данный регион превратился в платформу для культурных и лингвальных контактов, что способствовало появлению и распространению языковой трансформации и пиджинизации. В таких условиях возникли многочисленные русско-китайские регионализмы: 伏特加 ‘водка’, 布拉吉 ‘платье’ в китайском региолекте, *куня*, *ни хао*, *чифан* в русскоязычном региолекте и др. Они не только помогают осваивать культуру другой страны, но и употребляются в повседневном общении между жителями в данном регионе.

Выдающийся русский географ, этнограф, путешественник, писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев отдал 30 лет своей жизни изучению Дальнего Востока и Маньчжурии, его судьба тесно связана с этим фронтальным регионом. В 1906–1910 и 1911–1913 годы он осуществил четыре экспедиции, посетил и описал в своих трудах горы Сихотэ-Алиня, Хингана, реки Уссури и Амур и др. Здесь Владимир Клавдиевич встретился с человеком, который сыграл ключевую роль в его экспедиционной и творческой деятельности – с Дерсу Узалой, который стал героем его произведений.

В. К. Арсеньев оставил после себя богатое научное и литературное наследие, включающее произведения «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг.» (1912), «Китайцы в Уссурийском крае» (1914), «По Уссурийскому краю» (1921), «Дерсу Узала» (1923), «В дебрях Уссурийского края» (1928), «Сквозь тайгу»

(1930), «В горах Сихотэ-Алиня» (1937) и др. Эти тексты дают ценнейшие материалы для изучения природных, этнографических и лингвальных особенностей российско-китайского пограничья. Они также оказали значительное влияние на творчество русских писателей XX–XXI веков.

В произведениях В. К. Арсеньева встречается значительное количество китаизмов и ономастических единиц китайского происхождения или пришедших в русский язык через китайское посредничество: антропонимы: *Чжан Бао* 张宝 [zhāng bǎo], *Чжан Цзолин* 张作霖 [zhāng zuò lín]; оронимы: *Сиходалинь* 西河大岭 [xī hé dà lǐng] / *Лаолин* 老岭 [lǎo lǐng] / *Далинь* 大岭 [dà lǐng], *хребет Чан-бо-шань*, 长白山 [cháng bái shān], *хребет Лао-сун-лин*, 老松岭 [lǎo sōng lǐng]; гидронимы: *Усули-цзян*, 乌苏里江 [wū sū lǐ jiāng], *река Тюмень-ула*, 图们江 [tú mén jiāng], *река Хунчунхэ*, 琿春河 [hún chūn hé]; хоронимы и астионимы: *Нингута* 宁古塔 [níng gǔ tǎ], *Сансин* 三姓 [sān xìng], *Чифу* 芝罘 [zhī fú]; хрононимы и название исторических государств: *государство Гаоли* 高句丽 [gāo gōu lì], *Бохайское царство* 渤海国 [bó hǎi guó], *династия Ляо* 辽朝 [liáo cháo], *Канси* 康熙 [kāng xī], *Даогуан* 道光 [dào guāng]; экзотизмы: *кан* 炕 [kàng], *жемчуг* 珍珠 [zhēn zhū], *ханшин* 烧酒 [shāo jiǔ], *шаман* 萨满 [sà mǎn], *фанза* 房子 [fáng zi]. В произведениях писателя используются некоторые устаревшие названия географических объектов (Нингута, Сансин, река Суйфун, гора Чанбошань и др.), которые в дальнейшем были изменены в китайском языке, а затем транскрибированы по-русски. Кроме того, ряд названий китайского происхождения в 1969 году был заменён русскими топонимами, что заставляет при чтении текстов В. К. Арсеньева учитывать эти переименования. Значительное количество китаизмов и онимов китайского происхождения, использованных В. К. Арсеньевым в произведениях, было зафиксировано в авторитетных русских энциклопедических и толковых словарях, а также в переводных русско-китайских словарях (более 50%).

В произведениях Владимира Клавдиевича зафиксированы также русские названия географических объектов: гидронимы *Японское море, залив Петра Великого*; хоронимы и астионимы *Уссурийский край, Приамурье, Владивосток, Хабаровск Советская Гавань*; инсулонимы *остров Сахалин, Шантарский остров*; этнонимы *удэгейцы, гольды, орочи, русские, китайцы, корейцы*; астронимы *Млечный путь, звезда Сириус* и др.

Благодаря всем этим словам читатель может не только всесторонне познакомиться с горной и речной системами, с местным колоритом, бытом и обычаями народов Дальнего Востока и Маньчжурии, но и выявить лингвокультурные контакты между русскими, китайцами, маньчжурами и другими народами фронтальной территории.

Китаизмы и китайская ономастическая лексика В. К. Арсеньева находит продолжение в произведениях других русских писателей, однако частота их использования значительно ниже, чем в текстах предшественника. Использование В. К. Арсеньевым китайских заимствований и онимов положили прочную основу для дальнейшей адаптации этих слов в русском языке.

В связи со строительством Китайской Восточной железной дороги в конце XIX века в Маньчжурию прибыли со своими семьями инженеры, железнодорожные рабочие, строители, торговцы и представители других профессий. После Октябрьской революции в Харбин и окрестные поселения приехали русские дворяне, представители буржуазии, военные, крестьяне, казаки и другие россияне. В начале XX века количество русских переселенцев в Харбине достигло более 165 тысяч человек, а в 1923 году их было уже 400 тысяч человек. Русская диаспора Харбина оказала огромное влияние на развитие города, включая архитектуру, торгово-экономическую деятельность, образование, искусство, культуру и др.

Особый интерес представляет русская эмигрантская литература Харбина. Следует упомянуть таких её представителей, как Н. А. Байков, А. П. Паркау, А. И. Несмелов, В. П. Петров, В. Перелешин и др. В их

произведениях описаны природные и городские пейзажи Харбина и окрестностей, местная народная культура, межкультурные связи, ностальгия по России и др. Как и у В. К. Арсеньева, в текстах харбинских писателей встречаются имена собственные китайцев, местные топонимы, а также варваризмы и экзотизмы: антропонимы: *Ли Хунчжан* 李鸿章 [lǐ hóng zhāng], *Цюй Цюбо* 翟秋白 [qú qiū bái], *Юань Шикай* 袁世凯 [yuán shì kǎi], *Фэн Юйсян* 冯玉祥 [féng yù xiáng]; оронимы и гидронимы: *хребет Чжангуанцайлин* 张广才岭 [zhāng guǎng cái líng], *гора Маоэршань* 帽儿山 [mào ér shān], *озеро Цзиньбоху* 镜泊湖 [jìng bó hú], *река Ашихэ* 阿什河 [ā shí hé], *река Вампу / Хуанпу* 黄浦江 [huáng pǔ jiāng]; хоронимы и астионимы: *Далянь / Дальний / Дайрен* 大连 [dà lián], *Шанхай* 上海 [shàng hǎi], *Чунцин* 重庆 [chóng qìng], *Жехэ* 热河省 [rè hé shěng], *Хэйлуцзян* 黑龙江省 [hēi lóng jiāng shěng]; дромотопонимы: *станция Ханьдаохэцзы* 横道河子站 [héng dào hé zǐ zhàn], *станция Сяосуйфын* 小绥芬站 [xiǎo suí fēn zhàn], *станция Имяньпо* 一面坡站 [yī miàn pō zhàn], *станция Суйфэньхэ* 绥芬河站 [suí fēn hé zhàn], *станция Маоэршань* 帽儿山站 [mào ér shān zhàn], *станция Уцзимихэ* 乌吉密河站 [wū jí mì hé zhàn]; эргонимы и экклезионимы: *монастырь Цзи Лэсы* 极乐寺 [jí lè sì], *храм Конфуция* 文庙 [wén miào], *фирма Тун Фалун* 同发隆百货 [tóng fā lóng bǎi huò]; «Лисао» «离骚» [lí sāo], «Дао Дэ Цзин» «道德经» [dào dé jīng]; название исторических государств и правление китайских императоров: *Маньчжоу-го* 伪满洲国 [wěi mǎn zhōu guó], *Сюаньтун* 宣统 [xuān tǒng], *Кандэ* 康德 [kāng dé]. хрононимы: *культура Байцзиньбао* 白金宝文化 [bái jīn bǎo wén huà], варваризмы и экзотизмы: *чифан* 吃饭 [chī fàn], *пэню* 朋友 [péng yǒu], *яньцзин* 眼镜 [yǎn jìng], *гаолян* 高粱 [gāo liáng], *лама* 喇嘛 [lǎ ma], *хунхузы* 红胡子 [hóng hú zi], *дань* 石 [dàn], *чжан* 丈 [zhàng], *доу* 斗 [dǒu] и др. В этих произведениях также встречаются многочисленные русские ономастические

единицы, относящиеся как к российской истории, так и к жизни Маньчжурии и Харбина. Они вплетаются в текст наряду с китайскими единицами, становятся ономастическими вехами текста, обозначают конкретные места описываемых событий, их участников, факультативные объекты и пр. Китаизмы придают тексту достоверность и местный колорит.

Традиции, заложенные В. К. Арсеньевым и писателями Харбина, были продолжены литераторами Дальнего Востока, в том числе В. О. Авченко, Е. М. Анташкевичем, В. А. Куприенко, А. П. Лепетухиным и др. В их произведениях встречаются многие лексемы, отражающие жизнь людей фронтального пространства. Китаизмы, встречающиеся в книгах В. О. Авченко и Е. М. Анташкевича, являются регионализмами. Можно сделать вывод, что китаизмы в современной литературе Дальнего Востока входят в лексический запас носителей русского языка региона, они используются для описания местной жизни в этом фронтальном регионе.

На основе произведений Е. М. Анташкевича и Н. П. Задорнова впервые были определены этнолингвокультурные особенности российско-китайского фронта: во-первых, к людям фронта относятся железнодорожные рабочие, переселенцы, торговцы, русские и китайцы, живущие в Харбине, китайцы, корейцы, японцы, живущие во Владивостоке, народы Приамурья и пр., все они характеризуются высокой адаптивностью, духом новаторства и взаимопомощью; во-вторых, господствующими типами лингвокультурного взаимодействия являются интеграция и сепарация; в-третьих, оппозиция «свой – чужой» отличается нестабильностью; в-четвертых, уникальные природные и городские пейзажи, символы (КВЖД, архитектура, храмы в Харбине; жизнь местных народов в Приамурье) являются важными составляющими элементами Дальнего Востока; в-пятых, в истории лингвокультурного взаимодействия во фронтире отмечено формирование кяхтинского пиджина, а позже под влиянием китайского языка в местный говор входят китаизмы и специфические конструкции: *чжангуй* 掌柜 [zhǎng guì], *хао* 好 [hǎo], *ци* 漆 [qī], *кэ* и *кэ* 可以 [kě yǐ] и др. Таким образом,

современная литература Приамурья не только отражает особенности региона, но и служит основой для изучения межкультурных контактов между русскими, китайцами и аборигенами Приамурья.

Перспективами нашего исследования является изучение китайских заимствований и ономастической лексики в новых произведениях литературы русского зарубежья о Китае и литературы Приамурья и Дальнего Востока. Анализ семантического развития и стилистического употребления китаизмов, особенностей использования онимов и их этимологии позволяет более глубоко познакомиться с историей контактов между различными народами Приамурья и с другими особенностями данного фронта.

Список использованной литературы

1. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.): дис. ... док. ист. наук: 07.00.03. / Н. Е. Аблова. Москва, – 2005. – 531 с.
2. Алиев, Р. Т. Изменение ряда языковых паттернов татар на приграничных пространствах: татары астраханского края и татары-мигранты Китая / Р. Т. Алиев // Журнал фронтальных исследований. – 2017. – №4 (8). – С. 58–71.
3. Андреева, А. А. «Фронт» как культурно-историческая категория / А. А. Андреева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2014. – №3. – С. 11–15.
4. Андреева, А. А. Фронт как понятие и исследовательская концепция / А. А. Андреева // Вестник КалмГУ. – 2025. – №1 (65). – С. 140–145.
5. Александрова-Осокина, О. Н. Образ «дальневосточного фронта» в лирике П. С. Комарова / О. Н. Александрова-Осокина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – №10. – С. 3622–3627.
6. Александрова-Осокина, О. Н. Фронтное пространство Кяхты и Приамурья в очерках Д. И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре» (1869) / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. – 2024. – №13. – С. 205–224.
7. Аркеева, Ю. Е. Моделирование ассоциативно-вербальных полей членов

оппозиции «Свой / 自己的 – Чужой / 他人的» / Ю. Е. Ареева. Ижевск: Удмуртский университет, 2024. – 193 с.

8. Блохинская, А. В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта / А. В. Блохинская // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2011. – №9. – С. 25–34.

9. Бокшанин, А. К. Китай во второй половине XIV–XV в. / А. К. Бокшанин // История Востока: В 6 т. Т. 2: Восток в средние века / Отв. ред. Л. В. Алаев и К. З. Ашрафян. – Москва: Вост. литер. РАН, 2000. – С. 528–546.

10. Беспрозванных, Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. / Е. Л. Беспрозванных. Хабаровск: Кн. изд-во, 1986. – 336 с.

11. Бакланов, Б. Я., Ганзей, К. С. К 150-летию со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева / Б. Я. Бакланов, К. С. Ганзей // Тихоокеанская география. – 2022. – №4. – С. 82–86.

12. Басалаева, И. П., Дубман, Э. Л., Мизис, Ю. А., Мильчев, В. И., Сень, Д. В., Урушадзе, А. Т., Ходарковский, М. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сень / И. П. Басалаева, Э. Л. Дубман, Ю. А. Мизис, В. И. Мильчев, Д. В. Сень, А. Т. Урушадзе, М. Ходарковский // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2020. – №1 (27). – С. 81–105.

13. Блохинская, А. В., Гордеева, С. В., Касимова, Е. В., Оглезнева, Е. А., Цзян, Ин. Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материалах российского Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / А. В. Блохинская, С. В. Гордеева, Е. В. Касимова, Е. А. Оглезнева, Ин Цзян. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 156 с.

14. Ван, Юцзюань. Образ Италии в аспекте «фронтирного восприятия» в «итальянских» очерках С. П. Шевырева / Юцзюань Ван // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – №10. – С. 3660–3665.

15. Васильева, Т. В. Мифология дальневосточного фронта в книге С. В. Максимова «На востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.)» / Т. В.

Васильева// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – №8. – С. 2518–2523.

16. Васильева, Т. В. Образы инокультурных персонажей в литературе восточного фронта второй половины XIX в. / Т. В. Васильева // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 27. – № 1. – С.10–14.

17. Васильева, Т. В. Основные топосы фронтального хронотопа в литературе XIX века / Т. В. Васильева // Язык как структура и дискурсивная практика. – 2025. – №1 (8). – С. 41–48.

18. Васильченко, Э. А. Роль женщин-иммигранток в колонизации Дальнего Востока России в середине XIX – начале XX века / Э. А. Васильченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 3 (17): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 52–54.

19. Верещагин, А. В. В Китае: Воспоминания и рассказы: 1901–1902 гг. / А. В. Верещагин. Санкт-Петербург: Изд-во В. Березовского, 1903. – 224 с.

20. Виноградов, В. А. Пиджины / В. А. Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Сов. энцикл., 1990. – С. 374–375.

21. Воробьева, Т. В. Восточный фронт России / Т. В. Воробьев // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (19). – С. 5–14.

22. Воронкова, И. С. О понятиях «экзотизмы» и «варваризмы» / И. С. Воронкова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – №2. – С.77–79.

23. Вэн, Цзятун. История и современное состояние китайских заимствований в русском языке: лексика, фразеология, ономастика: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Цзятун Вэн. Волгоград, 2023. – 25 с.

24. Гао, Чуньюй. Влияние русской эмиграции на городскую культуру Харбина / Чуньюй Гао // Культура и цивилизация. – Москва, 2019. – № 5. – С. 53–58.

25. Го, Юйчунь Китайско-Восточная железная дорога и распространение

- русской культуры в Китае / Юйчунь Го // Современная научная мысль. – 2023. – №5. – С. 54–59.
26. Граве, В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: отчёт В. В. Граве / В. В. Граве // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 11. – Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. – 489 с.
27. Гуань, Хаоюань, Пан, Цзясюй, Чжан, Цзяпэн, Ян, Хаоган. Прошлое и настоящее китайской единицы массы / Хаоюань Гуань, Цзясюй Пан, Цзяпэн Чжан, Хаоган Ян // Парадигма. – 2024. – №41. – С. 113–123.
28. Гусева, О. А., Козлова, Д. С. Семантический подход к изучению лингвокультурологических особенностей антропонимов в современном китайском языке / О. А. Гусева, Д. С. Козлова // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 16 (811). – С. 40–48.
29. Гэн, Ицзинь. Влияние русской диаспоры на промышленное и торговое развитие Харбина (1905–1935 гг.) / Ицзинь Пэн // Теории и проблемы политических исследований. – 2023. – № 5А–6А. – С. 81–88.
30. Дацышен, В. Г. История русско-китайских отношений (1618–1917 гг.): учебное пособие / В. Г. Дацышен. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 230 с.
31. Дашеева, В. В. Китайские антропонимы: вопросы истории, семантики и функционирования / В. В. Дашеева. Улан-Удэ: Бурятский гос. ун-т, 2014. – 242 с.
32. Дашеева, В. В. Смена имени в Китае как социокультурный феномен / В. В. Дашеева // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: межд. конф. – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. – С. 13–18.
33. Ден, В. Г., Коноплёва, Н. А. Фронтальный подход к исследованию гастрономического культурного пространства Дальневосточного региона России / В. Г. Ден, Н. А. Коноплёва // Восточно-Сибирский государственный институт культуры, 2021. – С. 174–184.
34. Дин, Сян. Некоторые особенности литературы русского зарубежья в китайском Харбине / Сян Дин // Вестник культурологии. – 2019. – №4 (91). –

С. 102–106.

35. Добродомов, И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов // Большой энциклопедический словарь: Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 158–159.

36. Дорохов, Ю. Н. Японцы в Сибири и на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX веков / Ю. Н. Дорохов [Электронный ресурс] //URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sib-japan/9.htm

37. Ду, Цзяци. Культурная деятельность русской эмиграции в Харбине (1900–1930-е годы) / Цзяци Ду // Исторический курьер. – 2023. – №3 (29). – С. 208–219.

38. Дьячков, М. В. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков / М. В. Дьячков // Вопросы языкознания. – 1988. – №5. – С. 122–132.

39. Егорова, Н. А. Вклад выпускников Харбинского политехнического института в российскую науку и культуру / Н. А. Егорова // Либерально-демократические ценности. – 2019. – №3–4. – С. 1–10.

40. Егорчев, И. Н. Неизвестный Арсеньев/ И. Н. Егорчев. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-а, 2016. – 164 с.

41. Жданова, Н. А. Русско-китайский пиджин Забайкалья среди других форм современных контактных языков / Н. А. Жданова // Вестник БГУ. – 2014. – №10–1. – С. 84–88.

42. Жданова, Н. А. Современный русско-китайский пиджин Забайкалья в структурно-системном и коммуникативном аспектах: дис. ... канд. филол. наук/ Н. А. Жданова. Улан-удэ, 2016. – 147 с.

43. Забияко, А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина / А. А. Забияко. Новосибирск: Изд-во Сибир. отд-я РАН, 2016. – 437 с.

44. Забияко, А. А. Мифология дальневосточного фронта в сознании писателей-эмигрантов / А. А. Забияко // Религиоведение (Благовещенск). – 2011. – №2. – С. 154–169.

45. Забияко, А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и

литература русского Харбина: Монография / А. А. Забияко; М-во образ. и науки РФ, Амурский гос. ун-т. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – 437 с.

46. Забияко, А. А. М. В. Щербаков: человек дальневосточного фронта в поиске корня жизни / А. А. Забияко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 111–117.

47. Забияко, А. А., Сенина, Е. В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940-х гг. XX в. / А. А. Забияко, Е. В. Сенина // Научный диалог. – 2024. – № 1. – С. 205–224.

48. Забияко, А. П. Порубежье / Забияко А. П. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Вып. 9. Сб. матер. междунар. научно-практ. конф. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. – С. 6–11.

49. Залеская, О. В., Янь, Мэйвэй. Культурные контакты между Россией и Китаем на дальневосточных территориях в XIX – начале XX в. / О. В. Залеская, Мэйвэй Янь // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2024. – №2 (32). – С. 134–144.

50. Залеская, О. В., Орнацкая, Т. А. Юридический факультет в Харбине в его вклад в развитие русско-китайского приграничья (1920–1937 годы) / О. В. Залеская, Т. А. Орнацкая // Новый исторический вестник. – 2016. – №2. – С. 113–131.

51. Захаренко, И. А. Русские географические исследования и освоения Сибири в XVII в. / И. А. Захаренко // Вопросы истории. – 2009. – №2. – С. 40–50.

52. Захаренко, И. В. Архетипическая оппозиция «Свой – Чужой» в пространственном коде культуры / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. кол.: М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. Вып. 46. – Москва: МАКС Пресс, 2013. – С. 15–31.

53. Зуенко, И. Ю. Китаеязычная топонимика Приморского края как результат межкультурного взаимодействия в Дальневосточном регионе / И. Ю. Зуенко //

Известия Восточного института. – 2011. – №1. – С.83–87.

54. Иванова, Л. М. Концепция дальневосточного фронта в современной российской историографии / Л. М. Иванова // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. – Москва: Апельсин, 2016. – С. 256–263.

55. Иванова, Л. М. Сибирский фронт: изучение вопроса в отечественной исторической науке / Л. М. Иванова // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 410. – С. 72–76.

56. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко. Т. I: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н. э. – Москва: Наука, Вост. литер., 2013. – 974 с.

57. Касимова, Е. В. Адаптация китайских заимствований в дальневосточном региолекте русского языка в конце XIX – начале XX вв. / Е. В. Касимова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – №66. – С. 99–104.

58. Киреева, Н. В. «Амурский текст»: популярный роман в контексте культурной географии / Н. В. Киреева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2018. – №5. – С. 262–276.

59. Киреева, Н. В. Формирование и бытование института литературных премий в Амурской области / Н. В. Киреева // Казанский педагогический журнал. – 2016. – №1 (114). – С. 161–164.

60. Кит, Т. В. Русско-китайские торговые отношения на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX вв. / Т. В. Кит // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Матер. междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2011. – С. 31–34.

61. Китайская система мер — Энциклопедия. Что такое Китайская система мер. [Электронный ресурс] //URL: https://mononews.ru/Китайская_система_мер

62. Кобелева, К. А. Лингвокультурологические особенности антропонимов в китайском языке: традиция и современность: выпускная квалификационная работа / К. А. Кобелева. Санкт-Петербург, 2018. – 92 с.
63. Красовская, С. И. Амурская литература начала 1920-х гг.: провинциальный сценарий / С. И. Красовская // Филологическая регионалистика. – 2011. – №1. – С. 25–32.
63. Кротова, М. В. Ситуация на КВЖД после советско-китайского конфликта 1929 г. / М. В. Кротова // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2014. – №3. – С. 220–227.
64. Кузьмичёв, И. С. Писатель Арсеньев. Личность и книги / И. С. Кузьмичёв. Санкт-Петербург: Совет. писатель. Ленингр. отд-е, 1977. – 235 с.
65. Кучина, Г. Культурная жизнь русского Харбина в первой половине XX века / Г. Кучина // Эмигрантская лира: литературно-публицистический журнал. – 2017. – № 3 (19).
66. Лавров, С. В. Вступительное слово / С. В. Лавров // 20-летие Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР: сб. статей / гл. ред. И. С. Иванов, Се Фучжань. – Москва: НП РСМД, 2021. – С. 5–6.
67. Лебедева, Е. П. Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII веков / Е. П. Лебедева // Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. – 1957. – Т.132. Факультет народов Крайнего Севера. [Вып. 2] / Отв. ред. Н. И. Степанов. – С. 69–110.
68. Левитов, И. С. Желтороссия, как буферная колония: (Докл., читанный в Общем собр. о-ва для содействия русской промышленности и торговле 16 мая 1905 г.) / И. С. Левитов. Санкт-Петербург: тип. инж. Г. А. Бернштейна, 1905. – IV + 120 с.
69. Ли, Иньфэн. Грамматические и лексические особенности русско-китайского пиджина в произведениях В. К. Арсеньева: выпускная квалификационная работа магистра лингвистики / Иньфэн Ли. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2017. – 84 с.
70. Лопаткина, Р. С. Отражение фронта в художественной литературе

- советского периода / Р. С. Лопаткина // Гришаевские чтения: Матер. IV национ. Науч. конф., посвящ. памяти В. В. Гришаева. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 59–63.
71. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. Москва: Языки русской культуры; Кошелев, 1996. – XIV + 464 с.
72. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике /Ю. М. Лотман. Москва: Гнозис, 1994. – 560 с.
73. Ма, На. Харбинский русско-китайский пиджин первой половины XX века и его языковые особенности / На Ма// Преподаватель. XXI век. – 2015. – №1. – С. 345–354.
74. Мадиева, Г. Б., Супрун, В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6. – С. 96–102.
75. Малов, В. И. В. К. Арсеньев: кн. для учащихся / В. И. Малов. Москва: Просвещение, 1986. – 96 с.
76. Матвеева, И. В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска): дис. ... канд. филол. наук/ И. В. Матвеева. Новосибирск, 2021. – 235 с.
77. Мещеряков, А. Ю. Трансграничные города Китая и России: проблема фронтальной типологии / А. Ю. Мещеряков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Матер. междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2018. – С. 150–157.
78. Мещеряков, А. Ю., Антропов, О. К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности / А. Ю. Мещеряков, О. К. Антропов // Журнал фронтальных исследований. – 2017. – № 2. – С. 30–58.
79. Милянчук, Н. С. К вопросу о «географической» типологии текстов: существует ли «дальневосточный» текст? / Н. С. Милянчук // На

- перекрестках филологических дорог: сб. ст.: к юбилею д-ра филол. наук, проф. Елены Александровны Первушиной / под ред. Т. И. Петровой. – Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2014. – С. 177–185.
80. Михайлюкова, Н. В. Лексические особенности дальневосточного региолекта / Н. В. Михайлюкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №3. – С. 795–799.
81. Мяо, Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур / Хуэй Мяо // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. – 2015. – №2. – С. 128–135.
82. Мясников, В. С. Империя Цин и русское государство в XVII веке / В. С. Мясников. Москва: Наука, 1980. – 312 с.
83. Нестеров, С. П., Алкин, С. В. Изучение К. А. Железняковым археологических памятников хэйшуй мохэ в Северной Маньчжурии на реке Ашихэ в 1930–1940-е годы / С. П. Нестеров, С. В. Алкин // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2024. – №5. – С. 45–55.
84. Новикова, А. А. Особенности авторского стиля Ф. С. Фицджеральда (на материале романа «Великий Гэтсби») / А. А. Новикова // Вестник Луганского государственного педагогического университета. – 2023. – № 4. – С. 58–65.
85. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2013. – №10. – С. 20–37.
86. Оглезнева, Е. А. Языковая ситуация в Приамурье: динамический аспект историко-лингвистический очерк / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2011. – №9. – С.7–25.
87. Оглезнева, Е. А. Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции / Е. А. Оглезнева // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию революции 1917 года, 80-летию со дня образования Читинской области, 50-летию атомной промышленности в Забайкалье: в 3 ч. Ч. 2. – Чита: Изд-во

ЗабГУ, 2017. – С. 166–169.

88. Пак, В. Переселение корейцев Дальний восток России. 1860-1880 годы / В. Пак. Владивосток: Изд-во Валентин, 2013. – 101 с.

89. Панарин, Д. С. Граница и фронтир как фактор развития региона и/или страны / Д. С. Панарин // История и современность. – 2015. – № 1. – С. 15–41.

90. Первушкина, А. И. Нижневолский фронтир как территория интенсивных культурных взаимодействий / А. И. Первушкина // Мировая наука. – 2018. – №7 (16). – С. 111–116.

91. Перехвальская, Е. В. Сибирский пиджин (дальневосточный вариант). Формирование. История. Структура: автореф. дис. <...> д-ра филол. наук / Е. В. Перехвальская. Санкт-Петербург, 2006. – 50 с.

92. Петрунина, Ж. В. Чан Кайши и Чжан Цзолинь: выбор Китая в 1920-х гг. / Ж. В. Петрунина / Ж. В. Петрунина // Общество: философия, история, культура. – 2018. – №12 (56). – С. 107–111.

93. Петухов, В. Б. География Китая: учебное пособие / В. Б. Петухов. Ульяновск: УлГТУ, 2021. – 236 с.

94. Плостина, Н. Н. Н. А. Байков – путешественник и литератор русского зарубежья / Н. Н. Плостина // Вестник ТГЭУ. – 1998. – №2. – С. 108–111.

95. Пэй, Цзяминь. Русская эмиграция XX века в Китае: особенность поэтического творчества В. Перелешина, А. Несмелова и А. Ачаира / Цзяминь Пэй // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №2. – С. 42–45.

96. Ратманов, П. Э. Высшая русская медицинская школа в Харбине (1921–1925 гг.) / П. Э. Ратманов // Дальневосточный медицинский журнал. – 2008. – №2. – С. 125–127.

97. Рихтер, Г. Д. Дальний Восток: физико-географическая характеристика / Г. Д. Рихтер. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 433 с.

98. Романова, Г. Н. Торговая деятельность китайцев на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.) / Г. Н. Романова // Россия и АТР. – 2009. – №3. – С. 142–151.

99. Румянцев, В. Б. Владимир Клавдиевич Арсеньев / В. Б. Румянцев [Электронный ресурс] //URL: https://hrono.ru/biograf/bio_a/arsenev_vk.php
100. Ряжских, Е. А. Современный русский язык: лексикология. Учебное пособие / Е. А. Ряжских. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2016. – 120 с.
101. Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. / [Изд. Д. Пещуров]. – Санкт-Петербург: Мин-во иностр. дел, 1889. – 271 с.
102. Синельникова, Л. Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках / Л. Н. Синельникова // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2020. – №2. – С. 467–492.
103. Скоркина, Н. В. К вопросу об истории иммиграции китайцев на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX вв.) / Н. В. Скоркина // Общество и право. – 2008. – №2 (20). – С. 45–47.
104. Слюнин, Н. В. Охотско-Камчатский край: естественно-историческое описание: (с картой). Т. 2. / Н. В. Слюнин. Санкт-Петербург: изд-е Мин. финансов, 1900. – 167 с.
105. Смирнова, Ю. А. Лекарственные растения и сырье традиционной китайской медицины Сообщение 1: Корень астрагала / Ю. А. Смирнова // Рефлексотерапия и комплементарная медицина. – 2013. – №3. – С. 3–18.
106. Советско-китайские отношения. 1917–1957 гг.: Сб. документов / Отв. ред. И. Ф. Курдюков, В. Н. Никифоров, А. С. Перевертайло. – Москва: Изд-во вост. литературы, 1959. – 468 с.
107. Сорокина, Т. Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX – начале XX вв. / Т. Н. Сорокина // Исторический ежегодник. [1998]. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. – С. 13–23.
108. Старцев, А. Ф. Исторические и современные реалии социально-экономического развития аборигенов Приморского края и их будущее / А. Ф. Старцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2012. – №1 (20). – С. 92–99.
109. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его

художественно-эстетический потенциал: монография / В. И. Супрун. Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

110. Супрун, В. И., Вэн, Цзятун. Источники по истории китаизмов в русском языке: сообщение о Китае в русских текстах XVII–XIX веков / В. И. Супрун, Цзятун Вэн // Вестник ДонНУ. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 4. – С. 14–23.

111. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. Москва: Наука, 1985. – 336 с.

112. Тёрнер, Ф. Фронтир в американской истории / Ф. Тёрнер. Москва: Весь мир, 2009. – 304 с.

113. Ткачёва, А. В. Императоры династии Цин или Сыны Неба и Владыки Поднебесной / А. В. Ткачёва // Молодой ученый. – 2019. – № 19. – С. 298–300.

114. Торохова, Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. Наук / Е. А. Торохова. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. – 25 с.

115. Урманов, А. В. Мы твердо стали на Амуре: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях / А. В. Урманов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2019. – 528 с.

116. Федирко, О. П., Бэ, Соён. Корейцы юга Дальнего Востока России в 1920–1930 гг.: колонизация и коллективизация / О. П. Федирко, Соён Бэ // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 6. – С. 81–84.

117. Франкьен, И., Шергалин, Е. Э. Орнитолог Борис Павлович Яковлев (1881–1947) – первый директор Музея Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) / И. Франкьен, Е. Э. Шергалин // Русский орнитологический журнал. – 2010. – № 600. – С. 1727–1745.

118. Хамаева, Е. А. Китайские антропонимы: монография / Е. А. Хамаева. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 308 с.

119. Хамаева, Е. А. О современном состоянии ономастической терминологии в китайской и русской лингвистиках / Е. А. Хамаева // Вестник И

ГЛУ. – 2009. – № 2. – С. 148–152.

120. Хисамутдинов, А. А. Библиотечная история Харбина / А. А. Хисамутдинов // Библиосфера. – 2013. – № 3. – С. 11–17.

121. Хисамутдинова, Н. В. От Восточного института – к Дальневосточному федеральному университету / Н. В. Хисамутдинова // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 7–1. – С. 39–51.

122. Хужанова, О. Т. Из истории разработки вопроса об экзотизмах / О. Т. Хужанова // Теоретическая и прикладная наука. – 2020. – № 6. – С. 218–222.

123. Цзян, Синьхао. Китайские онимы в русском тексте: на материале произведений В. К. Арсеньева / Синьхао Цзян // Кавказ-форум. – 2025. – Вып. 22 (29). – С. 42–51.

124. Цзян, Синьхао. Китайские онимы в русском тексте: на материале произведений В. К. Арсеньева / Синьхао Цзян // Ономастика Поволжья: Сб. материалов XXII международной конференции. – Саратов: Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, 2024. – С. 340–345.

125. Цзян, Синьхао. Особенности русского языка на русско-китайском пораничье / Синьхао Цзян // Грани познания. – 2025. – № 2. – С. 18–22.

126. Цзян, Синьхао. Российско-китайское пограничье и творчество писателя В. К. Арсеньева / Синьхао Цзян // Сталинградская гвоздика: Сб. матер. междунар. конф. Вып. 6. – Волгоград: Принтерра-Дизайн, 2024. – С. 194–198.

127. Цзян, Синьхао. Русско-китайское взаимодействие в топонимии Харбина (на материале книги В. П. Петрова «Город на Сунгари») / Синьхао Цзян // Отечественная филология. – 2025. – № 2. – С. 57–67.

128. Цзян, Синьхао. Этнолингвокультурное взаимодействие на российско-китайском пограничье / Синьхао Цзян // Неофилология. – 2024. – № 1 (37). – С. 57–66.

129. Цянь, Цзысинь. Китайские личные имена, выражающие идею мужество / Цзысинь Цянь // Вопросы ономастики. – 2022. – № 2 (19). – С. 239–249.

130. Чаевски, Е. Адам Шидловский (1860–1916) строитель российских

- железных дорог и основатель европейского Харбина / Е. Чаевски [Электронный ресурс] //URL: <https://oiaak.pf/adam-shidlovskiy>
131. Чжан, Цзунхуа, Цзян, Яньхун. Русские эмигранты в Харбине после Октябрьской революции 1917 г. / Цзунхуа Чжан, Яньхун Цзян // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2022. – № 4. – С. 82–95.
132. Чэн, Хунцзэ. Русские образовательные учреждения системы начального и среднего образования в Харбине (1898–1930 гг.) / Хунцзэ Чэн // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 64. – С. 3–7.
133. Чэнь, Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина / Цюцзе Чэнь // Россия и АТР. – 2011. – № 1. – С.80–85.
134. Шаронова, В. Г. История русской эмиграции в Китае / В. Г. Шаронова // Русское зарубежье. –2014. – № 3. – С. 217–231.
135. Шаронова, В. Г. Становление и развитие торгово-экономической деятельности русских коммерсантов в Харбине в начале XX века / В. Г. Шаронова // Исторический курьер. – 2023. – № 3 (29). – С. 13–29.
136. Шебзухова, Т. А. Фронтир – как историческое и социокультурное явление: монография/ Т. А. Шебзухова. Пенза: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2023. – 224 с.
137. Шрейдер, Д. И. Наш Дальний Восток: (Три года в Уссурийском крае): С 36 рис. в тексте и картой Уссур. края / Д. И. Шрейдера. Санкт-Петербург: А. Ф. Девриен, 1897. XII. – 469 с.
138. Яковлева, П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года/ П. Т. Яковлева [Электронный ресурс] //URL: https://vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Nerc_dogovor/zametka_1959.phtml
139. Янченко, Д. Г. Колонизация русско-китайского фронта и пограничья в современных исследованиях / Д. Г. Янченко // Новейшая история России. – 2024. – № 2. – С. 520–530.
140. Ян, Хуэй, Чжан, Юй, Соловьева, М. С. Национально-культурная

- семантика русских и китайских антропонимов / Хуэй Ян, Юй Чжан, М. С. Соловьева // Вестник СВФУ. – 2017. – № 1 (57). – С. 135–145.
141. 5 декабря 2019 г.–110 лет со дня рождения Николая Павловича Задорнова, писателя. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.tcmb.ru/images/doc/2019-11-22/zador20191128.pdf>
142. 100 лет со дня основания русского харбинского политехнического института. [Электронный ресурс] //URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/100_let_so_dnya_osnovaniya_russkogo_kharbinskogo_politekhnicheskogo_instituta/
143. Borysiewicz, M. History and Historiography of the Polish Diaspora in Harbin 1898-1949 / M. Borysiewicz // Scripta Historica. – 2016. – № 22. – P. 85–124.
144. Eberhard, W. The Local Cultures of South and East China. – Leiden: E. J. Brill, 1968. – 522 p.
145. Febvre L. Frontier: The Word and the Concept // A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre / Ed. P. Burke. – London, 1973.
146. Furniss E. Imagining the Frontier: Comparative Perspectives from Canada and Australia // Dislocating the Frontier: Essaying the Mystique of the Outback / Eds D.B. Rose, R. Davis. – Canberra, 2005.
147. Slotkin R. Regeneration through Violence: the Mythology of the American Frontier, 1600–1860. – Oklahoma, 2000.
148. Turner Fr. J. The Frontier in American History. – New York: Henry Holt and Company, 1920. – 375 p.
149. 白景虹. 俄国远东地区日本移民问题探析(1861–1917). 世界民族, 2024. № 6.页码 112–122.
150. 白英. 横道河子–中东铁路上的百年老镇. 道路交通管理, 2021. № 1.页码 84–85.
151. 白雪. 马迭尔广告所映衬的 20 世纪上半叶哈尔滨俄侨的娱乐文化生活. 今古文创, 2022. № 3.页码 114–116.
152. 陈秋旭, 刘景岚. 论 20 世纪前后远东俄侨文化及其对哈尔滨的影响. 延

- 边大学学报(社会科学版), 2020. № 2. 页码 40-46.
153. 都兴智, 孙艳. 关于渤海国及渤海遗民研究的几个问题. 辽宁师范大学学报(社会科学版), 2008. № 2. 页码 113-116.
154. 邓云. 开埠对近代烟台社会的影响探析. 西安社会科学, 2009. № 2. 页码 90-91.
155. 冯天瑜. 明清年号探微. 武汉大学学报(人文科学版), 2016. № 3. 页码 23-33.
156. 傅淑芳. 碧水粼粼镜泊湖. 风景名胜, 1997. № 1. 页码 14-15.
157. 高春雨, 杨玉波, 赵颖. 在华俄侨迁移史述评. 边疆经济与文化, 2018. № 12. 页码 88-89.
158. 龚强. 黑龙江城市礼赞(四)一天鹅颈下的珍珠哈尔滨. 黑龙江史志, 2011. № 8. 页码 31-34.
159. 管理. 1914-1955 热河省级行政区划的兴衰. 邢台学院学报, 2013. № 3. 页码 117-119.
160. 郭立彬. 华俄道胜银行对近代东北的铁路投资. 兰台世界(上旬), 2012. № 3. 页码 28-29.
161. 郭燕. 中国人名的演变与审美趋势//北京联合大学学报. 1989. № 2. 页码 30-35.
162. 黄锡惠. 满语地名翻译的语源、音变问题. 满语研究, 1991. № 2. 页码 95-112.
163. 黄锡惠. 黑龙江省满语地名翻译的几个问题. 满语研究, 1985. № 2. 页码 54-62.
164. 黄锡惠. 《吉林通志》中与植物有关之满语水体名称考释. 满语研究, 1987. № 1. 页码 81-102.
165. 黄锡惠. 文献中以自然地理实体地理通名为专名之满语水体考释. 满语研究, 1989. № 2. 页码 62-82.
166. 黄锡惠. 清代志书中以动物为名之满语水体考释(一). 满语研究, 1987.

№ 2.页码 46–70.

167. 黄锡惠. 文献中以地形地貌的形象特征为名之满语水体考释. 满语研究, 1991. № 2.页码 68–83.

168. 黄锡惠. 文献中与经济生活有关之满语水体考释(一). 满语研究, 1996. № 2.页码 68–78.

169. 黄锡惠. 文献中以动物为名之满语水体续考(二). 满语研究, 1994. № 2.页码 100–111.

170. 黄锡惠. 文献中以草本植物为名之满语水体续考. 满语研究, 1992. № 1. 页 74–89.

171. 黄锡惠. 文献中以动物为名之满语水体续考(二). 满语研究, 1995. № 1. 页 99–106.

172. 黄进华. 中东铁路、十月革命和哈尔滨工业大学的诞生. 哈尔滨工业大学学报(社会科学版), 2010. № 1.页码 1–5.

173. 胡博雅, 鲁刚. 哈尔滨俄罗斯侨民与中俄文化的交汇融合. 黑龙江省社会主义学院学报, 2010. № 2. 页码 43–46.

174. 泓俊. 汉语人名传统的文化特征及其当代价值. 人民论坛, 2022. № 21. 页码 104–106.

175. 景爱. 满洲里的名称怎么来的? 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 1981. № 1. 页码 146–146.

176. 江洪, 江山. 中国古代度量衡单位名称之变化一斛、石(shí)、石(dàn)关系小考. 绥化师专学报, 2002. № 2. 页码 76–79.

177. 姜振寰, 郑世先, 陈朴. 中东铁路的缘起与沿革. 哈尔滨工业大学学报(社会科学版), 2011. № 1. 页码 1–15.

178. 金东勋. 白头山传说群探微. 延边大学学报(社会科学版), 1990. № 4. 页码 67–73.

179. 谢玉娥. 人名, 性别, 文化: 对“男人名”、“女人名”文化现象的考察 //

- 中国文化研究. 2000. № 1. 页码 103–108.
180. 李嗣. 古代皇帝年号的来源. 语文世界, 1998. № 1. 页码 40–41.
181. 李翔. 《共和国记忆 60 年·成长地标》连载之二鸭绿江: 战争后的战争. 民主与法制, 2009. № 16. 页码 64–65.
182. 李学明, 由美. 谈“白金宝文化”经济生活. 大庆社会科学, 2019. № 3. 页码 101–103.
183. 李学成, 王雁. 溥仪与“帝室御用挂”. 兰台世界(上旬), 2013. № 7. 页码 81–82.
184. 李南. 中国姓氏. 合肥. 黄山书社, 2013. 131 页.
185. 李亮. 日本侵华时期伪满洲国的战略地位及实质. 赤峰学院学报(汉文哲学社会科学版), 2015. № 1. 页码 37–39.
186. 李紫嫣. 汉字与中国的姓名文化. 品味·经典, 2017. № 2. 页码 44–46.
187. 林岩. 黑瞎子上炕 吉林乌拉火锅. 饮食科学, 2013. № 5. 页码 45–45.
188. 刘昱洁. 俄侨文化对哈尔滨的影响. 区域地理, 2019. № 42. 页码 103–105.
189. 朗琅, 张原. 满族非物质文化遗产中靰鞡鞋的保护与传承问题研究. 中国民族博览, 2018. № 8. 页码 6–7.
190. 柳成栋, 闻鹭. 哈尔滨—文化记忆中的独特风景. 黑龙江史志, 2008. № 4. 页码 25–26.
191. 吕继祥. 民众心目中的泰山. 风景名胜, 1995. № 12. 页码 32–32.
192. 苗慧, 刘洪波. 中国俄罗斯侨民与俄文学活动. 理论观察, 2008. № 4. 页码 140–141.
193. 南惠英. 十月革命前俄国远东的朝鲜移民人口状况研究. 人口学刊, 2013. № 6. 页码 34–40.
194. 况雨霞, 王娟. 中俄文化交流浅论. 乌鲁木齐职业大学学报, 2010. № 1. 页码 45–147.
195. 马良玉, 宫丽艳. 近代哈尔滨俄侨群体发展与消亡历史考. 哈尔滨市委党

- 校学报, 2011. № 2. 页码 87-90.
196. 宁凝. 长春旧城-宽城子. 兰台内外, 2002. № 2. 页码 52-53.
197. 彭传勇, 石金焕. 中东铁路中央图书馆学术活动评析. 西伯利亚研究, 2020. № 2. 页码 79-87.
198. 邱隆. 中国历代度量衡单位量值表及说明. 中国计量, 2006. № 10. 页码 46-48.
199. 荣洁. 哈尔滨俄侨文学. 外语研究, 2002. № 3. 页码 45-50.
200. 孙占文. 哈尔滨史略. 北方论丛, 1978. № 2. 页码 99-107.
201. 孙中岩. 黑龙江市县名称由来. 现代审计与会计, 2010. № 12. 页码 59-60.
202. 宋宝华. 哈尔滨秋林公司史话(二). 黑龙江史志, 2007. № 2. 页码 39-42.
203. 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社, 2003. 609 页.
204. 史鑫. 汉语姓名文化特色分析. 中国民族博览, 2015. № 12. 页码 21-22.
205. 田君. 中俄文化交流在“一带一路”建设中的发展趋势研究. 文化创新比较研究, 2020. № 4. 页码 188-190.
206. 唐戈. 中俄东段边界跨民族形成的主要历史阶段. 东北史地, 2004. № 11. 页码 20-23.
207. 陶康华, 周国祺. 黄浦江溯源-以水联姻 四源同根. 现代城市研究, 2008. № 11. 页码 83-87.
208. 魏存成. 集安在高句丽历史上的重要地位及其遗产表现. 吉林大学社会科学学报, 2004. № 2. 页码 28-33.
209. 完颜雯洁. 黑龙江现存满语地名的语言学分类. 黑龙江史志, 2011. № 6. 页码 53-54.
210. 王岸英. 牡丹江流域满语地名之翻译考证, 民族翻译. 2008. № 1. 页码 54-70.
211. 王岸英, 黄锡惠. “宁古塔”地名的翻译与考证. 黑龙江民族丛刊, 2007. № 4. 页码 116-121.

211. 王亚民. 中国现代文学中的俄罗斯侨民文学. 上海师范大学学报(哲学社会科学版), 2010. № 6. 页码 101–107.
213. 王晓兰. 跨文化语境下的哈尔滨俄侨文学. 绥化学院学报, 2013. № 2. 页码 16–18.
214. 王禹浪, 王俊铮. 牡丹江流域早期考古学文化与古代民族的遗迹. 满族研究. 2016. № 3. 页码 35–45.
215. 王永祥. 哈尔滨文庙. 学习与探究, 1981. № 5. 页码 2–2.
216. 王志军. 论哈尔滨圣尼古拉教堂的历史与现实意义. 哈尔滨学院学报, 2017. № 12. 页码 109–113.
217. 王志军. 哈尔滨圣索菲亚教堂百年钩沉. 哈尔滨学院学报, 2018. № 6. 页码 78–81.
218. 王哲时. 维特与李鸿章交涉有关中东铁路问题实情录析. 辽宁大学学报(哲学社会科学版), 1990. № 5. 页码 43–46.
219. 汪文一. 浅谈在华俄侨文学及主要作家. 中国民族博览, 2015. № 9. 页码 195–196.
220. 汪之城. 上海俄侨史. 上海. 三联书店上海分店出版社, 1993. 829 页.
221. 希萨姆特基诺夫 A. A. 关于中国俄侨史的几个问题. 西伯利亚研究, 2012. № 5. 页码 14–15.
222. 辛德勇. 年号背后的玄机与深意. 人民论坛, 2021. № 27. 页码 108–112.
223. 肖洪. 20 世纪哈尔滨俄侨教育体系构建的历程与思考. 边疆经济与文化, 2018. № 5. 页码 22–24.
224. 应瑾滢, 包曙光. 白金宝文化的对外交往研究. 大庆社会科学, 2024. № 3. 页码 133–136.
225. 杨海鹏, 姚玉成. 关于肃慎的考古学文化. 满族研究, 2011. № 1. 页码 40–45.
226. 于龙. 黑龙江满语地名与地域文化. 潍坊教育学院学报, 2011. № 2. 页码 45–46.

227. 于雷, 李华英. 哈尔滨宗教建筑. 城建档案, 2007. № 1. 页码 17-21.
228. 朱东根. 也谈古代的帝王年号. 三峡大学学报(人文社会科学版), 2011. № 3. 页码 75-79.
229. 张佐娟, 张可佳. 俄侨文化对黑土文明的影响-以哈尔滨为例. 北方音乐, 2020. № 12. 页码 231-232.
230. 张松玲. 中俄跨文化交流背景下俄语教育模式分析. 黑龙江社会科学, 2018. № 4. 页码 160-163.
231. 张维华, 孙西. 清前中俄关系. 济南. 山东教育出版社, 1997. 359 c.
232. 张佳生. 满族与长白山. 沈阳. 辽宁民族出版社, 2011. 253 页.
233. 张岩岩. 鲁艺美术部在东北的历史沿革(1949-1953). 辽宁师范大学学报(社会科学版), 2013. № 2. 页码 300-304.
234. 张太湘. 绥芬河上游瑚布图河左岸考古调查. 求是学刊, 1979. № 4. 页码 78-85.
235. 张丽. 维特与库罗帕特金对华政策之争-以义和团运动时期为中心. 社会科学, 2014. № 6. 页码 146-153.
236. 郑颖, 刘海鹏. 谈一谈度量衡的“尺”: 历史追踪, 2025. № 2. 页码 49-51.
237. 郑颖, 刘海鹏. 谈一谈度量衡的“钱”: 历史追踪, 2025. № 4. 页码 55-56.
238. 郑颖, 刘海鹏. 谈一谈度量衡的“亩”: 历史追踪, 2025. № 6. 页码 54-56.
239. 周玉, 齐晶瑶. 全球化视野下的教学改革和教育创新-哈工大工程教育策略与实践研究. 高等工程教育研究, 2013. № 3. 页码 1-7.
240. 赵婷. 别列列申诗歌的中国情结. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), 2011. № 3. 页码 89-90.
241. 宗洋. 姓名背后的文化内涵//中国民族博览. 2024. № 1. 页码 41-43.

Список словарей и энциклопедий

1. БКРС– Большой китайско-русский словарь [электронный ресурс] // URL: <https://bkrs.info/>
2. БСЭ – Большая советская энциклопедия. Том 1–51. 2-е изд./ Глав. ред. 1–7 тт. – С. И. Вавилов, 8–51 тт. Б. А. Введенский. – Москва: Большая сов. энциклопедия, 1949–1958.
3. БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
4. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. – Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).
5. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
6. ГНР – Пospelов, Е. М. Географические названия России: топонимический словарь. – Москва: АСТ; Астрель, 2008. – 523 с.
7. ГЭС – Котляков В.М. Географический энциклопедический словарь: географические названия/ Гл. Ред. В. М. Котляков. 3-е изд. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2003. 903 с.
8. КРС – Китайско-русский словарь. 2-е изд. / Глав. ред. Ся Чжуни. – Пекин: Шаньбу иньшугань, 2004. – 1250 с.
9. КТС – Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. – Москва: Мысль, 1966. – 512 с.
10. ЛЭС – Добродомов, И. Г. Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
11. МГН – Мельников А. В. Географические названия Дальнего Востока России: Топонимический словарь. – Благовещенск: Интeрра-Плюс (Interra+), 2009. – 55 с.
12. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Ответ. ред. А. В. Суперанская. – Москва: Наука, 1988. – 192 с.

13. РККРС – Русско-китайский и китайско-русский словарь. 3-е изд. – Москва; Пекин: Шаньу иньшугуань, 2001. – 386 с.
14. РТС – Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 399 с.
15. СКТТС – Соловьев Ф. В. Словарь китайских топонимов на территории советского Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1975. – 221 с.
16. СЛТ – Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – Москва: Либроком, 2010. – 569 с.
17. СНГО – Словарь названий гидрографических объектов России и других стран–членов СНГ / под ред. Г. И. Донидзе. – Москва: Картгеоцентр; Геодезиздат, 1999. – 464 с.
18. ССТ – Словарь социолингвистических терминов / Глав. ред. Е. М. Василевич. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2006. – 312 с.
19. 王维国. 外研社精编俄汉汉俄词典 / 王维国等编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.
20. 张建华. 现代俄汉双解词典/ 张建华等编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2021.

Список печатных и электронных источников

1. «Вспомним всех поимённо»: Светлой памяти Елены Петровны Кирилловой (24.05.1927 – 23.01.2020) [Электронный ресурс] //URL: <https://mpgu.su/novosti/vspomnim-vseh-poimjonno-svetloj-pamjati-eleny-petrovny-kirillovoj-24-05-1927-23-01-2020/>
2. АВВТ – Арсеньев В. К. Встречи в тайге. – Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1966. – 113 с.
3. АВГСА – Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня. – Москва: Молодая гвардия, 1937. – 276 с.
4. АДУК – Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. – Хабаровск:

Книжное дело, 1928. – 456 с.

5. АГВ – Авченко В. О. Глобус Владивостока. Краткий разговорник-путеводитель. Комментарий к ненаписанному роману. – Екатеринбург: Издательские решения, 2017. – 65 с.

6. АДВ – Авченко В. О. Дальний Восток: иероглиф пространства. Уроки географии и демографии. – Москва: АСТ, 2020. – 215 с.

7. АДУ – Арсеньев В. К. Дерсу Узала. – Владивосток: Книжное дело, 1928. – 214 с.

8. АКВГ – Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. – Хабаровск: Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1921. – VI + 335 + XIX с.

9. Амурская областная общественная писательская организация. [Электронный ресурс] //URL: <https://геоамур.рф/sources/cultural/cultural-x=049.php>

10. АРО – Анташкевич Е. М. 33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине. – Екатеринбург: Издательские решения, 2021. – 312 с.

11. АСТ – Арсеньев В. К. Сквозь тайгу. – Москва: Географическая литература, 1955. – 123 с.

12. АХ – Анташкевич Е. М. Харбин. – Москва: АСТ, 2020. – 506 с.

13. БВВ – Байков Н.А. Великий Ван. – Владивосток: Альманах Рубеж, 2009. – 528 с.

14. БХНДК – Арсеньев В. К., Титов Е. И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Х– абаровск; Владивосток: Книжное дело, 1928. – 84 с.

15. БЧК – Байков Н.А. Черный капитан. – Бризбен, 1959. – 163 с.

16. В чем состоит исключительность американцев? Теория фронта Ф. Дж. Тёрнера. [Электронный ресурс] //URL: <https://dzen.ru/a/ZesIIIEY5EjOVhe6->

17. Ван Вэйго (王维国). 外研社精编俄汉汉俄词典 / 王维国等编. 北京: 外语教学与研究出版社, 2011.

18. ВГС – Петров В. П. Город на Сунгари. Очерки и рассказы. – Washington,

- Д.С.: Изд-е Рус.-Амер. ист. об-ва, 1987. – 212 с.
19. ВДТВ – Весь деловой и торговый Владивосток / Под ред. И. С. Кларка. Изд-е Примгубдеткомиссии. – Владивосток: Тип. «Красное знамя», 1924. – 78 + 226 + 130 + 16 + 42 с.
20. ВДУК – Арсеньев В. К. В делях Уссурийского края. – Хабаровск: Книжное дело, 1928. – 456 с.
21. Великие реки России: Усури – наскальные рисунки на краю мира [Электронный ресурс] //URL: <https://берегдобрыхдел.рф/news/velikie-reki-rossii-ussuri-naskalnye-risunki-na-krayu-mira/>
22. ГП – Горький А. М. Полное собрание сочинения: Письма в 24 т. Т. 17. – Москва: Наука, 2014. – 870 с.
23. ГРХ – Гончаренко О. Г. Русский Харбин. – Москва: Вече, 2009. – 256 с.
24. Железнодорожное собрание сегодня – Харбинский железнодорожный музей. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.domrz.ru/map/kharbin/zheleznodorozhnoe-sobranie/>
25. ЗАБ – Задоронов Н.В. Амур-батюшка. – Владивосток: Дальгиз, 1941. – 468 с.
26. КВУК – Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический // Записки Приамурского отдела Русского географического общества. Т. X. Вып. 1. – Хабаровск: тип. Канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. – 203 с.
27. КНРК – Краснов П. Н. На рубеже Китая. – Париж: Издание главного правления зарубежного союза русских военных инвалидов, 1939. – 119 с.
28. Маршруты сплавов по рекам провинций Хэйлуцзян: гора Маоэршань [Электронный ресурс] //URL: https://russian.dbw.cn/system/2013/07/29/000698198_03.shtml
29. Наш дом – Приамурье. [Электронный ресурс] //URL: <https://togudv.ru/ru/library/projects/literary-review/issue9/priamurye/>

30. НДВ – Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. – Санкт-Петербург: издание А. Ф. Девриена, 1897. – 468 с.
31. ПГН – Поспелов Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь / отв. ред. Р. А. Агеева. 2-е изд. – Москва: Русские словари; Астрель; АСТ, 2002. – 512 с.
32. ПД – Пришвин М. М. Дневники: 1928–1929 / Подгот. текста Л. А. Рязановой; коммент. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой. – Москва: Русская книга, 2004. – 544 с.
33. Петров Виктор Порфирьевич [Электронный ресурс] //URL: <https://russianemigrant.ru/book-author/petrov-viktor-porfirevich>
34. ПУК – Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1869–1869 г. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1927. – 316 с.
35. Ранний период переселения корейцев в России (1860-е гг. XIX в.– 1917 гг.). [Электронный ресурс] //URL: <https://pomnirod.ru/articles/emigraciya1/pereseleniya/rannij-period-pereseleniya-korejcev-v-rossiyu-1860-e-gg-xix-v-1917-gg.html>
36. Река Ашихэ [Электронный ресурс] //URL: <https://руни.рф/Ашихэ>
Страницы воскресших книг. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.slovoart.ru/node/2073#11>
37. Русское литературное зарубежье (три волны эмиграции) [Электронный ресурс] //URL: <https://782329.selcdn.ru/leonardo/uploadsForSiteId/46178/content/b3442d38-5725-4839-8b3d-30a492fcd8c8.pdf>.
38. ТНХ – Таскина Е. П. Неизвестный Харбин: [Русский Харбин на рубеже XX в. и в 20-е гг.]. – Москва: Прометей, 1994. – 159 с.
39. Торговый дом И.Я. Чурин и Ко. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.domrz.ru/map/kharbin/torgovyy-dom-churina/?ysclid=me3urelug585008270>

40. ТРХ – Таскина Е. П. Русский Харбин / Сост., предисл. и коммент. Е. П. Таскиной. – Москва: Изд-во МГУ, 1998. – 272 с. 2-е изд. – Москва: Наука. – 352 с.
41. ФВК – Балашкин П. П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Том первый. – Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Книгоиздательство «Сириус», 1958. – 421 с.
42. ХНВ – Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война: этнический бандитизм на Дальнем Востоке. – Москва: Центрполиграф, 2009. – 253 с.
43. ХЧИ-45 – Хисамутдинов А. Честь имею: Владимир Арсеньев. Ч. 45 // <https://оиак.рф/news/2022-12-21/chest-imeyu-vladimir-arsenev-chast-45>.
44. Цзюху. [Электронный ресурс] //URL: https://vk.com/@heaven_dragon-zabytoe-na-stene?ysclid=mewiusoce123438827
45. ARCH – Arsenjew W. K. Russen und Chinesen in Ostsibirien / Übers. von Franz Daniel. – Berlin: A. Scherl, 1926. – 228 p.
46. AWO – Arsenjew W. K. In der Wildnis Ostsibiriens: Forschungsreisen in Ussurigebiet. 2 Bände / Übers. von Franz Daniel. – Berlin: A. Scherl, 1924–1925.
47. Chinese/Metric/Imperial Measurement Converter [Электронный ресурс] //URL: <http://www.mandarintools.com/measures.html>
48. Role of the Amur region newspaper literary supplements in dynamics of literary process at the end of XX – the beginning of the XXI centuries. [Электронный ресурс] //URL: <https://science-education.ru/en/article/view?id=16307>
49. 阿什河. [Электронный ресурс] //URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%98%BF%E4%BB%80%E6%B2%B3/6110632>
50. 大江大河之乌苏里江（中俄界河）. [Электронный ресурс] //URL: http://www.360doc.com/content/25/0515/00/5395468_1153369202.shtml
51. 解密中国河流的满语起源及背后的文化内涵 [Электронный ресурс] //URL:<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1834667376784587062&wfr=spider&for=>

pc

52. 同发隆百货 . [Электронный ресурс] //URL:

http://www.360doc.com/content/20/1014/16/26561818_940438175.shtml

53. 我国最东部河流瑚布图河 . [Электронный ресурс] //URL:

<https://baijiahao.baidu.com/s?id=1752958780684991001&wfr=spider&for=pc>

54. 中国主要山脉简介 (四) [Электронный ресурс] //URL:

http://www.360doc.com/content/24/0604/09/8188423_1125267508.shtml

Приложения

Приложение 1. Территория династии Тан

Приложение 2. Территория Государства Гаоли/Когурё

Приложение 3. Территория Бохайского царства

Приложение 4. Территория Династии Ляо

Приложение 5. Территория Династии Цзинь

Приложение 6. Территория Династии Цин

